

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Том 27. Выпуск 1

Санкт-Петербург

2024

Россия в глобальном мире

Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **ответственный редактор**;

Бахтуридзе З.З. – д.полит.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Гафаров М. – д.ю.н., профессор (Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан);

Дай Юнхун – д.э.н., профессор (Институт международных исследований, Институт регионоведения и международной коммуникации Шэньчжэньского университета, г. Шэньчжэнь, Китай);

Калашикова Н.П. – д.полит.н., профессор (Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Кефели И.Ф. – д.филос.н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Лисеев И.К. – д.филос.н., главный научный сотрудник (Институт философии Российской Академии Наук, г. Москва, Россия);

Лю Шицзин – Генеральный секретарь Западного исследовательского центра развития (Сычуаньская академия социальных наук; г. Сычуань, Китай);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия);

Оспанова А.Н. – PhD (Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева; г. Астана, Казахстан);

Русакович А.В. – д.ист.н., профессор (Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь);

Сидорчук И.В. – к.ист.н., доцент (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Табарев А.В. – д.ист.н., доцент (Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук; г. Новосибирск, Россия).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследовательские статьи, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (по номенклатуре специальностей ВАК):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения);

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история, 5.6.4. Этнология, антропология и этнография, 5.6.6. История науки и техники, 5.6.7. История международных отношений и внешней политики);

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала - создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями, между специалистами и молодыми исследователями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций №, принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ).

В состав Редакколлегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые.

Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

ИНДЕКСАЦИЯ: сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ).

ISSN 2304-9472; ISSNе 2949-3501

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2024

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

**PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY**

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

Volume 27. Issue 1

Saint Petersburg
2024

Russia in the Global World

Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Associate Editor**;

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*)

Qafarov Midhad – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Yonghong Dai – Doctor of Economics, Professor (*Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Natalya P. Kalashnikova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint Petersburg, Russia*);

Igor' K. Liseev – Doctor of Philosophy (*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*);

Shijing Liu – Secretary General of the Western Development Research Center (*Sichuan Academy of Social Sciences, Sichuan, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Aigerim N. Ospanova – Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – PhD in History (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*);

“*Russia in the Global World*” is a quarterly peer-reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations);

5.6. Historical sciences (5.6.1. Domestic History, 5.6.2. General History, 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.6.6. History of Science and Technology, 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy);

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science, elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration “Ethical Principles of Scientific Publications” No. adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database “Russian Science Citation Index” (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library <http://www.elibrary.ru>, on the scientific platform Open Access “CyberLeninka” and the Russian State Library (RSL).

ISSN 2304-9472; ISSN e 2949-3501

Founder and publisher: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Editorial address: Grazhdansky pr., 28, Saint Petersburg, 195220, Russia

© Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

- Ли Цзинчэн.* «Три глобальные инициативы» Китая в рамках концепции «Сообщества единой судьбы человечества» 7
- Зверева И.В., Провоторова М.А.* Современные условия и перспективы энергетического сотрудничества России и Германии 24

Общество и политика

- Чимаров Н.С., Филь К.М.* Перспективы реализации Пакта Рериха на территории государств–членов СНГ 39
- Лбова Л.В., Люй Шуанишун, Ли Сюечань.* Современные практики и стратегии сохранения нематериального культурного наследия в северо-восточном Китае 55

Страны, народы и культуры

- Поздеева Е.Г.* Развитие современных направлений молодежного волонтерства как расширение возможностей профессионально-личностного развития 78
- Ван Минцзюнь, Калашникова Н.П.* Создание и развитие китайско-вьетнамских «зон фань гуаньси» (политико-исторический аспект) 95

Евразийская интеграция

- Пьянникова Д.Е.* Переформатирование итальянской внешней политики в XXI веке: выход из китайской инициативы «Один пояс – один путь» и присоединение к ИМЕС 108
- Го Шаньшань.* Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА): трудности развития и пути реформ 123

История науки и техники

- Цуй Лун.* Исследование Арктики китайскими учеными (исторический аспект)..... 140

CONTENTS

International Relations

- Li Jingcheng.* China's 'Three Global Initiatives' within the Framework of the 'Community of Shared Future for Mankind' Concept 7
- Zvereva, I.V., Provotorova, M.A.* Contemporary Conditions and Prospects for Energy Cooperation between Russia and Germany 24

Society and Politics

- Chimarov, N.S., Fil, K.M.* Prospects for the Implementation of the Roerich Pact on the Territory of the CIS Member States 39
- Lbova, L.V., Lyu Shuangshuang, Li Xuechan.* Modern Practices and Strategies for Safeguarding Intangible Cultural Heritage in North-Eastern China 55

States, Nations and Cultures

- Pozdeeva, E.G.* Modern Youth Volunteer Participation as an Extension of Professional and Personal Development 78
- Wang Mingjun, Kalashnikova, N.P.* Creation and Development of the Sino-Vietnamese «Fan Guangxi Zones» (Political and Historical Aspect) 95

Eurasion Integration

- Pyannikova, D.E.* Reformatting the Italian foreign policy in the XXI century: Withdrawal from the Chinese initiative (BRI) and joining IMEC 108
- Guo Shanshan.* Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (CICA): Development Challenges and Pathways to Reforms 123

History of Science and Technology

- Cui Long.* Chinese Research on the Arctic (Historical Aspect) 140

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

research article

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.1.1

China's 'Three Global Initiatives' within the Framework of the 'Community of Shared Future for Mankind' Concept

Li Jingcheng ✉

Shenzhen University, Shenzhen, China

✉ jc.li@szu.edu.cn

Abstract. *The global geopolitical and geo-economics' situation is rapidly deteriorating, posing risks and challenges to development, security, and global governance. Ongoing hostilities threaten regional and global security, hinder human development, and cause irreversible damage. The concept of the Community of Shared Future for Mankind reflects China's commitment to a peaceful and mutually beneficial environment, offering a framework and practical measures to address international issues. The Community of Shared Future represents the direction for global development, aiming for common prosperity, sustainable peace, and mutual learning among civilizations. The paper examines three global initiatives of China in the development, security and civilisation fields, with an emphasis on the issue of strategic leadership in the realisation of the the "Community of Shared Future". Inductive and synthetic research methods are applied to uncover the facts, starting from the preconditions of world development and moving on to the need for a global conceptual framework and practical ways to realise it. The study shows that implementing the three global initiatives is strategically crucial for creating a Global Community of Shared Future. The basic principles, central vision and practical way of implementing the three initiatives were examined. The Global Development Initiative promotes commonness, cooperation, inclusiveness, openness, and innovation. The Global Security Initiative addresses the common security needs of the international community. The Global Civilization Initiative showcases China's willingness to engage with the world community, promoting equality, mutual appreciation, dialogue, and understanding of different civilizations. The findings indicate that the three global initiatives complement each other in achieving lasting peace, universal security, shared prosperity, openness, inclusivity, purity, and virtue. The initiatives furthered the conceptual framework for building a Community of Shared Future and demonstrated practical options for modernisation and development in addressing contemporary global challenges and promoting pluralistic models of global governance.*

Keywords: China's Political Philosophy; China's Diplomacy; Shared Future for Mankind; Global Development Initiative; Global Security Initiative; Global Civilization Initiative

Funding: The research was carried out with the support of the National Social Science Fund of China (No. 22CGJ048).

For citation: Li Jingcheng. China's 'Three Global Initiatives' within the Framework of the 'Community of Shared Future for Mankind' Concept. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 1. P. 7–23. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.1

© Li Jingcheng. 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.1

«Три глобальные инициативы» Китая в рамках концепции «Сообщества единой судьбы человечества»

Ли Цзинчэн ✉
Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь, Китай
✉ jc.li@szu.edu.cn

Аннотация. Геополитическая и геоэкономическая ситуация в мире стремительно обостряется, создавая риски и проблемы для развития, безопасности и глобального управления. Продолжающиеся военные действия угрожают региональной и глобальной безопасности, препятствуют развитию человечества и наносят непоправимый ущерб. Концепция Сообщества единой судьбы человечества отражает приверженность Китая мирному и взаимовыгодному окружению, предлагая рамки и практические меры для решения международных проблем. Сообщество единой судьбы представляет собой направление глобального развития, нацеленное на всеобщее процветание, устойчивый мир и взаимное обучение цивилизаций. В данной статье рассматриваются три глобальные инициативы Китая в области развития, безопасности и цивилизации с акцентом на проблематику стратегического лидерства в реализации «Сообщества единой судьбы». Для выявления фактов используются индуктивный и синтетический методы исследования, начиная с предпосылок мирового развития и заканчивая необходимостью формирования глобальных концептуальных рамок и практических путей их реализации. Исследование показывает, что реализация трех глобальных инициатив имеет стратегически важное значение для создания Глобального сообщества единой судьбы. Рассмотрены основные принципы, центральное видение и практические пути реализации трех инициатив. Инициатива глобального развития способствует развитию общности, сотрудничества, инклюзивности, открытости и инноваций. Инициатива глобальной безопасности направлена на удовлетворение общих потребностей международного сообщества в области безопасности. Инициатива глобальной цивилизации демонстрирует готовность Китая взаимодействовать с мировым сообществом, поощряя равенство, взаимную признательность, диалог и понимание различных цивилизаций. Результаты исследования показывают, что три глобальные инициативы дополняют друг друга в достижении прочного мира, всеобщей безопасности, общего процветания, открытости, инклюзивности, чистоты и добра. Инициативы обогатили концептуальные рамки построения Сообщества единой судьбы и продемонстрировали практические варианты модернизации и развития в решении современных глобальных проблем и продвижении плюралистических моделей глобального управления.

Ключевые слова: политическая философия Китая; дипломатия Китая; сообщество единой судьбы человечества; инициатива глобального развития; инициатива глобальной безопасности; инициатива глобальной цивилизации

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта Национального фонда социальных наук Китая (No. 22CGJ048).

Для цитирования: Ли Цзинчэн. «Три глобальные инициативы» Китая в рамках концепции «Сообщества единой судьбы человечества» // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 1. С. 7–23. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.1

© Ли Цзинчэн. 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

The world is currently experiencing significant changes, unlike any seen in the past century. In particular, over the last decade, the international geopolitical and geoeconomic environment has rapidly escalated and shifted towards an environment beyond the control of the global community, represented by the United Nations. As a result, risks, challenges, and volatility have emerged in the areas of development, security, and civilizational governance. Although their forms may differ, they share common features in exerting influence over global processes of peace and development. These features include hegemonism, power and military policy, continuous interference in the internal affairs of other countries, creating new hot spots in world regions, trade obstacles in the world economy, promoting ideological and military confrontation, and ultimately leading to real conflict. This domination of the world's resources of strategic importance for industry and existence is a cause for concern. The current geopolitical landscape is marked by conflicts between Ukraine and Russia, as well as between Palestine (Hamas) and Israel. Hostilities in the Middle East, particularly in Yemen and Lebanon, involve the US and its allies such as the UK, and are partly concerned with Iran and Pakistan. This situation highlights the intensification of strategic rivalry and confrontation of interests between the world and regional powers. Ongoing and prolonged military actions pose a significant threat to regional populations and the international security, reduce the opportunities for human development, and cause irreparable damage to the civilizational history of the peoples of these regions and of humanity as a whole.

However, it is important to highlight the impact of the previous pandemic on socio-economic development. The pandemic has brought significant issues to the forefront during its spread and duration. For example, measures such as lockdown and self-isolation, along with actions taken to protect territories, have led to a mindset of limiting interactions with others. The potential consequences of this situation include increased misunderstandings, friction, and conflicts in international relations, as well as a rise in de-globalization, heightened protectionism, and unilateralism in politics, economics, and trade. These repercussions extend beyond regional conflicts to encompass global energy and food crises. Additionally, the free flow of goods and supply chains have been significantly impeded and harmed. Despite the lifting of restrictive measures in most countries, there are still risks of both traditional and non-traditional natures. These risks are evident in the developmental imbalances between the East and West, as well as between developing and developed countries. Global cooperation remains fragile, and political dialogues are facing instability and unreliability.

Against this background, China, as a significant actor in international relations with substantial political and economic interests beyond its borders, reiterates its long-standing concept of the Community of Shared Future for Mankind, which was proposed to the world in 2013. Under this concept, countries are encouraged to work together to create true multilateralism and address global and regional challenges in development, security, and civilization.

The topic of this article was chosen purposefully. It is the creation of a Community of Shared Future for Mankind, which points out the right direction for the development of the world community, leading to common development, lasting peace and security, and mutual learning among civilizations. The researcher aims to investigate the issue of 'strategic guidance' in the implementation theory of the Community of Shared Future for Mankind, what are China's global initiatives on development, security and civilization, what are their forms of reflection, and how do they relate to the concept of the Community of Shared Future itself.

Methods and Materials

This study utilizes the inductive method to uncover the facts of individual events, from the preconditions of global development to the necessity of forming

conceptual frameworks and practical ways to implement them. The main theoretical and documentary bases of China's global development, security, and civilization initiatives are analyzed using a synthetic method to reconstruct the scientific discourse of each initiative. The comparative toolkit is used to identify the advantages and potential opportunities for interfacing with global development initiatives and projects.

The scientific literature on the 'Community of Shared Future for Mankind' is quite extensive and complete among Chinese authors such as Wang Yiwei [1], Shao Fajun [2], but it is also of great interest and focus in political and foreign policy discourse [3]. Due to the origin of the three global initiatives in China, there is a large and rapidly updated scholarly and journalistic literature base that is accessible to readers outside of China [4].

Russian authors attempt to demonstrate the multifaceted nature of the Community of Shared Future in their works, examining the basic idea of the shared future [5], approaching this concept from the perspective of Chinese diplomacy in the new era [6], considering the concept as the "engine of Eurasian development" [7], and many other works devoted to the Community of Shared Future from the perspective of state and global governance. Regarding studies on global development, security, and civilization, Russian scholars prioritize the security initiative. The researching of V.E. Petrovsky and A.A. Perminova present the main views of Chinese political scientists and conclude that the Chinese security initiative would share the Russian approach to global and regional security governance [8]; on the other hand, China has taken a position as a state that offers peace initiatives in times of conflict [9].

Results

The concept of the Community of Shared Future for Mankind is deeply rooted in the political philosophy of both ancient and contemporary China. Since the early 21st century, China has actively promoted peaceful development, as articulated in the White Paper on China's Peaceful Development (2011): Countries of different systems and different types and at various development stages are in a state of mutual dependence, with their interests intertwined [10], emphasizing the global interconnectedness of people. President Xi Jinping first introduced the concept in a speech at MGIMO University in 2012, and by the end of that year, it was officially adopted as policy in the Report of the 18th CPC Congress. Over the past decade, the concept has evolved. In 2015, Xi

Jinping presented a five-point proposal during his speech at the general debate of the 70th session of the UN General Assembly. He further outlined five goals for peace in his speech at the UN Office at Geneva in 2017, signaling a consistent expansion in the depth and scope of the vision [11].

The concept of Community of Shared Future for Mankind is frequently encountered in various multilateral forums involving China. Moreover, this concept has been incorporated into key Chinese documents on multiple occasions, emphasized by the country's leaders and foreign representatives. As stated at The Central Conference on Work Relating to Foreign Affairs in November 2023, the establishment of a Global Community of Shared Future for Mankind aims for an open, inclusive, clean, and beautiful world of lasting peace, universal security and common prosperity, promoting global governance through broad consultations and joint contribution for the greater good, guided by the principle of applying the common values of humanity, with the foundation of fostering a new type of international relations, strategically led by the implementation of the Global Development Initiative, Global Security Initiative, and Global Civilization Initiative, with the Belt and Road Initiative serving as the platform for action [12].

Global Development Initiative

In September 2015, a new agreement containing 17 sustainable development goals (SDGs) and 169 targets was approved at the United Nations Summit on Sustainable Development, replacing the Millennium Goals set in 2000 [13]. Eight years later, in September 2023, the Summit on SDGs took place during the high-level week of the United Nations General Assembly. The new report on the SDGs for 2023 presented at the Summit indicates that out of 36 goals considered, only 2 are on track to be achieved, and progress towards 8 goals is deteriorating [14]. It is evident that the implementation of SDGs is progressing too slowly and inconsistently, and under current conditions, the majority of SDGs will not be achieved by the 2030 deadline.

In September 2021, President Xi Jinping put forward the Global Development Initiative (GDI) during the debate of the 76th session of the UN General Assembly, with its six key principles being [15]:

- 1) development as a priority;
- 2) people-centered approach;

- 3) benefits for all;
- 4) innovation-driven development;
- 5) harmony between man and nature;
- 6) results-oriented actions.

The GDI calls for the creation of a global development community, promotes concerted efforts by the international community to address common development challenges, advances the restoration of global economic-trade and politico-consultative relationships post-pandemic, and aims to accelerate the implementation of the UN Sustainable Development Agenda for the period up to 2030. The six principles outlined in the GDI have current significance for global governance and the practice of contemporary multilateralism in order to navigate through complex situations and ensure greater stability in an unsettled and rapidly changing world.

At the High-Level Dialogue on Global Development in June 2022 [16], President Xi Jinping proposed to establish a development model based on inclusive and balanced development, coordination and inclusiveness, win-win cooperation, and common prosperity. The Chair's Statement [17] was published after the Dialogue, detailing the key concepts and principles of implementing the GDI, specifying cooperation directions in eight key areas, proposing 32 practical measures by China and other partners to implement the Initiative, enriching the action frameworks.

The Global Development Initiative has received a positive response and support from numerous countries and international organizations. In January 2022, the "Group of Friends of the Global Development Initiative" was established at the UN headquarters in New York, with the participation of about 70 countries. On the occasion of the second anniversary of the Global Development Initiative in April 2023, a high-level meeting on showcasing new progress of the GDI was held at the UN headquarters [18], during which representatives and experts from different countries comprehensively analyzed the principles and global significance of this initiative and its results. Over the course of two years, China has carried out a series of major events to implement the Initiative, including the Global Development and South-South Cooperation Fund and the Global Development Promotion Center, and actively contributed

to efforts to increase contributions to the United Nations Peace and Development Trust Fund (UNPDF) and the creation of an open project pool.

In accordance with the 17 Sustainable Development Goals, under the GDI eight key areas of cooperation have been established, including poverty reduction, food security, pandemic control, development financing, climate change, and the digital economy. As a result, the GDI has garnered support from over 100 countries, as well as the United Nations and other international and regional organizations. Over 100 early harvest collection projects have been implemented, benefiting more than 60 developing countries. Furthermore, the GDI has been included in a number of cooperative documents between China and Central Asia, ASEAN, Africa, Latin America, and Pacific island countries, totaling more than 20 nations.

The right to development, as stated in the United Nations approved Declaration on the Right to Development (1986), emphasizes that this right is "an inalienable human right by virtue of which every human person and all peoples are entitled to participate in, contribute to, and enjoy economic, social, cultural and political development," and underscores the need for international cooperation - " States have the duty to take steps, individually and collectively, to formulate international development policies with a view to facilitating the full realization of the right to development" [19]. Being a new type of international public product, the GDI embodies commonness, collaboration, inclusiveness, openness, and innovation. China has provided assistance to the development of more than 160 countries, is joining efforts with over 150 countries for the joint construction of the "Belt and Road Initiative", and continues to collaborate with more than 100 countries and international organizations to promote the GDI [20].

Global Security Initiative

"Global development is impossible without a peaceful and stable international environment" [21]. In April 2022, President Xi Jinping delivered a keynote address at the annual Boao Forum for Asia, proposing a Global Security Initiative (GSI). The initiative has the following goals and visions [22]:

1) Adhere to the concept of common, comprehensive, collective, and sustainable security and jointly ensure peace and security worldwide;

2) Respect the sovereignty and territorial integrity of all countries, non-interference in the internal affairs of other countries, respect the paths of development and social systems chosen independently by the peoples of all countries;

3) Adhere to the UN Charter, reject the "Cold War" mentality, oppose unilateralism, refrain from bloc politics and confrontational alliances;

4) Attach importance to the legitimate security concerns of all countries, uphold the principle of indivisible security, build a balanced, effective, and sustainable security architecture, and oppose building national security at the expense of the security of other countries;

5) Resolve disputes and differences between countries through dialogue and consultation, supporting all efforts conducive to peaceful crisis resolution, refraining from double standards, and opposing the abuse of unilateral sanctions and "long-arm jurisdiction";

6) Maintain security in both traditional and non-traditional areas, as well as work together on regional disputes, terrorism, climate change, cybersecurity, biosafety, and other global issues.

The Chinese GSI is based on "the question of our time": what concept of security the world needs and how all countries can achieve common security [23]. The GSI reflects the common needs of the international community in the field of security in new conditions and responds to the common aspirations of the international community for peace, cooperation, and development.

In February 2023, the Chinese government released The Global Security Initiative Concept Paper [24], which fully presents six key concepts and principles of China in the field of global security:

– A comprehensive, all-encompassing, cooperative, and sustainable security concept;

– Respect for the sovereignty and territorial integrity of all countries;

– Adherence to the purposes and principles of the UN Charter;

– Giving high importance to the legitimate security concerns of all countries;

– Resolving differences and disputes between countries through dialogue and consultations and peaceful means;

– Comprehensive security assurance in both traditional and non-traditional spheres.

The conceptual document proposes the creation of a global security community and systematically explores key areas of cooperation in the field of international security across 20 domains, including the role of the UN and leading powers in security, preventing nuclear war and arms races, promoting political resolutions to international conflicts, supporting mechanisms for regional security cooperation, maintaining regional security in the Middle East, Africa, and Latin America, focusing on non-traditional security such as food and energy, as well as security cooperation in emerging areas such as biology, artificial intelligence, the global ocean, and outer space.

The GSI emphasizes that humanity is an indivisible security community, and its formulated concepts and principles demonstrate China's determination and responsibility to the international community, promoting reforms in the global security governance system and the creation of a Community of Shared Future for Mankind.

Global Civilization Initiative

After the pandemic, the global economy has finally embarked on the long-awaited recovery. However, recent years have seen an activation of the Cold War mentality under the guise of "America First" and "civilizational supremacy" policies, leading to a blatant interference in the domestic affairs of world countries, escalation of geopolitical tensions, and military actions in many regions. In this context, a number of countries strongly advocate the concept of "diplomacy of values," encompassing both the politico-economic and cultural-ideological vision of a Western-centric world order. As noted by the Chinese scholar Wang X., security is a prerequisite for development, development is the driving force for security, and civilization is the foundation for development and security. At the same time, development and security are the path along which civilization advances and moves forward [25]. The egocentric policies significantly hinder normal exchange and communication between human civilizations.

China, as a modern global power with a millennia-old civilization, utilizing ancient wisdom and political philosophy, presents its own view of civilizations. For example, in March 2014, at the UNESCO headquarters in Paris, China's leader called on the world community to promote exchanges and

mutual understanding between civilizations, considering their diversification and uniqueness [26]. China's approaches to inter-civilizational dialogue with a Confucian orientation have been recognized by the international community as a "new civilizational paradigm" [27].

In order to strengthen humanitarian exchanges and promote mutual understanding among different peoples and cultures of the world, China is committed to developing global mechanisms such as the Boao Forum for Asia (BFA), the Conference on Dialogue of Asian Civilizations (CDAC), as well as ongoing humanitarian cooperation within BRICS and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). This has become an important component of multilateral cooperation in contrast to politics and economics. It is within these multilateral platforms that China's position on promoting understanding of human civilizations repeatedly articulates and embodies new realities in the realization of true multilateralism, from the establishment of an Asian Community of Shared Future to the Global Civilization Initiative.

Another prominent example is the Chinese reconciliation of Iran and Saudi Arabia. On March 10, 2023, the two countries signed a historic agreement in Beijing to restore diplomatic relations, presenting an application of Chinese philosophy in addressing acute global issues with "historic, political and civilizational differences." Exactly five days later, on March 15, the CPC in Dialogue with World Political Parties High-level Meeting took place, during which General Secretary Xi Jinping delivered a speech introducing the concept of "Global Civilization Initiative" (GCI) for the first time [28]. This initiative becomes the third significant opponent of the "three global initiatives," following the Global Development Initiative and Global Security Initiative, which China offers to the world community as an international public product. The GCI is based on four basic principles:

- 1) Respect for the diversity of world civilizations;
- 2) Promotion of the common values of all humanity;
- 3) Giving significance to the heritage and innovations of civilizations;
- 4) Strengthening international humanistic exchanges and cooperation.

Apparently, the GCI was put forward in response to post-pandemic instability in the global order, expressing China's readiness to open up and continue dialogue and cooperation with the global community, emphasizing equality, mutual

appreciation, dialogue, and inclusiveness in the process of bringing civilizations and peoples closer. Faced with new challenges, the GCI advocates for the preservation of traditional values and historical and cultural heritage through modern innovative means, and countries should make joint efforts to multiply the results of humanitarian exchanges and mitigate the consequences of clashes and conflicts between civilizations. Implementation of the GCI could contribute to multipolarity and the prosperity and development of the world.

Conclusion

In the face of the improbability of the future development of the global system and significant geopolitical and geoeconomic shifts, in response to the question of our time – "What is wrong with the world and what are we going to do about it?" – The Chinese concept of Community of Shared Future for Mankind embodies China's comprehensive vision of contemporary modernization and civilizational appreciation among the peoples of the world. It proposes a series of long-term strategic programs, starting with the Belt and Road Initiative (BRI) and extending to three global initiatives in the areas of development, security, and civilization. The year 2023 marked the tenth anniversary of the BRI, and at the Third Belt and Road Forum for International Cooperation (BRF) more than 150 countries and 40 international organizations came together to deepen international cooperation and practice a model of intercivilizational connectivity. International interactions through the BRI have opened new chapters of golden development. As for the implementation of the Global Civilization Initiative, it is impossible without coordination with Global Development and Security Initiatives, given the close interconnectedness of the global community. In view of a strong world, universal security, common prosperity, openness and inclusiveness, purity and beauty, the three global initiatives complement each other. They have not only enriched the conceptual basis for the creation of a Community of Shared Future for Mankind, but also demonstrated practical modernization and development options for addressing current global issues and promoting pluralistic models of global governance.

REFERENCES

1. Wang Yiwei 王义桅. Renlei mingyun gongtongti: Xinxing quanqiu hua de jiazhi guan 人类命运共同体：新型全球化的价值观 [The Community of Shared Future for Mankind: ...]

Values for a New Globalisation]. Beijing: Waiwen chubanshe 外文出版社 [Foreign Languages Press], 2021. 136 p. (in Chinese).

2. Shao Fajun 邵发军. Tuidong goujian renlei mingyun gongtongti de lilun neihan yu shijian lujing yanjiu 推动构建人类命运共同体的理论内涵与实践路径研究 [Research on the Theoretical Connotation and Practical Path of Promoting the Construction of a Community with a Shared Future for Mankind]. Beijing: Renmin chubanshe 人民出版社 [People's Publishing House], 2021. 240 p. (in Chinese).

3. Liu Jianchao. Promoting a Human Community with a Shared Future. 06.09.2023. *China Daily*. Available at <https://www.chinadaily.com.cn/a/202309/06/WS64f7b5b8a310d2dce4bb4175.html> (accessed: 05.02.2024).

4. Yi Ling, Cai Shuya, Mao Pengfei. World Insights: China's Global Security Initiative Conducive to Sustainable Security at Turbulent Times. 05.06.2023. *Xinhuanet*. Available at <https://english.news.cn/20230605/b11877822cf84110ac094605d60ce072/c.html> (accessed: 05.02.2024).

5. Bojarkina A.V. Konceptcija Si Czin'pina «soobshhestva edinoj sud'by chelovechestva» i predstavlenija ob «obshhej sud'be» v trudah rossijskih uchenyh i politikov [Xi Jinping's Concept of a Community with a Shared Future for Mankind and Ideas on Common Destiny in Works of the Russian Scholars and Politicians]. *Scientific journal "Discourse-P"*. 2020. № 4(41). P. 112–132. (In Russian).

6. Verchenko A.L. Prodvizhenie Kitaem idei «soobshchestva edinoj sud'by chelovechestva» [China's Promotion of the Idea of “Community of Common Destiny for Mankind”]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*. 2020. № 1. С. 6–18. (In Russian).

7. Tushkov A.A., Amelchenko A.Ya. K voprosu ob eksplikatsii kontsepta «Soobshchestva edinoj sud'by chelovechestva» kak drayvera evraziyskogo razvitiya [The Issue of Explication of the Concept of «Community of Common Destiny» as a Driver of Eurasian Development]. *Vestnik Universiteta mirovyh tsivilizatsiy*. 2022. Vol. 13. № 4(47). P. 67–71. (In Russian).

8. Petrovskiy V.E. «Initsiativa v oblasti global'noy bezopasnosti» glazami kitayskih politologov [“Global Security Initiative” as seen by Chinese political scholars]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. 2023. Vol. 28. № 28. P. 11–19. (In Russian).

9. Perminova A.A. Ot chastnogo k obshchemu [From Private to General]. *Rossiya v global'noy politike*. 2023. Vol. 21. № 5. P. 82–94. Available at <https://globalaffairs.ru/articles/ot-chastnogo-k-obshhemu/> (accessed: 16.01.2023). (In Russian).

10. China's Peaceful Development. September 2011, Beijing. *The State Council Information Office of the People's Republic of China*. Available at www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011n/202207/t20220704_130065.html (accessed: 05.02.2024).

11. A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions. September 2023. *The State Council Information Office of the People's Republic of China*. Available at http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2023-09/26/content_116710660.htm (accessed: 05.02.2024).

12. The Central Conference on Work Relating to Foreign Affairs was Held in Beijing Xi Jinping Delivered an Important Address at the Conference. 28.12.2023. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. Available at https://www.mfa.gov.cn/eng/zxxx_662805/202312/t20231228_11214416.html (accessed: 05.02.2024).

- 13.** Unanimously Adopting Historic Sustainable Development Goals, General Assembly Shapes Global Outlook for Prosperity, Peace. 25.09.2015. *United Nations. Meetings Coverage and Press Releases*. Available at <https://press.un.org/en/2015/ga11688.doc.htm> (accessed: 06.02.2024).
- 14.** Times of Crisis, Times of Change. Science for Accelerating Transformations to Sustainable Development. Global Sustainable Development Report. 2023. *United Nations*. Available at https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-09/FINAL%20GSDR%202023-Digital%20-110923_1.pdf (accessed: 06.02.2024).
- 15.** Bolstering Confidence and Jointly Overcoming Difficulties to Build a Better World. Statement by H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China at the General Debate of the 76th Session of the United Nations General Assembly. 21 September 2021. Available at https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/76/cn_en.pdf (accessed: 06.02.2024).
- 16.** Full Text: Remarks by President Xi Jinping at the High-level Dialogue on Global Development. 25.06.2022. *China GOV*. Available at https://english.www.gov.cn/news/topnews/202206/25/content_WS62b67d89c6d02e533532cbae.html (accessed: 06.02.2024).
- 17.** Chair's Statement of the High-level Dialogue on Global Development. 24.06.2022. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. Available at https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202206/t20220624_10709812.html (accessed: 06.02.2024).
- 18.** New Progress of the Global Development Initiative, New Actions to Implement the 2030 Agenda – Meeting of Group of Friends of Global Development Initiative. 19.04.2023. *United Nations. Meetings & Events*. Available at <https://webtv.un.org/en/asset/k1r/k1r3l2wx6m> (accessed: 06.02.2024).
- 19.** Declaration on the Right to Development. *United Nations. Office of the High Commissioner for Human Rights*. Available at <https://www.ohchr.org/sites/default/files/rtd.pdf> (accessed: 06.02.2024).
- 20.** Gong zhu quanqiu nanfang mingyun gongtongti 共筑全球南方命运共同体 [Building a Community of Shared Future in the Global South]. 20.09.2023. *Renmin ribao* 人民日报 [People's Daily]. P. 2. (In Chinese).
- 21.** Full Text of Xi's Remarks at Session I of G20 Summit in Bali. 15.11.2022. *Xinhuanet*. Available at <https://english.news.cn/20221115/775daefe8a2b44bd9aa6ea10d4da8328/c.html> (accessed: 06.02.2024).
- 22.** Xinhua Commentary: Global Security Initiative Offers China's Solution to Global Security Dilemmas. 23.04.2022. *Xinhuanet*. Available at <https://english.news.cn/20220423/2523e2d4175e4eae900a22ed3568ec7/c.html> (accessed: 06.02.2024).
- 23.** Wang Yi. Acting on the Global Security Initiative to Safeguard World Peace and Tranquility. 24.04.2022. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. Available at https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202205/t20220505_10681820.html (accessed: 06.02.2024).
- 24.** The Global Security Initiative Concept Paper. 21.02.2023. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. Available at https://www.mfa.gov.cn/eng/wjbxw/202302/t20230221_11028348.html (accessed: 06.02.2024).

25. Wang Xuebin 王学斌. “Quanqiu wenming changyi”: Zhu lao renlei mingyun gongtongti de zhushi “全球文明倡议”: 筑牢人类命运共同体的柱石 [The Global Civilisation Initiative: A Cornerstone for Building a Community of Shared Future]. 24.03.2023. *Xuexi shibao* 学习时报 [Study Times]. P. 2. (In Chinese).
26. Exchanges and Mutual Learning Make Civilizations Richer and More Colorful. 27.03.2014. *Qiushi Journal*. Available at en.qsttheory.cn/2021-01/13/c_607627.htm (accessed: 11.02.2024).
27. Rossi, I. Toward a New Globalization Paradigm and a UDHR-Based Inter-civilizational World Order. *Challenges of Globalization and Prospects for an Inter-civilizational World Order*. Springer, Cham. 2020. P. 1069–1126. https://doi.org/10.1007/978-3-030-44058-9_57
28. Full text of Xi Jinping's keynote address at the CPC in Dialogue with World Political Parties High-level Meeting. Beijing, 15.03.2023. *The State Council Information Office of the People's Republic of China*. Available at english.scio.gov.cn/topnews/2023-03/16/content_85171478.htm (accessed: 10.02.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ван Ивэй 王义桅. Жэньлэй минъюнь гунтунти: синьсин цюаньцюхуа дэ цзячжигуан 人类命运共同体: 新型全球化的价值观 [Сообщество единой судьбы человечества: ценности для новой глобализации]. Пекин: Вайвэнь чубаньшэ 外文出版社, 2021. 136 с.
2. Шао Фацзюнь 邵发军. Туйдун гоуцзянь жэньлэй минъюнь гунтунти дэ лилунь нэйхань юй шицзянь луцзин яньцзю 推动构建人类命运共同体的理论内涵与实践路径研究 [Исследование теоретического смысла и практического пути содействия созданию Сообщества единой судьбы человечества]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ 人民出版社, 2021. 240 с.
3. Liu Jianchao. Promoting a Human Community with a Shared Future. 06.09.2023. *China Daily*. Available at <https://www.chinadaily.com.cn/a/202309/06/WS64f7b5b8a310d2dce4bb4175.html> (accessed: 05.02.2024).
4. Yi Ling, Cai Shuya, Mao Pengfei. World Insights: China's Global Security Initiative Conducive to Sustainable Security at Turbulent Times. 05.06.2023. *Xinhuanet*. Available at <https://english.news.cn/20230605/b11877822cf84110ac094605d60ce072/c.html> (accessed: 05.02.2024).
5. Бояркина А.В. Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества» и представления об «общей судьбе» в трудах российских ученых и политиков // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4(41). С. 112–132.
6. Верченко А.Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 6–18.
7. Тушков А.А., Амельченко А.Я. К вопросу об экспликации концепта «Сообщества единой судьбы человечества» как драйвера евразийского развития // Вестник университета мировых цивилизаций. 2022. Т. 13 № 4(37). С. 67–71.
8. Петровский В.Е. «Инициатива в области глобальной безопасности» глазами китайских политологов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. Т. 28. № 28. С. 11–19.
9. Перминова А.А. От частного к общему // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 82–94. [эл. доступ]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-chastnogo-k-obshhemu/> (дата обращения: 16.01.2023).

10. China's Peaceful Development. September 2011, Beijing. *The State Council Information Office of the People's Republic of China*. Available at www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011n/202207/t20220704_130065.html (accessed: 05.02.2024).
11. A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions. September 2023. *The State Council Information Office of the People's Republic of China*. Available at http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2023-09/26/content_116710660.htm (accessed: 05.02.2024).
12. The Central Conference on Work Relating to Foreign Affairs was Held in Beijing Xi Jinping Delivered an Important Address at the Conference. 28.12.2023. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. Available at https://www.mfa.gov.cn/eng/zxxx_662805/202312/t20231228_11214416.html (accessed: 05.02.2024).
13. Unanimously Adopting Historic Sustainable Development Goals, General Assembly Shapes Global Outlook for Prosperity, Peace. 25.09.2015. *United Nations. Meetings Coverage and Press Releases*. Available at <https://press.un.org/en/2015/gal1688.doc.htm> (accessed: 06.02.2024).
14. Times of Crisis, Times of Change. Science for Accelerating Transformations to Sustainable Development. Global Sustainable Development Report. 2023. *United Nations*. Available at https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-09/FINAL%20GSDR%202023-Digital%20-110923_1.pdf (accessed: 06.02.2024).
15. Bolstering Confidence and Jointly Overcoming Difficulties to Build a Better World. Statement by H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China at the General Debate of the 76th Session of the United Nations General Assembly. 21 September 2021. Available at https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/76/cn_en.pdf (accessed: 06.02.2024).
16. Full Text: Remarks by President Xi Jinping at the High-level Dialogue on Global Development. 25.06.2022. *China GOV*. Available at https://english.www.gov.cn/news/topnews/202206/25/content_WS62b67d89c6d02e533532cbae.html (accessed: 06.02.2024).
17. Chair's Statement of the High-level Dialogue on Global Development. 24.06.2022. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. Available at https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202206/t20220624_10709812.html (accessed: 06.02.2024).
18. New Progress of the Global Development Initiative, New Actions to Implement the 2030 Agenda – Meeting of Group of Friends of Global Development Initiative. 19.04.2023. *United Nations. Meetings & Events*. Available at <https://webtv.un.org/en/asset/k1r/k1r3l2wx6m> (accessed: 06.02.2024).
19. Declaration on the Right to Development. *United Nations. Office of the High Commissioner for Human Rights*. Available at <https://www.ohchr.org/sites/default/files/rtd.pdf> (accessed: 06.02.2024).
20. Гунчжу цюаньцю наньфан минъюнь гунтунти 共筑全球南方命运共同体 [Создание Сообщества единой судьбы на Глобальном Юге]. 20.09.2023. Жэньминь жибао 人民日报. С. 2.
21. Full Text of Xi's Remarks at Session I of G20 Summit in Bali. 15.11.2022. *Xinhuanet*. Available at <https://english.news.cn/20221115/775daefe8a2b44bd9aa6ea10d4da8328/c.html> (accessed: 06.02.2024).

22. Xinhua Commentary: Global Security Initiative Offers China's Solution to Global Security Dilemmas. 23.04.2022. *Xinhuanet*. Available at <https://english.news.cn/20220423/2523e2d4175e4eae900a22ed3568ec7/c.html> (accessed: 06.02.2024).
23. Wang Yi. Acting on the Global Security Initiative to Safeguard World Peace and Tranquility. 24.04.2022. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. Available at https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202205/t20220505_10681820.html (accessed: 06.02.2024).
24. The Global Security Initiative Concept Paper. 21.02.2023. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. Available at https://www.mfa.gov.cn/eng/wjbxw/202302/t20230221_11028348.html (accessed: 06.02.2024).
25. Ван Сюэбинь 王学斌. “Цюаньцю вэньмин чанъи”: чжулао жэньлэй минъюнь гунтунти дэ чжуши “全球文明倡议”: 筑牢人类命运共同体的柱石 [Инициатива глобальной цивилизации: Краеугольный камень для создания Сообщества единой судьбы]. 24.03.2023. Сюэси шибао 学习时报. С. 2.
26. Exchanges and Mutual Learning Make Civilizations Richer and More Colorful. 27.03.2014. *Qiushi Journal*. Available at en.qsttheory.cn/2021-01/13/c_607627.htm (accessed: 11.02.2024).
27. Rossi, I. Toward a New Globalization Paradigm and a UDHR-Based Intercivilizational World Order. *Challenges of Globalization and Prospects for an Intercivilizational World Order*. Springer, Cham. 2020. P. 1069–1126. https://doi.org/10.1007/978-3-030-44058-9_57
28. Full text of Xi Jinping's keynote address at the CPC in Dialogue with World Political Parties High-level Meeting. Beijing, 15.03.2023. The State Council Information Office of the People's Republic of China. Available at english.scio.gov.cn/topnews/2023-03/16/content_85171478.htm (accessed: 10.02.2024).

Сведения об авторах / Information about authors

Li Jingcheng – PhD, Assistant Professor, College of International Studies, Institute of Area and International Communication Studies at Shenzhen University.
E-mail: jc.li@szu.edu.cn

The author declares no conflict of interests.

Ли Цзинчэн – доктор наук, ассистент-профессор Института международных исследований, Института регионоведения и международной коммуникации. Шэньчжэньский университет.

E-mail: jc.li@szu.edu.cn

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2024. Одобрена после рецензирования 19.02.2024. Принята 23.02.2024.
Received 12.02.2024. Approved after reviewing 19.02.2024. Accepted 23.02.2024*

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.2

Современные условия и перспективы энергетического сотрудничества России и Германии

Зверева Ирина Витальевна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
✉ irina.zvereva.03@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-0800-3556>

Провоторова Мария Александровна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
13mar603@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-6579-9011>

***Аннотация.** Актуальность данного исследования определена условиями интеграции и кооперации, возникшими на Европейском континенте, в которых Россия оказывается в текущее время по большей части изолирована от развитых стран. В связи с этим обсуждаются перспективы развития взаимодействия в сфере энергетики между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германией в рамках постоянно изменяющихся событий на международной арене, в первую очередь, в области газового сотрудничества. Последнее напрямую затрагивает экономику обеих стран, приводит к нестабильности и вызывает кризисы. Поэтому целью исследования определена попытка выявить наиболее важные факторы, влияющие на газовые отношения России и Германии, а также перспективы газового сотрудничества и их трансформацию с учетом возникших проблем на основе статистического анализа. В результате исследования было выявлено, что существуют не только аргументы против дальнейшего газового взаимодействия, но и в его пользу. В данном случае предположительно перевес будет иметь исход, связанный с длительной заморозкой отношений, до разрешения украинского конфликта. Это самая главная проблема, которая порождает дополнительные трудности в российско-германском диалоге. К ним относятся начало активного строительства СПГ-терминалов в Германии для других стран-поставщиков; стремление Германии совершить “зеленый переход” в области энергетики; ответные меры России в виде принятия законов, ограничивающих газовые поставки компаниям Германии; большое влияние ЕС и США на ФРГ. Практическое значение полученных результатов заключается в том, что исследование основывается на актуальных статистических данных энергетического взаимодействия ФРГ и РФ за последние несколько лет и основных причинах существующего конфликта двух стран с их обсуждением, которые позволяют сделать предположение о том, восстановится ли энергетическое сотрудничество России и Германии и когда это произойдет.*

Ключевые слова: газовая зависимость Германии; возобновление энергетического взаимодействия ФРГ и РФ; топливно-энергетический сектор; энергетическо-экономические отношения; энергетический поворот

Для цитирования: Зверева И.В., Провоторова М.А. Современные условия и перспективы энергетического сотрудничества России и Германии // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 1. С. 24–38. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.2

© Зверева И.В., Провоторова М.А., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.2

Contemporary Conditions and Prospects for Energy Cooperation between Russia and Germany

Irina V. Zvereva ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ irina.zvereva.03@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-0800-3556>

Maria A. Provotorova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
13mar603@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-6579-9011>

Abstract. *The relevance of this study is determined by the conditions of integration and co-operation that have emerged on the European continent, leaving Russia largely isolated from other advanced countries. Therefore, the perspectives for the development of cooperation in the energy sector between the Russian Federation and the Federal Republic of Germany are discussed within the framework of constantly changing developments in the international arena, primarily in the field of gas co-operation. The last aspect directly affects the economies of both countries, leads to instability and causes crises. Therefore, the purpose of the study is to identify the most important factors affecting gas relations between Russia and Germany, as well as the prospects of gas co-operation and their transformation, taking into account the problems that have emerged on the basis of statistical analysis. The study has revealed that there are not only arguments against further gas interaction, but also those in favor of it. The outcome in this case will presumably be a long-term suspension of relations until the Ukrainian conflict is resolved. This is the most important problem, which creates additional difficulties in the Russian-German dialogue. Some of them include the start of active construction of LNG terminals in Germany for other supplying countries; Germany's desire to make a "green transition" in the energy sector; Russia's response in the form of laws restricting gas supplies to German companies; and the strong influence of the EU and the US on the FRG. The practical significance of the results obtained lies in the fact that the study is based on actual statistical data on the energy interaction between Germany and the Russian Federation over the past few years and the main reasons for the existing conflict between the two countries with their discussion, which allow us to make an assumption about whether and when energy cooperation between Russia and Germany will be restored.*

Keywords: Germany's gas dependence; the resumption of energy cooperation between Germany and the Russian Federation; the fuel and energy sector; energy and economic relations; energy turnaround

For citation: Zvereva, I.V., Provotorova, M.A. Contemporary Conditions and Prospects for Energy Cooperation between Russia and Germany. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 1. P. 24–38. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.2

© Zvereva, I.V., Provotorova, M.A., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Россия и Германия имеют большой опыт международного сотрудничества в энергетической сфере в связи с тем, что Россия обладает внушительным объемом энергетических ресурсов: нефть, уголь и газ, в то время как Германия является государством, где стабильно развиваются технологии и промышленность. Так, совместная деятельность России и Германии является взаимовыгодной для обеих стран и позволяет развивать их экономику [1].

Активное энергетическое сотрудничество стран началось в 2005 г., когда В.В. Путин и Г. Шредер заключили соглашение о Северо-Европейском газопроводе через Балтийское море, что имело стратегическое значение для построения прочного газового взаимодействия России и Германии¹. В 2010 г. уже началось строительство газопровода “Северный поток”, а в октябре 2012 г. были запущены обе его нитки². Это ознаменовало начало активной газовой торговли России и Германии и становление их тесного взаимодействия в области энергетики. В дальнейшем после того, как страны подтвердили эффективность технологий прокладки “Северного потока”, одним из самых значимых проектов для стран являлся “Северный поток-2”, который был предложен в 2015 г. К его строительству страны отнеслись более серьезно и применили все необходимые современные технологии для улучшения прочности и безопасности труб. С этого момента строительство газопровода находилось под значительной инвестиционной поддержкой Германии и некоторых других европейских стран. Закончено строительство было в

¹ BASF, E.ON и «Газпром» заключили соглашение о Северо-Европейском газопроводе через акваторию Балтийского моря. 08.09.2005 // Газпром: [сайт]. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2005/september/article55441/?ysclid=lpbep970vj752842186> (дата обращения: 10.12.2023).

² «Северный поток», газопровод, напрямую соединивший Россию и Европу // Газпром: [сайт]. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream/> (дата обращения: 10.12.2023).

сентябре 2021 г.³ Таким образом, вплоть до 2022 г. газовые отношения России и Германии постепенно налаживались и становились более тесными и взаимовыгодными [1], о чём свидетельствуют строительства различных трубопроводов для транспортировки газа между странами, как транзитных, так и морских.

В настоящее время и в последние годы российско-германский диалог в сфере энергетического взаимодействия заморозился. В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли вообще в ближайшее время ожидать возобновление отношений. Проблема исследования в данном случае заключается в том, чтобы выявить, есть ли пути решения для возобновления связей, выгодно ли оно странам и будут ли они предпринимать какие-либо усилия для этого. Конкретизация цели исследования заключается в том, чтобы попытаться найти связь между такими процессами, как зависимость Германии от ЕС, ее стремление завершить энергетический переход, активное газовое сотрудничество ФРГ с другими странами, «ответные» действия России, а также украинский конфликт, с возможными будущими благополучными или безуспешными германско-российскими отношениями.

В предыдущие годы отечественными исследователями были опубликованы материалы, связанные с торгово-энергетическими отношениями России и Германии. В фокусе внимания характеристика ситуации и собственная исследовательская оценка перспектив развития взаимоотношений, что можно увидеть в работах Б.А. Ночвина [2], Н.А. Голубничего [3]. Особое внимание проекту «Газовый поток-2» уделила в своей работе А.Н. Растворцева, указав на то, какую пользу он несет для обеих стран [4]. Н.А. Каталкина и Н.В. Богданова оценили, что для Германии импорт газа из России является по-прежнему жизненно необходимым и крайне выгодным способом обеспечения собственной энергетической безопасности, однако сотрудничество двух стран основывается на политическом соперничестве [5].

³ «Северный поток – 2», экспортный газопровод из России в Европу через Балтийское море // Газпром: [сайт]. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream2/?ysclid=lp8cv0spd1838874886> (дата обращения: 15.12.2023).

В рамках предложенного исследования, учитывая современные условия, внешняя политика России в отношении Украины является одной из главных причин ухудшения отношений с западными странами, в то время как состояние промышленной отрасли Германии, по мнению авторов, ухудшилось из-за введенных против России санкций. Поэтому был проведен анализ перспектив дальнейшего газового взаимодействия с учетом ситуации, сложившейся уже в 2023 г. и представлены некоторые важные статистические данные в области газового сотрудничества двух стран.

Материалы и результаты исследования

С целью того, чтобы понять перспективы партнерства Германии и России, необходимо сначала рассмотреть трансформацию взаимодействия двух стран в течение последних нескольких лет, а затем обратиться к вопросу о существующих в настоящее время трудностях российско-германского диалога в отношении газовых поставок.

В ходе работы был проведен широкий анализ источниковой базы: статистические данные порталов, таких как Федеральная служба государственной статистики, Минэнерго, Центральный банк Российской Федерации, ПАО «Газпром», докладов, соглашений, выступлений официальных лиц. Также был рассмотрен недавно принятый законодательный акт об энергетической безопасности Германии.

По данным отчетности Газпрома, в 2019 г. «Газпром» поставил в Германию 53,502 млрд м³ газа⁴, в 2020 г. 48, 844 млрд м³ газа⁵, а в 2021 г. 50,7 млрд м³⁶. Несмотря на то, что объемы поставок не были стабильны с 2019 по 2021 год, Германия оставалась крупнейшим потребителем российского газа в Западной Европе, что положительно влияло на ее экономическое развитие. Для России взаимовыгодная политика была

⁴ Газпром в 2019 г. сократил экспорт газа в Западную Европу и поставки газа на российский рынок. 14.02.2020 // Neftegaz.ru: [сайт]. URL: <https://neftegaz.ru/news/Trading/524928-gazprom-v-2019-g-sokratil-eksport-gaza-v-zapadnyuyu-evropu-i-postavki-gaza-na-rossiyskiy-rynok/?ysclid=lpbfwnnovy128526644> (дата обращения: 16.12.2023).

⁵ Газпром в 2020 г. снизил экспорт газа в Европу на 8%, на внутренний рынок – на 7% 16.02.2021 // Neftegaz.ru: [сайт]. URL: <https://neftegaz.ru/news/Trading/665886-gazprom-v-2020-g-snil-eksport-gaza-v-evropu-na-8-na-vnutrenniy-rynok-na-7-/?ysclid=lpbg9mirm6452148076> (дата обращения: 18.12.2023).

⁶ Германия ищет пути замещения российских энергоносителей. 11.05.2022 // Neftegaz.ru: [сайт]. URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/736750-germaniya-ishchet-puti-zameshcheniya-rossiyskikh-energonositeley-s-neodnoznachnym-rezultatom/?ysclid=lpbfzn0btu192692429> (дата обращения: 16.12.2023).

также благоприятна, поскольку она позволяла пополнять активно государственный бюджет за счет продажи невозобновляемых источников энергии, что также отражается в экономической составляющей России. Также Россия рассматривалась странами Запада как ведущий поставщик газа, что увеличивало ее влияние в качестве главного импортера невозобновляемых ресурсов в Европу.

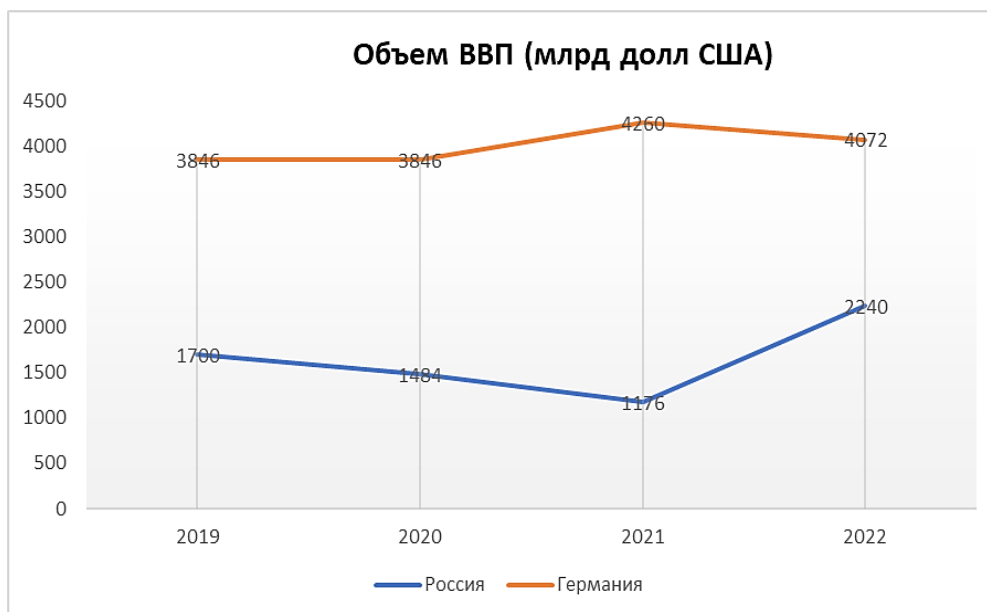

Рис. 1. Объем ВВП в России и Германии в период с 2019–2022 гг.

Ситуация на внутренних рынках показала, что с 2022 г. в Германии увеличился дисбаланс спроса и предложения газа вследствие принятия решений, направленных на отказ от импорта российского газа⁷. Хотя велись разговоры о резком падении экономики ФРГ, этого не произошло. Так, к 2021 г. ВВП достиг рекордного объема 4260 млрд долл. США, как видно из Рис. 1, что является очень хорошим показателем после пандемии коронавируса. Однако, за 2022 г. произошел отрицательный темп роста – падение 0,2%, объем ВВП снизился до 4072 млрд долл. США⁸. В 2023 г. экономика Германии была одной из самых слабых экономик стран Европы

⁷ Совет директоров рассмотрел вопрос о влиянии событий 2022 года на долгосрочный прогноз развития мирового энергетического рынка. 20.12.2022 // Газпром: [сайт]. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2022/december/article560194/> (дата обращения: 15.12.2023).

⁸ ВВП Германии: объем, темпы роста, на душу населения, структура // TAKE-PROFIT.ORG. Биржевой портал № 1: [сайт]. URL: <https://take-profit.org/statistics/gdp/germany/> (дата обращения: 16.12.2023).

и за первый квартал объем ВВП сократился на 0,3%⁹. Таким образом, кризис в Германии является стабильным явлением в экономике, более того, 1548 предприятий обанкротились к июню 2023 г., что на 21,7% больше в сравнении с состоянием на январь 2023 г.¹⁰. Тем не менее, несмотря на все трудности, в настоящее время Германия остается в пятерке крупнейших экономик мира по ВВП.

В российской же экономике наблюдается тенденция увеличения объема ВВП: в 2021 году показатели были 1776 млрд долл. США, в 2022 году – 2240 млрд долл. США¹¹. По прогнозам Всемирного банка в 2023 году ожидается рост ВВП на 1,6%¹². Это позволяет нам понимать, что даже сокращение чистого экспорта не мешает росту ВВП РФ. При этом на 2023 год 17% ВВП формирует именно отрасль энергетики, ведь она составляет 65% российского экспорта¹³. Таким образом, российская экономика, даже находясь под влиянием санкций и сложной геополитической обстановки, в 2022 году поднялась на 9 место в рейтинге ВВП от Международного валютного фонда, что связывают с увеличением цен на нефть [6].

Таблица 1.

Показатели экспорта и импорта природного газа (млрд куб м).

	2021	2022
Экспорт из России	204,4	125,3
Импорт в Германию	142	57,5

В 2022 году экспорт природного газа из России сократился на 38,7% из-за эмбарго ЕС (табл. 1). Из-за прекращения транспортировки по трубопроводу “Северный поток-1” с конца августа объем поставок уменьшился, но в IV квартале Россия продолжала отправлять газ в Европу

⁹ ВВП Германии за I квартал сократился на 0.3%. 26.05.2023 // Информационное агентство "АК&М": [сайт]. URL: https://www.akm.ru/news/godovoy_vvp_germanii_za_i_kvartal_2023_goda_sokratilsya_na_0_3/ (дата обращения: 16.12.2023).

¹⁰ Количество банкротств в Германии // TAKE-PROFIT.ORG. Биржевой портал № 1: [сайт]. URL: <https://take-profit.org/statistics/bankruptcies/germany/> (дата обращения: 22.12.2023).

¹¹ ВВП Германии: объем, темпы роста, на душу населения, структура // TAKE-PROFIT.ORG. Биржевой портал № 1: [сайт]. URL: <https://take-profit.org/statistics/gdp/germany/> (дата обращения: 09.12.2023).

¹² Медленный рост, растущие риски. Доклад Всемирного банка об экономике региона Европы и Центральной Азии, 2023 // Группа Всемирного банка: [сайт]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/b8750261-a28e-4f14-9e36-c522884ebde9/content> (дата обращения: 25.12.2023).

¹³ Последние новости энергетики России // Информационный портал энергетика: [сайт]. URL: <https://novostienergetiki.ru/na-2023-god-energeticheskaya-otrasl-formiruet-17-vvp-rossii/> (дата обращения: 09.12.2023).

через Украину и по трубопроводу “Турецкий поток”. Также увеличились поставки по газопроводу «Сила Сибири» в Китай – в декабре был запущен еще один его участок «Ковыкта–Чаянда», присоединивший Ковыктинское месторождение [7]. Импорт в Германию снизился на 59,5%. Причем на ту же сумму, что Германия выделила на покупку газа в 2021, у других поставщиков удалось закупить в 2,5 раза меньше объема¹⁴.

Однако Россия наращивает экспорт СПГ. В 2021 году объем поставок составил 40 млрд куб. м, в 2022 – 46 млрд куб. м [8]. Такие показатели говорят об увеличении спроса на СПГ в европейских странах, которые лишились трубопроводного природного газа из России. Так как именно с 2023 года немецкие терминалы начали активно работать, что обусловлено принятием закона о форсированном использовании СПГ (Gesetz zur Beschleunigung des Einsatzes verflüssigten Erdgases, LNGG) [9], то Германия импортировала 4,16 млн т СПГ¹⁵. При этом, за первые 2 квартала 2023 года члены ЕС заключили контракты на 22 млн куб. м российского СПГ, что на 40% больше, чем в 2021 году¹⁶. Поэтому, несмотря на потери в экспорте природного газа, Россия активно наращивает производство СПГ для дальнейшей транспортировки в связи с высоким спросом и таким образом компенсирует их.

Дискуссия

Можно предположить, что Германия и Россия на современном этапе имеют массу трудностей во взаимодействии, которые не позволяют им вести независимую энергетическую политику. Во-первых, поскольку Германия состоит в ЕС, она обязывается подчиняться правилам организации, что отрицательно влияет на ее независимость в принятии некоторых решений [10]. Германия приняла 11 пакетов санкций против России, а 12-й утвержден и вступил в силу в декабре 2023 года. Также тот факт, что Германия продолжала пытаться установить газовые отношения,

¹⁴ Германия сократила импорт газа и стала платить в 2,5 раза больше. 10.12.2023 // Интернет-портал Рамблер / Финансы: [сайт]. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/51918792-germaniya-sokratila-import-gaza-i-stala-platit-v-2-5-raza-bolshe/> (дата обращения: 18.12.2023).

¹⁵ По итогам 2023 года Германия сократила импорт газа на треть. 06.01.2024 // Портал МЕДИАПАЛУБА: [сайт]. URL: <https://paluba.media/news/66760> (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁶ Экспорт российского СПГ в Европу растет: сможет ли ЕС это остановить. 13.07.2023 // Сетевое издание «forbes.ru»: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/492632-eksport-rossijskogo-spg-v-evropu-rastet-smozhet-li-es-eto-ostanovit> (дата обращения: 04.12.2023).

не устраивал ЕС, потому что в таком случае Россия может использовать энергетические ресурсы в своих целях посредством давления на Германию и другие европейские страны, что может в свою очередь привести к безвыходной зависимости от российского газа. Таким образом, огромное влияние Европейского союза заставляет Германию строить свою внешнеполитическую деятельность согласно его требованиям. Во-вторых, уже несколько десятилетий Германия стремится завершить энергетический переход и сделать упор на возобновляемые источники энергии (далее – ВИЭ). Так, стремительно быстро развивается солнечная и ветровая энергетика. В 2023 году ввод солнечных электростанций, солнечные батареи на крышах и ветрогенерация показали настолько высокие результаты, что с марта по сентябрь с помощью ВИЭ удалось покрыть более половины потребностей Германии¹⁷. Правительство ФРГ нацелено сделать национальную промышленность энергоэффективной и безопасной для окружающей среды – согласно стратегическим планам правительства ФРГ, в 2030 году 80% электричества должны быть произведены с помощью “зеленой энергетики”¹⁸. Именно поэтому газовые электростанции носят вспомогательный характер на случай непредвиденных климатических условий, но правительство ставит цель инвестировать в строительство ВИЭ столько, чтобы мощностей хватило в достаточном количестве. Таким образом, Германия постепенно отходит от энергетики, замещая всё природными источниками, а также водородными, поэтому газовые отношения России и Германии в этом случае становятся бессмысленными из-за отсутствия потребности Германии в данном невозобновляемом ресурсе, а значит и сотрудничество становится просто невыгодным, а соответственно невозможным. В-третьих, в 2023 году Германия импортирует газ из Норвегии, Бельгии, Испании, Австрии, а также из США и Турции¹⁹, что говорит о невысокой заинтересованности Германии

¹⁷ Öffentliche Stromerzeugung 2023: Erneuerbare Energien decken erstmals Großteil des Stromverbrauchs. 02.01.2024 // Fraunhofer-Institut für Solare Energiesysteme ISE: [сайт]. URL: <https://www.ise.fraunhofer.de/de/presse-und-medien/presseinformationen/2024/oeffentliche-stromerzeugung-2023-erneuerbare-energien-decken-erstmal-grossteil-des-stromverbrauchs.html> (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁸ ВИЭ уже стабильно производят более 50% электроэнергии в ФРГ. 05.10.2023 // Информационный интернет-портал «Qazaq Green»: [сайт]. URL: <https://qazaqgreen.com/news/world/1481/> (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁹ Эми Кавагути Ман. Обман немецкой энергетической политики. 11.09.2023 // ИноСМИ: [сайт]. URL: <https://inosmi.ru/20230911/germaniya-265599426.html?ysclid=lp8a0mtyst68455087> (дата обращения: 20.12.2023).

в газовых поставках от России, так как имеются другие поставщики. В-четвертых, сама РФ пытается не находиться в стороне в связи с происходящими событиями, поэтому приняла закон о прекращении сделок с компаниями, находящимися на территории Германии, а также довольно остро высказывается насчет введенных санкций, которые явно влияют на положение России, о чём уже было сказано. Таким образом, действия РФ также направлены на прекращение сотрудничества с Германией, что не дает возможности в ближайшей перспективе найти точки соприкосновения обоим государствам. В-пятых, до сих пор не найдены виновные в подрывах Северного потока-1 и Северного потока-2, хотя страны ведут расследования по данному вопросу. Главными предположительными виновными выставляются Россия, США или Германия, но не исключена вовлеченность и других стран²⁰. Это сильно тормозит разрешение газового конфликта РФ и ФРГ, так как страны подозревают друг друга, а значит, не имеют доверия, на котором может строиться выгодное взаимодействие.

Тем не менее, мы не можем исключать возможность возобновления газового сотрудничества России и Германии по определенным причинам. Во-первых, правительством ФРГ были всё же предприняты попытки продолжения прежней двусторонней политики. Несмотря на возникшие трудности российско-германского диалога после начала специальной военной операции, канцлер Германии Олаф Шольц провел личную встречу с президентом России в Москве и попытался встать в защиту газового проекта. Германия утверждала, что «Северный поток-2» – это договор, который не имеет никакого отношения к поддержке агрессивной внешней политики России и является обычной сделкой между двумя государствами²¹. Несмотря на угрозы внешних и внутренних оппонентов, Германия заявляла о готовности провести переговоры со странами-союзницами и обсудить возможные дипломатические решения о выстраивании доверия и понимания по отношению к России после

²⁰ Бойков С. Поставить на потоки: в ФРГ хотят награждать за информацию о взрывах СП. 13.10.2023 // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1588583/semen-boikov/postavit-na-potoki-v-frg-khotiat-nagrazhdad-za-informatciiu-o-vzryvakh-sp> (дата обращения: 15.12.2023).

²¹ Соколов А. Новая энергетическая политика Берлина: последствия для России. 10.03.2022 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-energeticheskaya-politika-berlina-posledstviya-dlya-rossii/?ysclid=lp173traqx51423525> (дата обращения: 19.12.2023).

украинского конфликта. Более того, Германия на тот момент не поддержала поставку оружия на Украину, заняв нейтральную позицию, несмотря на то, что получила обвинения за разрушение «единства Запада» [11]. Таким образом, ФРГ, невзирая на претензии со стороны ЕС, всё же ставила газовые отношения с Россией выше геополитических, что говорит о стремлении стран к тесному и дружественному сотрудничеству.

Мы считаем, что попытки Германии сохранить отношения с Россией были предприняты в полной мере, поскольку взаимодействие в области энергетики имеет стратегическое значение для обеих стран и может оказывать непосредственное влияние на общую стабильность и устойчивость экономики. Во-вторых, стояла задача найти замену тому количеству газа, которое Германия импортировала из России. Сделать это довольно непросто. Так, например, Катар, имеет долгосрочные контракты по поставкам с другими странами, поэтому, как и ранее будет поставлять сжиженный природный газ проверенным импортерам – такие страны, как Япония, Китай и Южная Корея, испытывают постоянный рост потребности в этом виде энергетического ресурса²².

И хотя Германия и Катар подписали соглашение о поставке СПГ как минимум на 15 лет с 2026 года, по нашему мнению, спрос в других регионах будет расти, поэтому менять “потребителя” при таких огромных вложениях в производство данной отрасли нет необходимости и может быть даже большим риском в будущем для поставщика из Ближнего Востока²³. Таким образом, полной уверенности в обеспечении поставок у Германия нет, поэтому страна не стремится обрывать контакты с Россией. Стоит заметить, что объемы поставок из Катара гораздо меньше тех, что Германия получала от “Газпрома”. В том числе покупать газ у соседей или союзников достаточно дорого, что плохо сказывается на экономической составляющей ФРГ. В-третьих, в правительстве Германии также ведутся продолжительные дискуссии о судьбе отношений двух игроков на международной арене. Так, представители правой партии «Альтернатива

²² Пшадский М. Рынок СПГ: от сиюминутного спота до долгосрочных контрактов // Энергетическая политика. 2023. № 12(191). [эл. доступ]. URL: <https://energypolicy.ru/rynok-spg-ot-siyuminutnogo-spota-do-dolgosrochnyh-kontraktov/gaz/2023/14/25/> (дата обращения: 15.12.2023).

²³ Почему ЕС только сейчас задумался о долгосрочных контрактах СПГ. 03.11.2023 // Портал Национальной Ассоциации нефтегазового сервиса: [сайт]. URL: <https://nangs.org/news/markets/gas/pochemu-es-tolko-sejchas-zadumalsya-o-dolgosrochnykh-kontraktakh-spg> (дата обращения: 15.12.2023).

для Германии» выступают за отмену санкций в отношении России в первую очередь во благо граждан Германии. Как мы узнали из опроса института INSA, партия «Альтернатива для Германии» установила новый рекорд по популярности, а значит, имеет немалую поддержку и может оказывать давление на решения правительства²⁴. Рейтинг правящей коалиции ФРГ продолжает опускаться: из-за разрыва торгово-экономических отношений, а в частности проблем с поставками газа многие немецкие предприятия не способны продолжать работу и вынуждены прекращать свою деятельность. Именно это является тормозом для индустрии Германии, что также губит экономику страны²⁵.

Заключение

Российско-германские отношения в последнее время находятся в кризисной ситуации, что обусловлено различными внешними и внутренними факторами. Перспективы газового сотрудничества между Россией и Германией остаются не многообещающими, но до 2022 г. стороны наращивали поставки газа. Хотя государства на данном этапе еще имеют общие интересы в вопросах энергетики, говорить о дальнейшем сотрудничестве трудно.

В процессе исследования удалось установить, что отсутствие газового взаимодействия незначительно влияет на состояние экономики Германии и России, что обосновывается их показателями ВВП. Но если говорить об экспортно-импортном взаимодействии в сфере энергетики, то оно значительно снизилось. Германия хоть и перестала напрямую закупать у России газ, всё же покупает его через другие страны, которые поставляют невозобновляемый источник по завышенным ценам, что невыгодно с финансовой точки зрения для Германии.

Россия же в данной ситуации теряет возможность сотрудничества с промышленно-развитой страной. Оба государства столкнулись в определенной мере с проблемами, но даже это положение не заставляет их предпринять меры для возобновления сотрудничества. Это происходит

²⁴ Рейтинг правящей коалиции ФРГ продолжает опускаться. 19.11.2023 // Интернет-издание Газета.ru: [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/11/19/21740821.shtml> (дата обращения: 22.12.2023).

²⁵ Партия «Альтернатива для Германии» потребовала отмены санкций против РФ. 02.08.2023 // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1553350/2023-08-02/partiia-alternativa-dlia-germanii-potrebovala-otmeny-sanktsii-protiv-rf> (дата обращения: 22.12.2023).

потому, что существуют более серьезные трудности и противоречия, которые появились у стран. Как выяснилось, события на Украине в данной ситуации являются наиболее веской причиной не продолжать российско-германский диалог. Но отсутствие права у Германии самостоятельно принимать решения в области международного сотрудничества, ответные действия России на санкции, стремление Германии совершить “зеленый переход” и другие события также ведут к пониманию отсутствия необходимости продолжать энергетическое взаимодействие в связи с процессами, происходящими на данном этапе.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Авторы выражают благодарность научному руководителю Анне Юрьевне Мохоровой, кандидату политических наук и доценту Высшей школы международных отношений СПбПУ, за ценные советы по подбору материалов исследования и рекомендации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Внешняя торговля Российской Федерации // Росстат. Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 12.12.2023).
2. Переход Е. Исторические аспекты газового сотрудничества России и Германии // Геоэкономика энергетики. Спецвыпуск. 2018. № 4. С. 138–149.
3. Ночвина Б.А. Проблема энергетического сотрудничества в отношениях РФ и ФРГ // Гуманитарное и социально-научное знание: теоретические исследования и практические разработки: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, 10 мая 2019 г., Москва: Профессиональная наука, 2019. С. 54–58. [эл. доступ]. URL: <http://scipro.ru/conf/09-01-052019> (дата обращения: 12.12.2023).
4. Голубничий Н.А. Перспективы сотрудничества России и Германии в области топливно-энергетического сектора // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2015. № 1–3(10). С. 27–28.
5. Растворцева А.Н. «Северный поток – 2» в зеркале партийных дискуссий Германии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 1. С. 97–111.
6. Каталкина Н.А., Богданова Н.В. Импорт российского газа в общественно-политическом дискурсе Германии // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 3. С. 98–104.
7. Перспективы развития мировой экономики. Неровное восстановление. Доклад Международного Валютного Фонда. АПР 2023. [эл. доступ]. URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2023/April/Russian/texttr.ashx> (дата обращения 04.12.2023).

8. Платежный баланс Российской Федерации. № 4(13). IV квартал 2022 года. Информационный аналитический комментарий. 26.01.2023 // Сайт Банка России: [сайт]. URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/43679/balance_of_payments_2022-4_13.pdf (дата обращения: 04.12.2023).
9. Gesetz zur Beschleunigung des Einsatzes verflüssigten Erdgases (LNG-Beschleunigungsgesetz – LNGG) // Deutscher Bundestag: [сайт]. URL: <https://dip.bundestag.de/vorgang/gesetz-zur-beschleunigung-des-einsatzes-verfluechtigten-erdgases-Ing-beschleunigungsgesetz-IngG/287573> (дата обращения: 04.12.2023).
10. Богданова Н.В., Нещадим О.Л. Сотрудничество Германии и СССР в период с 1920 по 1945 гг. в топливно-энергетическом секторе экономики // Россия в глобальном мире. 2018. №12(35)–13(36). С. 12–28.
11. Белов В.Б. Значение визитов федерального канцлера О. Шольца в Вашингтон, Киев и Москву для отношений РФ и ФРГ // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. Вып. 1. №6 (273). С. 43–51. [эл. доступ]. URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2022/an273.pdf> (дата обращения: 04.12.2023).

REFERENCES

1. Vneshnjaja torgovlja Rossijskoj Federacii [Foreign Trade of the Russian Federation]. *Rosstat. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki*. Available at https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya. (accessed: 12.12.2023). (In Russian).
2. Perehod E. Istoricheskie aspekty gazovogo sotrudnichestva Rossii i Germanii [Historical Aspects of Gas Cooperation between Russia and Germany]. *Geoekonomika energetiki. Specvypusk*. 2018. № 4. P. 138–149. (In Russian).
3. Nochvina B.A. Problema jenergeticheskogo sotrudnichestva v otnoshenijah RF i FRG [The Problem of Energy Cooperation in Relations between the Russian Federation and Germany]. *Gumanitarnoe i social'no-nauchnoe znanie: teoreticheskie issledovanija i prakticheskie razrabotki: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoprakticheskoj konferencii, 10 maja 2019 g., Moskva: Professional'naja nauka, 2019. P. 54–58*. Available at <http://scipro.ru/conf/09-01-052019> (accessed: 12.12.2023). (In Russian).
4. Golubnichiy N.A. Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Germanii v oblasti toplivno-energeticheskogo sektora [Prospects of Cooperation between Russia and Germany in the Field of Fuel and Energy Sector]. *Evrazijskij sojuz uchenyh (ESU)*. 2015. № 1–3(10). P. 27–28. (In Russian).
5. Razvortseva A.N. «Severnyj potok – 2» v zerkale partijnyh diskussij Germanii ["Nord Stream – 2" in the Mirror of Party Discussions in Germany]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2021. Vol. 14. Iss. 1. P. 97–111. (In Russian).
6. Katalina N.A., Bogdanova N.V. Import rossijskogo gaza v obshchestvenno-politicheskom diskurse Germanii» [Import of Russian Gas in the Socio-Political Discourse of Germany]. *Social'no-politicheskie nauki*. 2022. Vol. 12. № 3. P. 98–104. (In Russian).
7. Perspektivy razvitiya mirovoj eko-nomiki. Nerovnoe vosstanovlenie. Doklad Mezhdunarodnogo Valyutnogo Fonda [Prospects for the development of the world economy. Uneven recovery Report of the International Monetary Fund]. Available at <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2023/April/Russian/texttr.ashx> (accessed: 04.12.2023). (In Russian).
8. Platezhnyj balans Rossijskoj Federacii [Balance of payments of the Russian Federation]. № 4(13). IV kvartal 2022 goda. Informacionnyj analiticheskij kommentarij. 26.01.2023. *Sajt Banka*

Rossii. Available at https://cbr.ru/collection/collection/file/43679/balance_of_payments_2022-4_13.pdf (accessed: 04.12.2023). (In Russian).

9. Gesetz zur Beschleunigung des Einsatzes verflüssigten Erdgases [Act to Accelerate the Use of Liquefied Natural Gas]. *Deutscher Bundestag*. Available at <https://dip.bundestag.de/vorgang/gesetz-zur-beschleunigung-des-einsatzes-verfluessigten-erdgases-lng-beschleunigungsgesetz-lingg/287573> (accessed: 04.12.2023). (In German.).

10. Bogdanova N.V., Neshhadim O.L. Sotrudnichestvo Germanii i SSSR v period s 1920 po 1945 gg. v toplivno-jenergeticheskom sektore jekonomiki [Cooperation between Germany and the USSR in the Period from 1920 to 1945 in the Fuel and Energy Sector of the Economy]. *Rossiya v global'nom mire*. 2018. №12(35)–13(36). P. 12–28. (In Russian).

11. Belov V.B. Znachenie vizitov federal'nogo kanclera O. Shol'ca v Vashington, Kiev i Moskvu dlya otnoshenij RF i FRG [The Significance of Federal Chancellor O. Scholz's Visits to Washington, Kiev and Moscow for Relations between the Russian Federation and Germany]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*. 2022. Iss. 1. № 6(273). P. 43–51. Available at <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2022/an273.pdf> (accessed: 04.12.2023). (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Зверева Ирина Витальевна – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: irina.zvereva.03@mail.ru; ORCID: 0009-0003-0800-3556

Провоторова Мария Александровна – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: 13mar603@gmail.com; ORCID: 0009-0006-6579-9011

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Zvereva Irina V – Student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: irina.zvereva.03@mail.ru; ORCID: 0009-0003-0800-3556

Provotorova Maria A. – Student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: 13mar603@gmail.com; ORCID: 0009-0006-6579-9011

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.02.2024. Одобрена после рецензирования 07.02.2024. Принята 08.02.2024.
Received 06.02.2024. Approved after reviewing 07.02.2024. Accepted 08.02.2024.*

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

научная статья
УДК: 341.232.7
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.3

Перспективы реализации Пакта Рериха на территории государств–членов СНГ

Чимаров Николай Сергеевич ✉
Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия
✉ kolomyagi4@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0661-1035>

Филь Ксения Максимовна
Санкт-Петербургский институт (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
Санкт-Петербург, Россия
ksenia_fil@bk.ru

***Аннотация.** В кругу современных глобальных проблем и с учетом геополитических изменений XXI века, ориентированных на передел устоявшегося миропорядка с помощью применения военной силы и межнациональных столкновений, в повестку дня международного права включен поиск новых решений по сбережению объектов, составляющих сокровище национальной и мировой культуры. В этой связи, апеллирование к предметному полю защиты историко-культурного наследия каждой нации в отдельности и общечеловеческого масштаба в целом, представляется чрезвычайно важной и, несомненно, актуальной задачей научного исследования. Указанное имеет прочное сопряжение с необходимостью проведения более углубленного изучения массива организационных и правовых инструментов, нацеленных на обеспечение сохранности памятников культуры. В аккумулятивном виде инструментарий решения ряда задач охранительного порядка в отношении объектов культуры представлен в Пакте Рериха, многие положения которого в дальнейшем получили свое развитие в Гаагской конвенции 1954 года. На региональном уровне актуальность обращения к теме сохранения объектов историко-культурного наследия предопределяется процессом центробежного движения отдельных государств, образованных на территории бывшего единого союзного государства (СССР) и продвигающихся в соответствии с национальными доктринами о национальном суверенитете по пути укрепления своей идентичности. Указанное обстоятельство свидетельствует о целесообразности включения в повестку дня вопроса*

о перспективе адаптации положений Пакта Рериха на территории государств-членов СНГ к современному состоянию их межгосударственного взаимодействия, что корреспондирует решению задачи по обеспечению гарантии для поддержания в надлежащем виде объектов историко-культурного наследия, созданных в том числе совместным трудом различных представителей из числа многонационального советского народа. По нашему мнению, переосмысление отмеченной проблемы подчеркивает новизну представленного исследования и свидетельствует об особой значимости практического задействования многогранной области международного гуманитарного права, обращенного к выявлению эвентуальных «точек соприкосновения» между различными государствами-членами СНГ, в части обеспечения сохранности объектов историко-культурного наследия.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; международный договор; международное гуманитарное право; международная ответственность; Гаагское право

Для цитирования: Чимаров Н.С., Филь К.М. Перспективы реализации Пакта Рериха на территории государств-членов СНГ // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 1. С. 39–54. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.3

© Чимаров Н.С., Филь К.М., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 341.232.7

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.3

Prospects for the Implementation of the Roerich Pact on the Territory of the CIS Member States

Nikolay S. Chimarov ✉

North-West Institute of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia

✉ kolomyagi4@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0661-1035>

Ksenia M. Fil

St. Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)»

Saint Petersburg, Russia

ksenia_fil@bk.ru

Abstract. *The search for new solutions of preserving the objects that constitute the treasure of national and world culture is on the agenda of international law in the context of contemporary global problems and taking into account the geopolitical changes of the 21st century, oriented towards the redistribution of the established world order through the use of military force and interethnic clashes. In this regard, appealing to the subject field of protecting the historical and cultural heritage of each nation individually and on a universal scale as a whole seems to be an extremely important and undoubtedly urgent task of scientific research. The above has a strong coupling with the need to conduct a more in-depth study of the array of organizational and legal instruments aimed at ensuring the safety of cultural*

monuments. The Roerich Pact, many provisions of which were further developed in the 1954 Hague Convention, provided an accumulated toolkit for the solution of a number of protective tasks in relation to cultural objects. At the regional level, the relevance of addressing the preservation of objects belonging to the historical and cultural heritage is predetermined by the process of centrifugal movement of individual states formed on the territory of the former unified union state (USSR) and moving in accordance with national doctrines on national sovereignty towards strengthening their identity. This circumstance indicates the advisability of including on the agenda the issue of the prospect of adapting the provisions of the Roerich Pact on the territory of the CIS member states to the current state of their interstate interaction, which corresponds to solving the problem of providing guarantees for maintaining in proper form the objects of historical and cultural heritage created in that region, including the joint work of various representatives from among the multinational Soviet people. In our opinion, the reconsideration of the mentioned problem emphasises the novelty of the presented research and testifies to the special significance of the practical use of the multifaceted field of international humanitarian law, aimed at identifying eventual "points of contact" between different CIS member states in terms of ensuring the preservation of objects of historical and cultural heritage.

Keywords: historical and cultural heritage; international agreement; international humanitarian law; international responsibility; Hague law

For citation: Chimarov, N.S., Fil, K.M. Prospects for the Implementation of the Roerich Pact on the Territory of the CIS Member States. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 1. P. 39–54. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.3

© Chimarov, N.S., Fil, K.M., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Для системы международного взаимодействия отрасль международного гуманитарного права имеет определяющее значение. Начальное сочетание локальных обычаев, принципов и доктринальных воззрений, в конечном счете, приводит к формированию стержневой идеологической компоненты человеколюбия, реализуемой сегодня во всех сферах государственной жизни. Установление единых ориентиров межгосударственного диалога стало возможным, на фоне большинства сменяющих друг друга сценариев политико-социальных потрясений, наиболее ужасающими из которых, безусловно, являются мировые войны и межнациональные столкновения.

Резонанс последствий данных сценариев, географическое сопряжение театра военных действий с государствами-центрами международного правотворчества и региональный культурный

антропоцентризм – то, что в совокупности предопределило необходимость организационно-правовых перемен в условиях кризиса предыдущей системы глобального миропорядка. Выступая в качестве реакции на происходящие катаклизмы мирового значения, гуманистический подход к разрешению их деструктивных последствий для цивилизации и личности человека, обусловил акцентирование более пристального внимания человечества на важности сохранения историко-культурного наследия своих предшественников. Указанная парадигма устремления народа каждой страны к сохранению своей культуры оказалась соизмеримой с возвышением роли прав каждого человека и каждой нации, социума и государства на сохранение своей истории и ее артефактов.

Со временем, направляющие общество и, одновременно зависимые от него права человека претерпели усложнение своей структуры и стали выступать во взаимном коллизионном отношении, содействуя при этом процессу углубления и созидания новых правомочий индивидов. Примером тому могут служить культурные и духовные права, определяющие возможность сохранения соответствующих ценностей не только в локальной перспективе, но и для будущих поколений. Подобные умозаключения связываются с периодом нового миропорядка. Однако, по праву истории, вопрос обеспечения сохранности культурных ценностей имеет иной, детализированный и более совершенный практический опыт, связанный с таким источником как Пакт Рериха (1935 г.). Не получив всеобщее внимание в первые годы своего правового существования, документ тем не менее представляет определенный интерес с точки зрения его внедрения в международную практику XXI века. Представляется, что успешная рецепция правовых установлений по исследуемому вопросу и проведение соответствующей научной дискуссии, во-первых, позволит актуализировать правовой материал в означенной области как минимум на региональном уровне; во-вторых, обеспечит поиск «линии соприкосновения» между интересами центробежного порядка, рельефным образом выражаемым в различных государствах-членах СНГ.

Материалы и результаты исследования

Термин «культурное наследие» был впервые упомянут в Конвенции об охране всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО 1972

г. Если обратиться к историко-культурному толкованию данного термина, то в буквальном выражении его следует трактовать как «оставление следа», то есть такой отпечаток, который остается на долгие годы, отличается особой ценностью – этнической, эстетической, духовной, художественной [1, с. 109]. Российские же исследователи, термин культурное наследие зачастую отождествляют с понятием «культурная ценность». По данному вопросу, представляется небезынтересной интерпретация, предложенная Е.В. Медведевым. Согласно его суждениям, «культурные ценности – суть особо охраняемые правом вещи или результаты интеллектуального труда, являющиеся уникальными произведениями творчества человека определенной исторической эпохи, отображающие его выдающиеся достижения в какой-либо сфере жизнедеятельности, и имеющие общенациональное или общечеловеческое культурное значение» [2, с. 128].

Подобное определение представляется достаточно подробным, но, безусловно, не единственно верным. Ввиду комплексности подходов и динамичности культуры как явления, сам предмет изучения видится абстрактным для освоения. Но если для теории права множественность «образов» культуры является залогом для ведения развитой дискуссии, то, к сожалению, любые попытки юридического обеспечения данного вопроса ведут к закономерным сложностям. По своей сути природа нормативных актов неотделима от общественного контекста, способствующего их появлению. Определенная юридическая сила может восприниматься и как свойство символизма, требующего бережного подхода и уважительного отношения. По этой логике источники права также являются культурными объектами, приобретающими особую значимость в исторической перспективе. Аксиологическая функция памятников прошлого – вопрос философский, на который можно предоставить различные ответы как с позиции эстетики, так и с позиции функциональной необходимости.

По нашему мнению, «источник культуры» кристаллизует отношения своего периода, что позволяет сложить впечатление об эволюции общественных отношений. Но, правда и в том, что любой источник, в творческом смысле, или конкретно юридическом, неизбежно сталкивается с изменениями, в отдельных случаях входящего в номинацию «морально

устаревшего», однако справедливее говорить о смене собственно общественных культурных парадигм. В конечном счете, с позиции означенного подхода охрана культурных ценностей обеспечивается, собственно, самими же культурными ценностями, только в индивидуальном выражении измеряемого количества формальных прикладных источников. Проще говоря – часть определяет целое.

Озвученный тезис о цикличности регулирования, безусловно, имеет свои конкретные примеры, наиболее ярким из которых является Пакт Рериха (далее – Пакт). К определению данного документа стоит подходить более тщательным образом, нежели к рядовому источнику, созданному в период ушедших политических формаций. Говоря о подобных документах, следует оптимизировать ранее упоминаемую категорию, до варианта «историко-культурное наследие», который будет включать в себя вневременные, общезначимые объекты материального и нематериального культурного и исторического достояния, нуждающиеся в правовой охране. Постепенно Пакт обрастает определенным ореолом особого значения, а потому обращение к нему сегодня не лишено ни эстетических переживаний, не практико-ориентированных.

Важность сохранения культурного и исторического наследия – извечный вопрос, ответными мерами в пользу реализации которого долгое время выступали разрозненные этические нормы. Истории известны случаи избирательности методов ведения боевых действий, сложившиеся еще в древние времена. К примеру, халиф Кордовы аль-Хакам II в период своего правления содействовал развитию системы национального образования. Для этих целей им были учреждены библиотеки, включавшие в себя научные труды различных народов. Отдельные работы принадлежали перу греческих философов. Сами же материалы были получены в результате победоносных арабских походов, которые были проведены на территории Ближнего Востока [3, с. 25]. Собственно, примечателен сам факт, что изначально контркультурные источники получили признание в качестве знания, способного духовно обогатить народ, вне зависимости от условий политического восприятия ситуации. Другим примером почтительного отношения к культуре завоеванных народов является приказ Александра Македонского о проведении ремонтно-

восстановительных работ на Вавилонской башне, находящейся в завоеванном Вавилоне в 331 г. до н.э. [4, с. 8]. Но, к сожалению, известно немало примеров разграбления и разорения завоеванных территорий, а также разрушений исторических ценностей правителями, которые считали необходимым искоренить ту идеологию, которую символизировали те или иные памятники культуры. В связи с этим мы теряем историко-культурное наследие, память о прошлом, которое обеспечивает связь поколений, а также экономический ресурс, ведь многие памятники культуры становятся символом той или иной страны, являются своеобразной визитной карточкой, что стимулирует приток туристов.

Обсуждение ресурсного потенциала культурных объектов – тема не столь возвышенная, как иной ракурс восприятия объектов, как ценностей для будущих поколений, однако в современных реалиях это существенный фактор, с которым нужно считаться и который сам по себе придает необходимый импульс для последующего межгосударственного взаимодействия. Примером уникальных объектов могут служить пирамиды, которые напрямую ассоциируются с Египтом, Великая Китайская стена – с Поднебесной, Храм Василия Блаженного и Кремль с Россией. Именно по этой причине возникла необходимость законодательного закрепления обязанности государств сохранять исторические и культурные ценности. Кроме того, постепенное создание универсальной системы отношений позволило задуматься о перспективах консолидации разрозненных обычаев и традиций, в нечто общее для всего мира.

Первым значимым международным актом в означенной области стал Пакт Рериха, названный по фамилии своего создателя, гуманиста и общественного деятеля Николая Константиновича Рериха. Данный источник включает в себя 8 статей, призванных защитить исторические памятники, музеи, научные, художественные, образовательные, культурные учреждения и их сотрудников [5]. Пакт, по словам самого Н.К. Рериха, должен был обладать воспитательной ценностью, пробуждая в молодежи с детских лет понимание и уважение к великим достижениям человеческого творческого гения. Он верил, что это поможет выковать ту всеобщую великую живую связь, которая поверх всех расовых, национальных и религиозных различий приведет человечество к великой

цели – Миру, основанному на осознании и понимании высших ценностей, которые важнее любых раздоров и столкновений [6]. Пакт был подписан 21 государством Панамериканского союза (10 из них его ратифицировали) в 1935 г. [7, p. 536]. По иронии судьбы, Пакт не получил признание ни в своем Отечестве (России), ни в пределах будущего ключевого театра военных действий (Европейский регион), однако был положительно воспринят общественностью [8, p. 110]. Как отмечают А.Е. Франсель-Дельгадо и К. Урибе-Каффуре, интерес к документу со стороны конкретно Панамериканского союза был предопределен прошедшей несколькими годами ранее войной между Колумбией и Перу 1932-1933 гг. и, буквально выражался в стремлении стабилизировать обстановку в регионе вокруг поиска общей идеи [9, p. 13]. Само же обращение к Пакту отчасти стало возможно ввиду обширной информационной поддержки, которой способствовали специально создаваемые в Европейском регионе, США и Индии Комитеты и организуемые конференции [10, с. 104].

Причины в отказе присоединения СССР к данному акту было несколько. В первую очередь сама личности Рериха, имевшего «скверную» репутацию по причине его эмиграции после революции за границу и получения гражданства США, что представлено в письме М.М. Литвинова М.И. Калинину [11, с. 6].

Иным аргументом «против» принятия международных обязательств, было наличие существенного пробела для юридического акта, в перспективе нацеленного на единообразное правоприменение – отсутствие конкретного перечня санкций против нарушителей данного Пакта или как минимум последовательного механизма реализации мер об ответственности. Подтверждением данного тезиса являются архивные материалы – докладная записка М.М. Литвинова, подготовленная в адрес К.Е. Ворошилова [11, с. 4]. Представляется, что в условиях общей беспокойной международной политической обстановки, последствий мировой войны, а также с учетом конструирования новой архитектуры мирового порядка, требования к качеству нормативной составляющей возрастали, а государствам было необходимо большее количество гарантий их безопасности. Многие документы гаагского и женеvского права прошлых лет проходили через повторные процедуры кодификации и

оптимизации именно по причине организационного несовершенства. Имеющаяся практика наглядно показывала, насколько условной может быть эффективность торжественных заверений, которые основываются преимущественно на требованиях морали. Однако сам механизм имплементации в период проведения Гаагских мирных конференций начала XX века еще не был популяризован в достаточной степени. Развитие институтов наднационального принуждения в скором времени позволило оптимизировать известные положения гуманитарного права. Итогом стало создание Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. и двух протоколов к ней. В своем содержании акты ориентировали государства вводить наказания за целенаправленное разрушение культурных объектов.

Не последнюю роль в принятии решения о подписании Пакта являлся его организационный акцент на американский регион и конкретно на подотчетность Панамериканскому союзу. Несмотря на дружественные отношения между странами в 30-е годы, географическая отдаленность координирующего центра, а также отсутствие средств быстрой связи, выступали серьезными препятствиями по поддержанию эффективного диалога. К тому же, даже в условиях отсутствия вражды, интересы двух быстро развивающихся государств во многом соприкасались, а потому предполагали и здоровую конкуренцию, которая со временем стала приобретать все более запутанные черты.

Неоспоримым достоинством Пакта, впрочем, является его безусловный характер в отношении культурных ценностей, что не предполагает введение оговорок о военной необходимости, характерной для Гаагской конвенции 1954 г., формально позволяющей контролируемое применение оружия. В плане защитной меры Пакт предлагал утвердить специальный отличительный знак, которым планировалось отмечать защищаемые объекты культуры – «Знамя Мира». В сущности, Пакт развивал идею первичной общепризнанной защитной эмблемы Красного креста, предложенной еще Женевской конвенцией 1864 г., предвосхищая создание большего числа дополнительных эмблем в будущем. Но и само «Знамя Мира» как символ, было использовано не случайно. Культурологический анализ позволяет прийти к выводу, что перед нами

представлен многозначный образ триединства, известный многим религиозным и философским течениям. В сущности, это полностью соотносится с личностью Н.К. Рериха и его творческой идеей космизма [12].

Развивая вышеозначенные тезисы, стоит дополнить, что, несмотря на практическую значимость, сегодня именно Гаагской конвенции 1954 г. и дополнительных протоколов к ней, данные документы хоть и более распространены, но все же не охватывают принципиально все страны мира. По состоянию на 2023 г., из 194 государств-членов ЮНЕСКО, лишь 134 принимают обязательства по генеральному соглашению. Дополнительные гарантии готовы предоставить еще меньше стран.

В свою очередь Пакт как источник-вдохновение определял в прошлом аксиологический образ регионального права и продолжает делать это и сегодня, что лишний раз свидетельствует о его объективной значимости. В данном случае, его существование находится больше, чем в рамках права, но в плоскости идей и принципов. Именно подобная интерпретация акта, видится небезынтересной сегодня.

Рассуждая о значении Пакта сегодня, заслуженный военный и академический деятель Г. Аимоне Арредондо отмечает его влияние на воззрения как мирового сообщества. В частности, документ предопределил, что забота о культурных объектах, есть условие сохранения современной цивилизации. Изначальный объективный запрос на поиск гуманистических ориентиров международного развития поспособствовал восприятию идеологической составляющей Пакта со стороны ООН, а также ее адаптации к запросам нового времени [13].

Дискуссия и прогнозы развития межгосударственных отношений

В современных реалиях и в условиях трепетного отношения каждого государства к принципам проведения, с одной стороны суверенной и независимой политики, но с другой международного сотрудничества, сами межгосударственные отношения приобретают своеобразную форму. Более того, современная норма международного диалога во многих случаях строится не вокруг универсализма, а по пути децентрализации различных субъектов международного права. Политико-культурные различия между странами и континентами объективно велики, а потому излишнее форсирование в вопросе принятия международных обязательств способно

привести лишь к умножению конфликтов. По данной причине, принятие Пакта в существующей версии на территории России маловероятно. Однако, как уже было отмечено, культура динамична, а потому документ может продолжить свое существование, в том числе на территории евразийского континента, но с учетом особенностей современного общественного порядка. Создание регионального источника уровня СНГ, о защите культурных ценностей будет перспективным первым шагом навстречу консолидации с мировым сообществом. Суть языка международного права заключается не только в унификации, но и гармонизации отношений, а потому мнение каждого государства и региона должно быть услышано.

Создание документов ограниченного действия в рамках одной темы – популярная практика последних десятилетий, посредством которой интеграции стремятся утвердить свой суверенитет. Международные договоры не всегда отвечают интересам государств, поэтому чтобы сохранить свою самобытность, страны СНГ могут утвердить свое соглашение, отвечающее их интересам, которое будет учитывать их историческое длительное взаимодействие. Немаловажно значение имеет и перспектива укрепления уже имеющихся связей и дальнейшее развитие сотрудничества.

Обращаясь к опыту прошлого, возможно обнаружить любопытную закономерность, если в древности каждое новое государство основывалось на принятии индивидуальных решений, то в более поздние времена наблюдается процесс межнационального взаимодействия, сопровождаемого возвышением роли силового решения спорных вопросов и, как следствие, приводящего к утрате объектов историко-культурного наследия. Применительно к проблеме сохранения указанного рода наследия на региональном уровне и в пределах территории бывшего СССР, представляется необходимым обратить внимание на важность эффективного решения отдельных вопросов цивилизационного плана. Так, гармонизация интересов государств-членов СНГ позволит создать достаточный объем международных гарантий, направленных на сбережение культурных достижений народов.

В плане оформления регионального источника уровня СНГ, по мнению автора, целесообразно обратиться к международному опыту, к уже принятым международным соглашениям, чтобы создать всеобъемлющий договор, отвечающий интересам каждого государства-члена СНГ и способного в полной мере защитить и сохранить историко-культурное наследие всех народов стран отмеченного Содружества. За основу «идейного вдохновителя» разумно взять как раз Пакт, чтобы не потерять основную концепцию – антимилитаристическую идеологию, сохранение памятников культуры в военное и мирное время, важность просветительской деятельности по вопросам ценности историко-культурного наследия. Также договор должен быть направлен на сближение и гармонизацию законодательств государств-членов СНГ.

Для достижения наибольшей эффективности следует учитывать стандарты следующих актов: Римская конвенция УНИДРУА¹ по похищению и незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 г. и Европейская конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностях 1985 г.

В рамках потенциального сводного документа целесообразно отразить следующие позиции: 1) закрепление обязанности создания координационного органа, контролирующего исполнение договора, которому бы страны были подотчетны; 2) возложение обязанности на координационный орган составление туристических и культурных маршрутов, дабы стимулировать туристическое развитие всех стран содружества. Эффективность данного метода подтверждается многолетним опытом Италии, где Министерство туризма практикует упомянутую инициативу [14, с. 8]; 3) расширение списка охраняемых объектов, по сравнению с Пактом, определить список особо ценных культурных объектов, основания для включения объекта культурного наследия в список охраняемых объектов; 4) обеспечение скоординированной политики по защите культурных ценностей как внутри стран Содружества, так и во взаимоотношении со специализированными учреждениями ООН (данное начинание полностью вписывается в

¹ УНИДРУА (фр. UNIDROIT) – Международный институт по унификации частного права. Межправительственная организация, основная цель которой заключается в гармонизации правовых институтов, путем издания типовых соглашений, принципов и т.п.

Концепцию внешней политики РФ от 2023 года); 5) создание мер по стимулированию государств к реставрации исторических зданий за счет бюджета и посредством инвесторов; 6) обвязывание государств, подписавших данный договор, имплементировать его в свое национальное законодательство; 7) обеспечение защиты прав национальных меньшинств, их языка и культуры.

Отдельным образом стоит отметить перспективу проработки термина «культурный геноцид», который является более чем словесной конструкцией, поскольку его возможное включение рассматривалось в проект Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года [15]. На сегодняшний день, отдельные международные документы косвенно ссылаются на возможность угрозы, но без какой-либо конкретики.

Заключение

Проблема сохранения историко-культурных ценностей актуальна во все времена. Так, в XX веке человечество озаботилось проблемой сохранения мирового наследия. Памятники культуры устанавливают связь с прошлым, они сохраняют связь народа со своими предками, передают ценности и идеи прошлого, которые необходимы для построения счастливого будущего. Международные договоры стремятся сохранить и обезопасить их. Пакт Рериха стал отправной точкой для начала ответственного отношения к памятникам истории и культуры, который на законодательном уровне закрепил стремление к миру, передачу права контроля международному независимому органу, обязанность государств уважать и защищать культурное наследие. Документ популяризировал идеи гуманизма и на практике доказал свою значимость. Несмотря на прошедшие глобальные войны, государства не научились взаимодействовать без вооруженных конфликтов. Более того, виды вооружений и методы ведения боевых действий со временем лишь множатся и порождают неоднородность правовой интерпретации. Все это несомненно негативно сказывается на продолжительности конфликтов и на степени причиняемого ущерба.

Спустя более чем 80 лет Пакт не теряет своей актуальности, поскольку памятники мировой культуры продолжают безвозвратно

погибать в ходе военных конфликтов и межнациональных столкновений, а демографическая ситуация среди коренных малочисленных народов создает опасность духовного обеднения. В силу объективных политических обстоятельств Россия не смогла и пока что не может подписать данный Пакт. Однако это и не требуется в буквальном выражении. Существование идеи, ее признание – то, что представляет большую ценность. Для тематики исследования, а равно для практической значимости, данный подход является наиболее предпочтительным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баева Л.В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции // *Философия и общество*. 2012. № 1. С. 109–118.
2. Медведев Е.В. Культурные ценности как предмет государственно-правового регулирования // *Проблемы российской государственности: вопросы истории, теории, практики*. Сборник научных трудов. 2004. С. 128–139.
3. Иззатова А.У., Иззатова Р.У., Гаффоров Я.Х. Роль ислама в процветании исламского государства Андалусии // *Research Focus*. 2022. Специальный выпуск № 1. С. 23–27.
4. Музычук В.Ю. Сохранение культурного наследия в контексте социально-экономического развития России // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2017. № 2. С. 8–31.
5. Международный Договор «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников – Пакт Рериха (1935)». [эл. доступ]. URL: <https://icr.su/rus/evolution/pact> (дата обращения: 03.11.2023).
6. Рерих С.Н. Пакт Рериха и Знамя Мира // *Электронная библиотека Международного Центра Рерихов*. [эл. доступ]. URL: <https://lib.icr.su/node/1344> (дата обращения: 02.11.2023).
7. Stone, P.G. Protecting Cultural Property in Armed Conflict: The Necessity for Dialogue and Action Integrating the Heritage, Military, and Humanitarian Sectors // *Cultural Heritage and Mass Atrocities*. 2022. Available at <https://www.getty.edu/publications/cultural-heritage-mass-atrocities/part-5/31-stone/> (accessed: 08.11.2023).
8. Petrova, M.I. The Pact of Nikolai Roerich – Peace through Culture // *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. 2019. Т. 13. № 2. С. 110–121.
9. Francel-Delgado, A.E. & Uribe-Kaffure, C. The Concept of Monument in the Map of 1942. Ibagué, Colombia // *Anais da Academia Brasileira de Ciência*. 2021. Vol 93 (4). P. 13.
10. Скачкова М.Д. Пакт Рериха: история, современность, перспективы // *Диалоги о защите культурных ценностей: материалы I Международной научно-практической конференции, 14 мая 2021 г.* / под. ред. Е.Ю. Витюк, Ю.В. Кондаковой, Е.В. Штифановой. Екатеринбург : УрГАХУ, 2021. С. 104–106.
11. Рыбак К.И. Нейтралитет культурных ценностей и учреждений культуры (Пакт Рериха: история и судьбы) // *Журнал Института Наследия*. 2017. № 2(9). [эл. доступ]. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/17/136.html> (дата обращения: 01.11.2023).

12. Lebedenko A.A. The Banner of Peace: Combining Sign of the Trinity at the Joint of Cultures and Civilizations. *Russia and the East: The Interaction in Art*. 2020. P. 165–176.
13. Aimone Arredondo, G. El Pacto de Roerich y la protección de monumentos en Chile. 21.11.2019. Available at <https://revistamarina.cl/es/articulo/el-pacto-de-roerich-y-la-proteccion-de-monumentos-en-chile> (accessed: 06.11.2023).
14. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Охрана культурного наследия: международный и российский опыт // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2014. № 4(21). С. 6–13.
15. Albaladejo Garcia, S. Cultural Genocide, the Forgotten Nemesis of Cultural Heritage. Case Study of the Genocide of Rohingya in Myanmar. 2019. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3550492 (accessed: 13.11.2023).

REFERENCES

1. Baeva L.V. Sohranenie kul'turnogo naslediya kak voploshchenie cennosti tradicii [Preservation of Cultural Heritage as the Embodiment of the Value of Tradition]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2012. № 1. P. 109–118. (In Russian).
2. Medvedev E.V. Kul'turnye cennosti kak predmet gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya [Cultural Values as a Subject of State Legal Regulation]. *Problemy rossijskoj gosudarstvennosti: voprosy istorii, teorii, praktiki*. Sbornik nauchnyh trudov. 2004. P. 128–139. (In Russian).
3. Izzatova A.U., Izzatova R.U., Gafforov Ya.H. Rol' islama v procvetanii islamskogo gosudarstva Andalusi [The Role of Islam in the Prosperity of the Islamic State of Andalusia]. *Research Focus*. 2022. Special'nyj vypusk № 1. P. 23–27. (In Russian).
4. Muzychuk V.Yu. Sokhraneniye kul'turnogo naslediya v kontekste sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Preservation of Cultural Heritage in the Context of Socio-Economic Development of Russia]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. 2017. № 2. P. 8–31. (In Russian).
5. Mezhdunarodnyj Dogovor «Ob ohrane hudozhestvennyh i nauchnyh uchrezhdenij i istoricheskikh pamyatnikov – Pakt Reriha (1935)» [International Treaty «On the Protection of Artistic and Scientific Institutions and Historical Monuments – Roerich Pact (1935)»]. Available at <https://icr.su/rus/evolution/pact> (accessed: 03.11.2023). (In Russian).
6. Rerih S.N. Pakt Reriha i Znamya Mira [Roerich Pact and Banner of Peace]. *Jelektronnaja biblioteka Mezhdunarodnogo Centra Rerihov*. Available at <https://lib.icr.su/node/1344> (accessed: 02.11.2023). (In Russian).
7. Stone, P.G. Protecting Cultural Property in Armed Conflict: The Necessity for Dialogue and Action Integrating the Heritage, Military, and Humanitarian Sectors. *Cultural Heritage and Mass Atrocities*. 2022. Available at: <https://www.getty.edu/publications/cultural-heritage-mass-atrocities/part-5/31-stone/> (accessed: 08.11.2023).
8. Petrova, M.I. The Pact of Nikolai Roerich – Peace through Culture. *Asiatica: Trudy po filosofii i kul'turam Vostoka*. 2019. Vol. 13 № 2. P. 110–121.
9. Francel-Delgado, A.E. & Uribe-Kaffure, C. The Concept of Monument in the Map of 1942. Ibagué, Colombia. *Anais da Academia Brasileira de Ciência*. 2021. Vol 93 (4). P. 13.
10. Skachkova M.D. Pakt Reriha: istorija, sovremennost', perspektivy [Roerich Pact: History, Modernity, Prospects]. *Dialogi o zashhite kul'turnyh cennostej: materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 14 maja 2021 g. pod. red. E.Ju. Vitjuk, Ju.V. Kondakovoj, E.V. Shtifanovoj*. Ekaterinburg : UrGAHU, 2021. P. 104–106. (In Russian).

11. Rybak K.I. Nejturalitet kul'turnyh cennostej i uchrezhdenij kul'tury (pakt Reriha: istoriya i sud'by) [Neutrality of Cultural Values and Cultural Institutions (Roerich Pact: History and Destinies)]. *Zhurnal Instituta Nasledija*. 2017. № 2(9). Available at: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/17/136.html> (accessed: 01.11.2023). (In Russian).
12. Lebedenko A.A. The Banner of Peace: Combining sign of the triunity at the joint of cultures and civilizations. *Russia and the East: The interaction in art*. 2020. P. 165–176.
13. Aimone Arredondo, G. El Pacto de Roerich y la protección de monumentos en Chile [The Roerich Pact and the Protection of Monuments in Chile]. 21.11.2019. Available at <https://revistamarina.cl/es/articulo/el-pacto-de-roerich-y-la-proteccion-de-monumentos-en-chile> (accessed: 06.11.2023). (In Spanish).
14. Bogolyubova N.M., Nikolayeva Yu.V. Okhrana kulturnogo naslediya: mezhdunarodnyy i rossiyskiy opyt [Protection of Cultural Heritage: International and Russian Experience]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury*. 2014. № 4(21). P. 6–13. (In Russian).
15. Albaladejo Garcia, S. Cultural Genocide, the Forgotten Nemesis of Cultural Heritage. *Case Study of the Genocide of Rohingya in Myanmar*. 2019. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3550492 (accessed: 13.11.2023).

Сведения об авторах / Information about authors

Чимаров Николай Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент. Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ.
E-mail: kolomyagi4@gmail.com; ORSID 0000-0002-0661-1035.

Филь Ксения Максимовна – студент. Санкт-Петербургский институт (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».
E-mail: ksenia_fil@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Chimarov Nikolay S. – Candidate of Juridical Sciences, associate professor. North-West Institute of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: kolomyagi4@gmail.com; ORSID 0000-0002-0661-1035.

Fil Ksenia M. – student. St. Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)».

E-mail: ksenia_fil@bk.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.11.2023. Одобрена после рецензирования 01.02.2024. Принята 01.02.2024.
Received 21.11.2023. Approved after reviewing 01.02.2024. Accepted 01.02. 2024.*

научная статья
УДК: 394.2+379.822
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.4

Современные практики и стратегии сохранения нематериального культурного наследия в северо-восточном Китае

Лбова Людмила Валентиновна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ lbova_lv@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4103-7785>

Люй Шуаншуан
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
lvshuang821@gmail.com

Ли Сюечань
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
xchan1099@gmail.com

***Аннотация.** Традиционная культура и способы самовыражения разнообразия этнических культур северо-восточного Китая важны не только для дальнейшего развития национальных меньшинств, но и формирования общей культурной стратегии и экономики туризма. Совершенствование законодательства в области сохранения и популяризации историко-культурного наследия в Китае, внимание правительства к различным формам государственной поддержки стратегий культурного развития, образования и туризма способствует эволюции законодательной базы, изучению и сохранению объектов культурного наследия народов Китая. Предлагаемое исследование направлено на дескриптивный анализ нового опыта культурных стратегий и практик в провинциях северо-восточного Китая: Цилинь, Хэйлуцзян, Внутренней Монголии. Опыт этих провинций демонстрирует развитие местного законодательства, расширение форм работы в рамках культурных стратегий по развитию системы охраны наследия, его эффективного использования. Выявлено, что в процессе реализации политики охраны историко-культурного наследия в стране, центральное место занимает ориентация на удовлетворение запросов региональных и локальных сообществ. За основу интерпретации принята гипотеза устойчивости сохранения традиционных практик через культурный код витальности и культа предков в контексте тесной взаимозависимости между нематериальным культурным наследием, историко-культурным и природным наследием.*

Ключевые слова: историко-культурное наследие; культурные стратегии; ритуальные практики; этнические меньшинства; «код телесности»; шаманизм; северо-восточные регионы Китая

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 23-28-00140 «Человек в архаичном искусстве Северной Евразии: смена парадигмы» <https://rscf.ru/project/23-28-00140/>

Для цитирования: Лбова Л.В., Люй Шуаншуан, Ли Сюечань. Современные практики и стратегии сохранения нематериального культурного наследия в северо-восточном Китае // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 1. С. 55–77. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.4

© Лбова Л.В., Люй Шуаншуан, Ли Сюечань, 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 394.2+379.822

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.4

Modern Practices and Strategies for Safeguarding Intangible Cultural Heritage in North-Eastern China

Liudmila V. Lbova ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ lbova_lv@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4103-7785>

Lyu Shuangshuang

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

lvshuang821@gmail.com

Li Xuechan

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

xchan1099@gmail.com

Abstract. *Cultural traditions and ways of expressing the diversity among the ethnic cultures of northeast China are important not only for the further development of minority nationalities, but also for the formation of overall cultural strategy and tourism economy. Improvement of legislation in the field of preservation and popularization of historical and cultural heritage in China, the government attention to various forms of state support for cultural development, education and tourism policies contributes to the evolution of the legislative framework, promotes the study and preservation of the peoples of China cultural heritage. The proposed study aims at a descriptive analysis of the cultural policies and practices new experiences in the provinces of north-eastern China: Jilin, Heilongjiang, Inner Mongolia. The experience of these provinces demonstrates the development of local legislation, the expansion of work strategies within the framework of cultural strategies for the development of the heritage protection system and its effective usage. It is revealed that the focus on meeting the needs of regional and local communities occupies a central place in the process of implementing the policy for the protection of historical and cultural heritage in the country. The interpretation is based on the hypothesis regarding the sustainability in the preservation of traditional practices through the cultural code of vitality and ancestor worship in the context of the close interdependence between the intangible cultural heritage, historical, cultural and natural heritage.*

Keywords: historical and cultural heritage; cultural strategies; ritual practices; ethnic minorities; "corporeality code"; shamanism; northeastern regions of China

Funding: The research was carried out with the support of the grant PSF, project 23-28-00140 "Man in the archaic art of Northern Eurasia: a paradigm shift" <https://rscf.ru/project/23-28-00140/>

For citation: Lbova, L.V., Lyu Shuangshuang, Li Xuechan. Modern Practices and Strategies for Safeguarding Intangible Cultural Heritage in North-Eastern China. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 1. P. 55–77. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.4

© Lbova, L.V., Lyu Shuangshuang, Li Xuechan, 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Охрана культурного наследия является одним из приоритетов культурных стратегий, реализуемых правительством Китая в последнее десятилетие. Ратификация Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия позволила КНР не только сохранить свои уникальные объекты, но и привлечь внимание международного сообщества к их значимости. Занесение первых объектов в список всемирного наследия произошло в 1987 г., с тех пор количество объектов увеличилось до 56. Кроме этого, по состоянию на 2017 г., в число кандидатов на включение в Список всемирного наследия были утверждены 59 объектов Китая. Следует отметить, что по состоянию на декабрь 2020 г. в Китае 42 объекта были включены в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, занимая первое место в мире. Правительство страны уделяет большое внимание сохранению объектов нематериального культурного наследия, воплотившего в себе традиции, обычаи, фольклор, танцевальное искусство, мифологию и др.

Для обеспечения сохранности объектов культурного наследия в Китае создаются специальные зоны охраны, в которых ограничивается строительство и изменение исторического облика зданий и территорий. Кроме того, государство активно финансирует исследования и реставрацию исторических памятников, а также проводит образовательные программы по ознакомлению населения с культурным наследием страны.

Однако, несмотря на все усилия по охране культурного наследия, в Китае существуют проблемы, связанные с экологическими проблемами,

изменением климата и вандализмом, которые могут негативно сказаться на состоянии исторических объектов. В связи с этим правительство страны продолжает разрабатывать новые меры развития культурных стратегий и улучшению системы охраны культурного наследия, что способствует привлечению внимания общественности к вопросам его сохранения и вовлечения в современную жизнь.

Традиционная культура и самовыражение большого разнообразия китайских этнических культур Северо-Восточной части страны важны для дальнейшего развития национальных меньшинств, основанных на традиционном миропонимании, а также формирования национальной культурной политики и практической деятельности, развития экологического сознания и экономики туризма [1]. Поэтому особое место в сохранении нематериального культурного наследия уделяется традиционным верованиям и их ритуально-мифологическому контенту.

Шаманизм играет важную роль в истории и культуре различных этносов Северного и Северо-Восточного Китая — маньчжуров, монголов, сибо, хэжэ, орохонов, эвенков, даур, уйгуров. Вера в духов, возможность общения с ними через «специалиста» – шамана в состоянии транса, до сих пор присутствует в народной жизни таких этносов. Шаманизм тесно связан с другими формами первобытно-мифологического комплекса – тотемизмом, фетишизмом, анимизмом. Архаичные элементы шаманизма проявляются и в религиозных системах другого, более сложного типа (народно-национальных, современных синкретичных религиозных движениях).

Специалистам хорошо известны результаты исследований шаманизма на территории Северо-Восточного Китая как российских, западных, так и китайских авторов (С.М. Широкогоров, Л.С. Васильев, Эдвард Шафер, Клаус Гессе, Чжао Чжичжун, Ши Кун и др.) [2; 3]. Вполне вероятно, что причины возрождения шаманизма в современной жизни Китая могут объясняться и тем, что первобытно-мифологический комплекс в основном сохраняет и развивает экологическое сознание, делает акцент на жизнь в гармонии с силами природы, что связано с жизненными интересами, общим концептом витальности, поддерживаемый практиками народной медицины и ритуальными действиями [4].

В статье предложен обзор политики правительства Китая на государственном, региональном и локальном уровнях и культурные практики сохранения традиционного нематериального культурного наследия в регионах северо-восточного Китая. Северо-Восточный Китай, или Дунбэй, включает восточную часть автономного района Внутренней Монголии, провинции Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь, т.е. территории, которые исторически входили в состав Маньчжурии и характеризуют, в целом, регион сходными климатическими и культурными особенностями. В рамках исследования, на примере северо-восточных провинций Китая, продемонстрированы решения актуальных вопросов взаимодействия местных сообществ и государственной политики.

Материалы, результаты исследования и их обсуждение

Законодательство КНР в области сохранения культурного наследия

В Китае разработана стратегия охраны культурного наследия, которая включает как научные концепции и связанные с этим законодательные акты, так и практические меры по сохранению, восстановлению и использованию исторических, культурных и природных объектов. Одним из основных документов, регулирующих охрану культурного наследия в стране, является Закон о защите культурных реликвий и памятников (1982 г.).

На 32-й сессии генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования и науки (ЮНЕСКО) была инициирована Конвенция по защите нематериального культурного наследия (2003 г.); было выдвинуто положение о том, что действующие международные соглашения, рекомендации и резолюции о культурном и природном наследии необходимо обогатить и эффективно дополнить новыми положениями, касающимися нематериального культурного наследия.

В 2005 г. Главное управление Государственного совета Китая опубликовало «Заключения об усилении защиты нематериального культурного наследия». Работа активно проводилась по всей стране, включая перепись, инвентаризацию, составление проектов использования памятников и их популяризации. В результате были сформированы полные списки нематериального культурного наследия на общенациональном,

региональном, провинциальном, городском и уездном уровне. Разработана система защиты репрезентативных объектов, усовершенствованы механизмы и созданы учреждения и фонды по охране нематериального культурного наследия; разработаны мероприятия для определения зон защиты таких объектов, их природный контекст; учреждены специальные музеи, посвященные отдельному объекту наследия, или их комплексу. Например, предложено учредить «День нематериального культурного наследия», разработаны сценарии тематических фестивалей культуры под эгидой специальных фондов, обеспечивающих эффективное развитие нематериального культурного наследия через нормативные документы [5].

В 2006 г. Государственный совет Китая объявил о включении первой группы из 518 объектов в национальный список нематериального культурного наследия. В 2007 г. во второй группе национальных списков нематериального культурного наследия было объявлено о 510 объектах и 42 объектах-кандидатах, а также было выбраны категории национальных репрезентативных объектов нематериального культурного наследия, охватывающих народную литературу, танец, музыку, изобразительное искусство, народное искусство, оперу, акробатику, ремесла, фольклор и традиционную медицину.

Региональные и локальные законы в Китае могут различаться в зависимости от региона и его культурных особенностей. Например, в Тибете существуют законы, регулирующие использование земли и строительство, которые учитывают местные традиции и обычаи. В других регионах могут быть законы, регулирующие сохранение исторических памятников и археологических объектов. Специфика законодательства Китая заключается в том, что региональное/провинциальное, местная нормативная база об охране нематериального культурного наследия направлена на координацию взаимоотношений между туризмом и охраной нематериального культурного наследия в регионах, при соблюдении интересов этнических меньшинств, преемников культурного наследия и интересов всего общества, коммерческим развитием и защитой аутентичности. Законодательство помогает защитить культурные права этнических меньшинств в регионах, содействует устойчивому экономическому и социальному развитию и поддержанию структуры

культурного разнообразия. Таким образом, правительство Китая стремится обеспечить сохранение культурного наследия на всей территории страны, но при этом учитывать региональные интересы, особенности и традиции этнических меньшинств.

Стратегические культурные инициативы

25 мая 2021 г. Министерство культуры и туризма КНР опубликовало постановление о планах и мероприятиях по выполнению «14-й пятилетки по охране нематериального культурного наследия» (№ 61, 2021 г.), который включает общие требования, основные задачи и меры охраны наследия. В центре внимания была обозначена основная идея: «сначала защита, сначала спасение, рациональное использование, наследование и развитие». В плане развития четко сформулированы цели и этапы работы по охране нематериального культурного наследия в рамках стратегического развития направления до 2035 г. Через обозначенные меры правительство Китая стремится сохранять и передавать будущим поколениям богатое нематериальное культурное наследие страны, включающее в себя традиции, обычаи, народные промыслы, устное народное творчество, музыкальное и танцевальное искусство и многое другое. Это включает в себя изучение и документирование наследия, а также поддержку проектов, направленных на его сохранение и популяризацию, усиление регионального компонента в контексте шести основных задач социального и экономического развития. Дополнительно представлены ключевые проекты, направленные на качественное развитие традиционных ремесел и строительство зон культурной и экологической защиты.

Обеспечение реализации различных мер запланировано в следующих аспектах: совершенствование политики и системы регулирования, укрепление институциональных команд (создание новых организаций, фондов, культурных центров) и усиление гарантий финансирования. Особое внимание уделено вопросам содействия формированию механизмов и социальной среды, способствующих сохранению и защите нематериального культурного наследия народов Китая. В то же время официально курсы лекций, связанные с изучением и сохранением нематериального наследия, появляются в программах

бакалавриата, что означает решение проблемы в общей системе образования страны [5].

«Конвенция об охране нематериального культурного наследия» ЮНЕСКО подчеркивает эффективное сохранение и правильное использование нематериального культурного наследия. Эти меры также направлены на развитие исследований народной культуры и литературы Китая в целом, включая анализ их взаимосвязи с нематериальным культурным наследием, особенностями его сохранения в разных регионах страны. Как правило, в региональных и локальных списках нематериального культурного наследия региона / провинции / уезда объекты распределены по категориям: народные обычаи, народные танцы и народная музыка.

Несмотря на то, что шаманизм считается маркером примитивной формы культуры, именно эта форма религиозных представлений оказывает значительное влияние на современную жизнь населения. Поэтому отдельные артефакты и комплексы шаманских ритуальных практик народов северо-восточного Китая были включены в мировой список нематериального культурного наследия, а также в национальные и региональные списки страны в целом. Благодаря особым преимуществам ресурсов нематериального культурного наследия, оно в большей степени способствует защите и исследованию духовного богатства Китая [6].

*Шаманизм северо-восточного Китая:
практики сохранения культурного наследия*

Практика сохранения культурного наследия во всех странах включает в себя множество методов и стратегий, направленных на защиту и восстановление исторических и культурных объектов, а также на сохранение традиционных знаний и практик. Некоторые из наиболее распространенных методов включают в себя:

1. Мониторинг и регистрацию объектов культурного наследия, что предполагает проведение исследований, составление каталогов и баз данных, а также создание карт и планов, которые помогают определить ценность и состояние объектов.

2. Охрана и реставрация исторических зданий и сооружений, что предполагает ремонт и восстановление архитектурных конструкций, а также сохранение их архитектурного облика и исторического контекста.

3. Сохранение традиционных ремесел и искусств, что предполагает поддержку и развитие традиционных ремесленных навыков, а также обучение и передачу знаний о традиционных искусствах и ремеслах между поколениями.

4. Сохранение и использование традиционных ландшафтов и экосистем, что предполагает сохранение и восстановление природных ресурсов и экосистем, которые имеют культурное значение для местных сообществ.

5. Поддержка и развитие культурного туризма включает создание и продвижение культурных маршрутов и программ, которые привлекают туристов и способствуют экономическому развитию местных сообществ.

Последние три позиции вызывают особый интерес в рамках предложенной темы исследования. Шаманская культура является важной частью культуры этнических меньшинств на севере Китая, концентрированным выражением духовных верований, обычаев и эстетических творений древних народов [7; 8]. В ответ на вышеупомянутые проблемы китайскими исследователями предлагаются меры, связанные с улучшением механизмов совместного наследования и защиты шаманской культуры, для сохранения среды выживания и вероятного развития [9; 10; 11]. Следует отметить, что народное правительство каждой провинции регулярно публикует по очередям списки объектов нематериального культурного наследия, которые формируются по мере исследования территорий. В настоящее время опубликованы по 5 и более списков согласно определённой очередности, связанной с критериями выявления объекта, его ценности и распространения в провинции и в стране в целом.

Например, будучи ключевой провинцией по распространению и защите шаманской культуры, провинция Цзилинь¹ придерживается политики «сначала защита, сначала спасение, рациональное использование, наследование и развитие» и предпринимает практические усилия по защите и наследованию шаманской культуры [11] (рис. 1).

¹ Цзилинь шэн ди и пи (шэн цзи) фэй учжи вэньхуа ичань минлу 吉林省第一批(省级)非物质文化遗产名录 [Первый список нематериального культурного наследия провинции Цзилинь (на уровне провинции)]. 16.04.2023: [сайт]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/gyV-i7Cr4t0-heWORyNx0g> (дата обращения: 13.01.2024).

Рис. 1. Церемония наследования шамана Цзютай (провинция Цзилинь)²

Следует отметить, что и в других провинциях в списках нематериального культурного наследия встречаются традиционные формы провинции Цзилинь («Легенда о шамане маньчжурской семьи Цзютай», «Музыка Ула Чэнь Ханьцзюнь Цисян», «Музыка маньчжурского шамана Ула», «Танец на барабанах Ула Чэнь Хан Цзюнь Дан», «Монгольский Андай», «Жертвоприношение рода Ула Маньчжурии Херджя», «Танец Го Эрлуосбо», «Костяные куклы маньчжурского шамана»).

Популярны проекты: «Продолжение обычаев Ула Чэнь Ханьцзюня», «Обряд жертвоприношения монгольского шамана», «Обычай родового жертвоприношения рода Цзютай маньчжурского Ши», «Шаманская культура маньчжурского Итун «Остатки», «Маньчжурский обычай поклонения предкам семьи Гуань», «Обычай поклонения предкам маньчжурской семьи Ян», «Обычай поклонения предкам маньчжурской семьи Чжао» и др. [11]. Кроме того, широко известен фестиваль, который

² Цзилинь цзю тай са мань чуаньчэнь иши 吉林九台萨满传承仪式 [Церемония наследования шамана Цзилинь Цзютай]. 05.09.2018: [сайт]. URL: <https://culture.cnjiwang.com/ccjlfwzwhycxszg/201809/2722243.html> (дата обращения: 13.01.2024).

проходит в провинции Цзилинь – Маньчжурский фестиваль реки Сунгари, направленный на сохранение и развитие маньчжурского языка.

В провинции Хэйлунцзян³ отмечен характерный местный маньчжурский народный обычай «Семейное жертвоприношение шамана». В 2007 г. Правительство провинции Хэйлунцзян и местный департамент культуры “Жертвоприношение шамана в маньчжурских семьях” из деревни Иланган объявили нематериальным культурным наследием всей провинции. Наследниками этой традиции являются семьи Гуань Юньтай и Син Юйся.

В октябре 2008 г. деревня Иланган, города Хайлань и Нинань построили первый маньчжурский фольклорный музей в провинции Хэйлунцзян. Основная цель проекта – разработать систему мер и эффективно защитить жертвенную культуру маньчжурских семей в Илангане и Нинань. Предполагалось, что этот ритуал будет использоваться не только для проведения семейных жертвоприношений, но и для интеграции народной культуры в индустрию туризма (рис. 2). Реализация проекта таким образом позволила создать для посетителей обширную платформу для демонстрации, изучения и популяризации локального феномена культуры [10].

Следует отметить и другие проекты сохранения нематериального культурного наследия народов северо-восточного Китая в провинции Хэйлунцзян, связанные с шаманизмом: «Маньчжурская шаманская мифология», «Башня Чжаофу Нингу» и «Маньчжурская жертвенная музыка» и др. Одним из наиболее интересных аспектов нематериального культурного наследия является танцевальное и музыкальное наследие, такое как “Мелодия маньчжурского шаманского бога”, объявленная в городе Хайлинь. Стоит упомянуть “Танец шамана Даура” из района Фулаэржи города Цицикар и “Фестиваль горного бога” из района Ачэн в Харбине; ритуал “Олуньчун” из округа Хума также считается важной частью танцевального и музыкального наследия Китая.

³ Хэйлунцзян шэн жэньминь чжэнфу гуаньюй гунбу ди и пи шэн цзи фэй учжи вэньхуа ичань минлу дэ тунчжи 黑龙江省人民政府关于公布第一批省级非物质文化遗产名录的通知 [Уведомление Народного правительства провинции Хэйлунцзян о публикации первой партии списков нематериального культурного наследия провинции]. 17.08.2007: [сайт]. URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/c108273/200708/c00_30642641.shtml (дата обращения: 11.01.2024).

Рис. 2. Семейные ритуалы в современной Манчжурии ⁴

Культурное наследие Внутренней Монголии разделяется на четыре основные категории: народная литература (мифология, поэзия, народные сказки, хвалебные речи и т. д.), народное сценическое искусство (музыка, танцы, театр, песни и т. д.), народные обычаи (бытовые обряды, медицина, верования и т. д.), народное искусство (ремесла, игры и т. д.). По состоянию на 2018 г. во Внутренней Монголии «Перечень нематериального культурного наследия автономного округа» состоит из 587 объектов, 89 из которых включены в обще китайский «Перечень нематериального культурного наследия государственного значения», три из которых входят в список ЮНЕСКО (горловое пение, песни чандяо и музыкальный инструмент морин-хур).

⁴ Цзунцзяо цзисы сису – маньцзу саманьцзяо 宗教祭祀习俗——满族萨满教 [Религиозные жертвенные обычаи – маньчжурский шаманизм]. 18.05.2010: [сайт]. URL: <http://www.sanqinyou.com/html/2010-5-18/2010518145503761662.html> (дата обращения: 11.01.2024).

Монгольский шаманизм, как система первобытной религии, включает в себя медицину, собственно веру в духов (анимизм), почитание природы и поклонение предкам. Центральным элементом системы были действия мужских и женских заступников между человеческим и духовным миром (шаманами Бөө и шаманками Удган) (рис. 3). Известны такие формы нематериального наследия как «Танец Боо», «Боо ле», «Костюмы и снаряжение Баху Боо», «Монгольский танец Андай» и «Восстановление костей Корцина», «Мать Сибэ Сили», «Монгольское жертвенное дерево» и др. которые состоят в Списке нематериального культурного наследия автономного района Внутренняя Монголия.

Рис. 3. Шаманы (боо) в процессе камлания (Внутренняя Монголия)⁵

В списке наследия провинции Ляонин встречаются формы, тесно связанные с шаманизмом: например обряды «Шу», «Жертвоприношение Обо», «Жертвоприношение Торлея Иджина», «Жертвоприношение тринадцати богов Ата», «Пражское жертвоприношение Аореина», «Жертвоприношение Вокуотая», «Жертвоприношение Араксуледы»,

⁵ Са мань: мэngu цзу вэйхэ ичжи чуншан тянь, ди, жэнь? 萨满:蒙古族为何一直崇尚天、地、人? [Шаман: Почему монгольский народ всегда поклоняется небу, земле и человеку?]. 02.07.2021 // Ваньу шю 万物说 [Теория всех вещей]. № 280. [эл. доступ]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/fLuJT1AI9Zk35PRG-YJ-hA> (дата обращения: 15.01.2024).

«Жертвоприношение Чагана Сулида», «Костюмы и снаряжение эвенкийского шамана», «Священное дерево», «Даур Саман Саман» и другие обряды, практики этнических меньшинств Внутренней Монголии (дауров, эвенов, бурят и др.). Особое место занимают обряды и практики, посвященные мистическим реликвиям, связанным с именем Чингисхана: «Жертвоприношение Чингисхану Харисуледа», «Жертвоприношение Чингисхану», «Монгольское жертвенное дерево» и др.

Дискуссия

С тех пор как Китай официально присоединился к Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (далее – Конвенция) в 2004 г., охрана «нематериального культурного наследия» страны прошла начальный этап и промежуточную «лихорадку применения нематериального культурного наследия». В последние годы охрана нематериального культурного наследия постепенно стандартизировалась, вступая в новый период закрепления результатов спасения и защиты и повышения жизнеспособности практики наследования. Защита нематериального культурного наследия Китая добилась замечательных результатов, но остается еще много проблем [1; 12]. В китайской периодике обсуждаются вопросы выявления, научной экспертизы и сохранения объектов наследия; разработки «продуктивной стратегии защиты нематериального культурного наследия»; дальнейшего углубления и разъяснения в обществе понимания важности концепции нематериального культурного наследия; поддержания баланса между традициями и инновациями в защите нематериального культурного наследия в современном мире.

В китайских академических исследованиях и в государственной нормативной базе страны подчеркивается, что особое внимание следует уделить вопросам экологии и сохранению природы человека в контексте кросс-культурных аспектов. Мифологический период в истории отдельных народов совпадает по своим основным телесным идеям и образам. Общеизвестно, что в традиционном контексте мир представлен в сознании людей как единое космическое тело, макрокосм, порой оформленный антропоморфно. В мифологии различных народов Китая, такие космические объекты, как солнце, луна и звезды, имеют человеческий

облик. Аналогично, в мифологии некоторых народов, человек и окружающий мир могут быть представлены как взаимозаменяемые элементы, где человек выступает в качестве материала для создания мира, или же мир предоставляет свои элементы для создания человека.

В китайской мифологии тело человека рассматривается как связующее звено между небом, землей и космосом. Это представление нашло отражение в мифах о происхождении мира и человека, таких как миф о Пань-гу [13]. В целом, китайская мифология богата на образы и истории, связанные с телесностью, и каждый из них имеет свои особенности и символику, поэтому в шаманизме северо-восточного Китая представлен довольно большой блок ритуальных практик, который связан именно со здоровьем человека, его тела, семьи и рода.

Хотя ряд исследователей отмечают, что в китайской мифологии нет единого «кода телесности», так как она включает в себя множество различных божеств, мифологических существ и народных верований. Однако, некоторые из них имеют свои уникальные особенности, связанные с телом, или телесностью, и здоровьем человека и животных. Особый интерес вызывают объекты нематериального наследия как «Техника изготовления идола из кости маньчжурского шамана», «Маньчжурская терапия акупунктурой ногтей», «Костяные куклы маньчжурского шамана».

Стоит отметить, что в китайской мифологии большое внимание уделяется взаимодействию тела и духа. В китайской традиции представления о теле и душе отличаются от европейских. В китайской философии нет единого понятия души, которое было бы аналогично западному. Весь комплекс явлений, которые попадают под западное понимание души, не представляется китайцам единым. Это объясняется различными культурными и философскими особенностями двух традиций, следствием чего является «терминологическое расщепление «души» на спектр более узких понятий» [14, с. 148]. Многие божества и герои обладают особыми способностями, связанными с их физическими и духовными силами.

В борьбе с болезнями была сформирована уникальная народная медицина народов северо-восточного Китая: использование свежих и аутентичных лекарственных материалов, акцент на немедикаментозное лечение, эффективное лечение специфических осложнений, гибкие медицинские методы и т.п. [15]. Акцент на общность живущих людей, их

семей, и их предков и традиционного природного окружения подчеркивается в широко распространенном обряде «Семейное жертвоприношение шамана», или жертвоприношения семьям, указанные выше, что закреплено в характерных маньчжурских народных обычаях.

Через обрядовые практики достаточно явно прослеживаются основные принципы китайской народной медицины: баланс Инь и Ян, связь пяти элементов Вселенной с определенными органами и их функцией; роль жизненных меридианов и причины болезней. Отдельно следует отметить «Тяо Дашэнь» как способ общения между живыми и мертвыми (предками), который, в основном, используется для помощи людям в решении проблемы лечения, физических недугов, которое сопровождается благословением, гаданием и предсказанием, связанных со здоровьем. Шаманская культура тесно интегрирована с повседневной жизнью предков, поэтому такие объекты нематериального наследия как «Шаманская легенда о маньчжурской семье Цзютай Ши и обычаи поклонения предкам Цзютай Ши», «Обычаи поклонения предкам маньчжурской семьи Гуань», «Обычаи поклонения предкам маньчжурской семьи Ян», «Обычаи поклонения предкам маньчжурской семьи Чжао» и др. остаются популярными и в современности.

Шаманская музыкально-танцевальное искусство в процессе камлания – это синтез песни, танца и музыки, религии, фольклора. При господстве музыкальной концепции все звуки – это музыка бога; жесты и позы, способности «сяочэ» танцующего шамана (язык тела) являются особым языком для общения с духами, а божественный барабан и поясной колокольчик – специальными инструментами для усиления эффекта использования особого языка. Следует отметить, что восприятие шамана музыки и танца отличается от взгляда обывателей, находящихся вне шаманского культурного круга [6; 13; 17].

В последние годы в провинциях Цзилинь и Хэйлунцзян проводятся «Дни культуры», в рамках которых представляются элементы нематериального культурного наследия, с использованием практик и шаманизма (рис. 4). В рамках таких мероприятий в туристической зоне долины Итун Муцин проводятся выставки. Первая выставка нематериального культурного наследия провинции Цзилинь и туристический фестиваль народной культуры долины Муцин с элементами

древних форм культуры продемонстрировали связь древних традиций и современного общества, унаследовавшего шаманскую культуру. Участники предложили коллективное и всестороннее исследование существующей шаманской культуры и ее преемников. Исследователи отмечают, что «культурные индустрии северо-восточного региона КНР сочетают в себе как возрождение, развитие и использование ценностей традиционной культуры, так и инновации, поиск новых способов популяризации культуры... Традиционная культура выступает в качестве основы, современные наука и техника выполняют инструментальную роль, что позволяет традиционный облик культуры преподнести в новых красках» [18, с. 34].

Концепции шаманизма в области экологии и защиты окружающей среды основаны на вере в духов природы и общении с ними. Шаманы считают, что природа обладает душой, и что каждый вид животных и растений имеет своего духа-покровителя, поэтому люди должны уважать духов природы и не нарушать гармонию между человеком и окружающей средой.

Рис. 4. Провинция Хэйлунцзян, костюмированный парад на острове Тайяндао в г. Харбин 2023 г. ⁶

⁶ Красочный костюмированный парад на острове Тайяндао в Харбине. 29.01.2024 // СИНЬХУА Новости: [сайт]. URL: <https://russian.news.cn/20240129/bcdf6f76a240424cba71343d6bf1dc36/c.html> (дата обращения: 21.01.2024).

Шаманы используют свои способности для общения с духами природы и получения информации о состоянии окружающей среды. Они также могут проводить ритуалы и церемонии, чтобы помочь людям понять важность сохранения природы и самого человека, и заботиться о ней [2; 3; 15; 17; 18].

Основные концепты такой натурфилософской концепции используются для развития новых туристических направлений. Развитие культурного туризма в Китае является одним из приоритетов правительства страны. В рамках этой стратегии создаются новые туристические маршруты, включающие посещение не только исторических и культурных достопримечательностей, музеев, театров и других объектов культуры, но и региональных и провинциальных праздников, возможности присутствия на ритуалах и обрядах.

Развитие образовательных программ в Китае по сохранению наследия является одним из ключевых направлений деятельности правительства. В рамках этих программ проводятся курсы и семинары по истории культуры, археологии, реставрации и консервации объектов культурного наследия. Также создаются специальные образовательные программы для специалистов в области охраны памятников, музейных работников и других профессионалов, связанных с сохранением наследия.

Заключение

Современные культурные стратегии и практики в Китае способны использовать фундаментальные ценностные идеи традиционной культуры хань как титульной нации и культур этнических меньшинств для реализации стратегии “мягкой силы”. Это позволяет Китаю распространять свое влияние и создавать привлекательность своих культурных брендов за рубежом, тем самым укрепляя позиции страны как на мировой арене, так и как внутри регионов. Поэтому изложение новых материалов в российской периодической печати, на наш взгляд, является актуальными полезным.

Меры правительства Китая по сохранению наследия включают в себя несколько направлений деятельности.

1. Разработка и реализация национальных и региональных программ по сохранению культурного наследия.
2. Создание и развитие законодательной базы, которая регулирует вопросы охраны и использования культурного наследия.
3. Поддержка научных исследований в области сохранения культурного наследия и развитие образовательных программ в этой сфере.
4. Развитие международного сотрудничества в области сохранения культурного наследия, участие в международных проектах и программах. Международное сотрудничество в области сохранения культурного наследия выражается в активном участии Китая в международных договорах и соглашениях по охране культурного наследия, а также в различных проектах и программах, направленных на сохранение и изучение мирового культурного наследия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цзи Юешэн. Охрана нематериального культурного наследия как приоритет государственной политики КНР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. Вып. 2(741). С. 325–335. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya-kak-prioritet-gosudarstvennoy-politiki-knr-1> (дата обращения: 14.12.2023).
2. Shirokogoroff S.M. Anthropology of Northern China. Anthropological Publications, 1968. 127 p. (препринт).
3. Shi Kun. Shamanistic studies in China: a preliminary survey of the last decade // Shaman: An International Journal of Shamanistic Research. 1993. Vol. 1. Nos. 1–2. P. 149–162. Available at <https://www.isars.org/shaman/shaman01/> (accessed: 10.01.2024).
4. Ван Юйлань. Древнейшие религиозные традиции Северо-Восточного Китая // Религиоведение. 2017. № 2. С. 5–11. [эл. доступ]. URL: <https://religio.amursu.ru/index.php/ru/new-archive/19-articles/17-drevnejshie-religioznye-tradicii-severo-vostochnogo-kitaya> (дата обращения: 25.01.2024).
5. Бао Цин 鲍婧. “Фэй и” шэнчань син баоху чжэнце чжичи яньцзю: Йи аньхуэй шэн буфэн цие вэй ли “非遗”生产性保护政策支持研究：以安徽省部分企业为例 [Исследование политической поддержки продуктивной защиты «нематериального культурного наследия»: на примере некоторых предприятий провинции Аньхой] // Чжунгуо сицзюй чжубань шэ 中国戏剧出版社 [Издательство China Drama Publishing House]. 2023. 120 с.
6. Цзэн Ялин 曾亚玲, Дай Шицюань 戴士权. Фэй у чжи вэнь хуа и чань минь лу ся де са мань вэнь хуа и кунь 非物质文化遗产名录下的萨满文化遗存 [Реликвии шаманской культуры в списке нематериального культурного наследия] // Вэньхуа цзунхэн 文化纵横 [Культурная перспектива]. 2012. № 8. С. 79–81.

7. Ху Вэйцзюнь 胡卫军, Лю Минцянь 刘鸣谦. Саманьцзяо дуй дунбэй дицюой чжу миньцзу учжи шэнхо миньсу дэ инсян 萨满教对东北地区诸民族物质生活民俗的影响 [Влияние шаманизма на материальную жизнь и фольклор различных этнических групп Северо-Восточного Китая] // Вэньи чжэнмин 文艺争鸣 [Литературная полемика]. 2013. № 7. С. 167–169.
8. Ши Лисюэ 施力学. Дунбэй миньсу вэньхуа 东北民俗文化 [Северо-восточная народная культура] // Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубань шэ 社会科学文献出版社 [Академическое издательство социальных наук], 2019. 395 с.
9. Чэнь Вэй 陈薇, Фу Вэйгуан 傅惟光. Бяньцзян шаошу миньцзу миньсу вэньхуа де баохуй чжуаньчэн 边疆少数民族民俗文化的保护与传承 [Защита и наследие народной культуры приграничных этнических меньшинств] // Лилун гуанча 理论观 [Теоретические наблюдения]. 2012. № 1. [эл. доступ]. URL: https://scholar.google.ru/scholar?q=%E8%BE%B9%E7%96%86%E5%B0%91%E6%95%B0%E6%B0%91%E6%97%8F%E6%B0%91%E4%BF%97%E6%96%87%E5%8C%96%E7%9A%84%E4%BF%9D%E6%8A%A4%E4%B8%8E%E4%BC%A0%E6%89%BF&hl=zh-CN&as_sdt=0&as_vis=1&oi=scholart (дата обращения: 22.01.2024).
10. Ли Хуэй. Шаманская культура народов Северо-Восточного Китая как часть нематериального культурного наследия Китая // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Сборник материалов XIV международной научно-практической конференции (17–18 сентября 2020 г.). Благовещенск: АмГУ, 2020. С. 91–97.
11. Ли Цзипин 李吉品. Фэй и бэйцзин ся са мань вэньхуа дэ чуаньчэн юй баоху яньцзю — — — йи цзилинь шэн вэй ли 非遗背景下萨满文化的传承与保护研究——以吉林省为例 [Исследования по наследованию и защите шаманской культуры на фоне нематериального культурного наследия на примере провинции Цзилинь] // Дунбэй ши да сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) 东北师大学报(哲学社会科学版) [Журнал Северо-Восточного педагогического университета (философия и социальные науки)]. 2021. № 6. С. 199–207.
12. Чжао Инфан 赵迎芳. Синь шици фэй учжи вэньхуа ичань цзилу хэ баоху дэ шицзянь юй сыкао 新时期非物质文化遗产记录和保护的实践与思考 [Практика и размышления об учете и охране нематериального культурного наследия в новую эпоху] // Чжунго миньсу ван 中國民俗網 [Китайская фольклорная сеть]. 15.12.2019: [сайт]. URL: <https://www.chinafolklore.org/web/index.php?NewsID=19553> (дата обращения: 23.01.2024).
13. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1965. 495 с.
14. Рубец М.В. Восприятие тела в китайской традиции // Телесность как эпистемологический феномен / Отв. ред. И.А. Бескова. М.: ИФРАН, 2009. С. 147–161.
15. Кобзев А. И. Душа, дух и духи // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко, Б.Л. Рифтин, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов, Д.Г. Главева, С.М. Аникеева. 2007. 869 с. С. 114–117.
16. Фу Вэньди 傅文第. Са ман вэньхуа дуй лонцзян цзуантон ияо венхуа дэ инсян 萨满文化对龙江传统医药文化的影响 [Влияние шаманской культуры на культуру традиционной медицины в Лунцзяне]. Гоцзи чжуньи чжуньяо цзачжи 国际中医中药

杂志 [Международный журнал традиционной китайской медицины]. 2017. № 39(10). С. 873–877.

17. Лун Юминь 伦玉敏. Саманьцзяо де шэнтай хуанбао линиань 萨满教的生态环保理念 [Концепции шаманизма в области экологии и защиты окружающей среды] // Чжунго миньцзу бао 中国民族报 [China National New]. 2018. № 6. [эл. доступ]. URL: <https://read01.com/zPQzGoK.html> (дата обращения: 21.01.2024).

18. Янь Шуфан. Ценности регионального культурного наследия Китая как компонент содержания культурных индустрий // Вестник ЧитГУ. 2011. № 9(76). С. 31–36.

REFERENCES

1. Tszü Yueshen. Okhrana nematerialnogo kulturnogo naslediya kak prioritet gosudarstvennoy politiki KNR [Safeguarding Intangible Cultural Heritage as a Priority of Chinese State Policy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki*. 2016. Iss. 2(741). P. 325–335. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/okhrana-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya-kak-prioritet-gosudarstvennoy-politiki-knr-1> (accessed: 14.12.2023) (In Russian).
2. Shirokogoroff S. M. *Anthropology of Northern China*. Anthropological Publications, 1968. 127 p.
3. Shi Kun. Shamanistic studies in China: a preliminary survey of the last decade. *Shaman: An International Journal of Shamanistic Research*. 1993. Vol. 1. Nos. 1–2. P. 149–162. Available at <https://www.isars.org/shaman/shaman01/> (accessed: 10.01.2024).
4. Van Yuylan. Drevneyshiyе religioznye traditsii Severo-Vostochnogo Kitaya [The Oldest Religious Traditions of Northeast China]. *Religiovedeniye*. 2017. № 2. P. 5–11. Available at <https://religio.amursu.ru/index.php/ru/new-archive/19-articles/17-drevnejshie-religioznye-tradicii-severo-vostochnogo-kitaya> (accessed: 25.01.2024). (In Russian).
5. Bao Jing 鲍婧 “Fei yi” shengchan xing baohu zhengce zhichi yanjiu: Yi anhui sheng bufen qiye wei li “非遗”生产性保护政策支持研究：以安徽省部分企业为例 [Study on Policy Support for the Productive Protection of "Intangible Cultural Heritage": Case Study of Some Enterprises in Anhui Province]. *Zhongguo xiju chubanshe 中国戏剧出版社* [Publishing house China Drama Publishing House] 2023. С. 27-30 (In Chinese).
6. Zeng Yaling 曾亚玲, Dai Shiquan 戴士权. Fei wuzhi wenhua yichan minglu xia de saman wenhua yicun 非物质文化遗产名录下的萨满文化遗存 [Shaman Cultural Relics Under the Intangible Cultural Heritage List] // *Wenhua zongheng 文化纵横* [Cultural aspect]. 2012. № 8. P. 79–81(In Chinese).
7. Hu Weijun 胡卫军, Liu Mingqian 刘鸣谦. Samanjiao dui dongbei diqu zhu minzu wuzhi shenghuo minsu de yingxiang 萨满教对东北地区诸民族物质生活民俗的影响 [The Influence of Shamanism on the Material Life and Folk Customs of Various Ethnic Groups in Northeast China]. *Wenyi zhengming 文艺争鸣* [Literary and artistic debate]. 2013. № 7. P. 167–169 (in Chinese).
8. Shi Lixue 施力学. Dongbei minsu wenhua 东北民俗文化 [Northeastern Folk Culture]. *Shehui kexue wenxian chubanshe 社会科学文献出版社* [Social Science Literature Press], 2019, 395 p. (In Chinese).
9. Chen Wei 陈薇, Fu Weiguang 傅惟光. Bianjiang shaoshu minzu minsu wenhua de baohu yu chuancheng 边疆少数民族民俗文化的保护与传承 [Protection and inheritance

of folk culture of border ethnic minorities]. *Lilun guan cha* 理论观察 [Theoretical Observations]. 2012. № 1. Available at https://scholar.google.ru/scholar?q=%E8%BE%B9%E7%96%86%E5%B0%91%E6%95%B0%E6%B0%91%E6%97%8F%E6%B0%91%E4%BF%97%E6%96%87%E5%8C%96%E7%9A%84%E4%BF%9D%E6%8A%A4%E4%B8%8E%E4%BC%A0%E6%89%BF&hl=zh-CN&as_sdt=0&as_vis=1&oi=scholart (accessed: 22.01.2024). (In Chinese).

10. Li Hujiej. Shamanskaja kul'tura narodov Severno-Vostochnogo Kitaja kak chast' nematerial'nogo kul'turnogo nasledija Kitaja [Shamanic Culture of the Peoples of Northeast China as Part of the Intangible Cultural Heritage of China]. *Rossija i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah: Narody i kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaja*. Sbornik materialov XIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (17–18 sentjabrja 2020 g.). Blagoveshhensk: AmGU, 2020. S. 91–97. (In Russian).

11. Li Jipin 李吉品. Fei yi beijing xia sa man wenhua de chuancheng yu baohu yanjiu — — yi jilin sheng wei li 非遗背景下萨满文化的传承与保护研究——以吉林省为例 [Research on the Inheritance and Protection of Shaman Culture in the Context of Intangible Cultural Heritage – Taking Jilin Province as an Example]. *Dongbei shi da xue bao (zhexue shehui kexue ban)* 东北师大学报(哲学社会科学版) [Journal of Northeast Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)]. 2021. № 6. P. 199–207. (In Chinese).

12. Zhao Yingfang 赵迎芳. Xin shiqi fei wuzhi wenhua yichan jilu he baohu de shijian yu sikao 新时期非物质文化遗产记录和保护的实践与思考 [Practice and Reflection on the Recording and Protection of Intangible Cultural Heritage in the New Era]. *Zhongguo minsu wang* 中国民俗网 [China Folklore Network]. 15.12.2019. Available at <https://www.chinafolklore.org/web/index.php?NewsID=19553> (accessed: 23.01.2024). (In Chinese).

13. Yuan Ke. *Mify drevnego Kitaya* [Myths of Ancient China]. M.: Nauka, 1965. 495 s. (In Russian).

14. Rubets M.V. Vospriyatiye tela v kitayskoy traditsii [Perception of the Body in the Chinese Tradition]. *Telesnost kak epistemologicheskij fenomen / Otv. red. I.A. Beskova*. M.: IFRAN, 2009, P.147–161. (In Russian).

15. Kobzev A.I. Dusha, dukh i dukhi [Soul, Spirit and Spirits]. *Dukhovnaya kultura Kitaya: jenciklopedija: v 5 t. / Gl. red. M.L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka*. M.: Vost. lit., 2006. T. 2. Mifologija. Religija / red. M.L. Titarenko, B.L. Riftin, A.I. Kobzev, A.E. Luk'janov, D.G. Glaveva, S.M. Anikeeva. 2007. 869 p. P. 114–117.

16. Fu Wendi 傅文第. Saman wenhua dui long jiang chuantong yiyao wenhua de yingxiang 萨满文化对龙江传统医药文化的影响 [The Influence of Shaman Culture on Longjiang Traditional Medicine Culture]. *Guoji zhongyi zhongyao zazhi* 国际中医中药杂志 [International Journal of Traditional Chinese Medicine]. 2017. № 39(10). C. 873–877. (In Chinese).

17. Lun Yumin 伦玉敏. Samanjiao de shengtai huanbao linian 萨满教的生态环保理念 [The Ecological and Environmental Protection Concept of Shamanism] // *Zhongguo minzu bao* 中国民族报 [China National News]. 2018. № 6. Available at <https://read01.com/zPQzGoK.html> (accessed: 21.01.2024) (in Chinese).

18. Yan Shufan. Tsennosti regionalnogo kulturnogo naslediya Kitaya kak komponent sodержaniya kulturnykh industriy [Values of China's Regional Cultural Heritage as a Component of the Content of Cultural Industries]. *Vestnik ChitGU*. 2011. № 9(76). P. 31–36. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Лбова Людмила Валентиновна – доктор исторических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: lbova_lv@spbstu.ru; ORCID: 0000-0003-4103-7785

Люй Шуаншуан – магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого.

E-mail: lvshuang821@gmail.com

Ли Сюечань – магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого.

E-mail: xchanl099@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Lbova Liudmila V. – Doctor of History, Professor, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: lbova_lv@spbstu.ru; ORCID: 0000-0003-4103-7785

Lyu Shuangshuang – master student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: lvshuang821@gmail.com

Li Xuechan – master student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: xchanl099@gmail.com

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.12.2023. Одобрена после рецензирования 30.01.2024. Принята 15.02.2024.
Received 27.12.2023. Approved after reviewing 30.01.2024. Accepted 15.02.2024.*

СТРАНЫ, НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ STATES, NATIONS AND CULTURES

Научная статья

УДК: 316.346.32

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.1.5

Развитие современных направлений молодежного волонтерства как расширение возможностей профессионально-личностного развития

Поздеева Елена Геннадиевна ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

✉ pozdeeva_eg@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7128-857X>

***Аннотация.** Развитие волонтерской деятельности молодежи является одной из важных задач молодежной политики государства. Наряду с этим появляющиеся новые направления добровольческого участия создают горизонт перспектив для профессионально-личностного развития молодежи. Актуальность исследования мнений и ожиданий молодежи, ее готовности к активному включению в открывающиеся новые сферы приложения добровольчества обусловлена необходимостью учета мотивации молодежи, ее запросов и самооценки для создания условий развития данной сферы. Целью исследования является выяснение уровня информированности и определение приоритетов молодежи по отношению к направлениям волонтерства. На основе анализа вторичных данных и результатов социологических опросов были получены характеристики позиции молодежи по отношению к значимости волонтерства во всем разнообразии этой деятельности, реализуемой сегодня; сформирован выделенный в качестве приоритетного спектр привлекательных форм и направлений добровольчества; определены проблемные места. В исследовании применялись социологические методы онлайн-анкетирования, проводимые по случайной выборке респондентов из среды молодежи, активное участие в опросе приняли студенты СПбПУ.*

Полученные результаты позволили определить, что наряду с традиционными волонтерскими практиками, связанными с оказанием социальной помощи, молодежь привлекают возможности развития своих коммуникационных и управленческих навыков в рамках событийного, культурного, экологического и цифрового волонтерства. Также претерпевает изменение мотивационная сторона, в ней более отчетливо звучит прагматический мотив приобретения актуальных навыков и компетенций, востребованных в современных экономических отношениях и требованиях сферы занятости. Полученные в ходе исследования выводы имеют значение для совершенствования социологического изучения молодежи, ее новых характеристик как

субъекта на рынке труда, а также в развитии добровольческих практик в процессе обучения в образовательных организациях с целью получения молодежью актуальных профессиональных и личностных навыков в рамках освоения образовательных программ для усиления результативности и качества подготовки специалистов в соответствии с новым критериями профессионального отбора.

Ключевые слова: волонтерская деятельность; молодежь; профессиональные навыки; личностное развитие; направления добровольчества; мотивация; социальные практики

Для цитирования: Поздеева Е.Г. Развитие современных направлений молодежного волонтерства как расширение возможностей профессионально-личностного развития // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 1. С. 78–94. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.5

© Поздеева Е.Г., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 316.346.32

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.1.5

Modern Youth Volunteer Participation as an Extension of Professional and Personal Development

Elena G. Pozdeeva ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ pozdeeva_eg@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7128-857X>

Abstract. *The development of volunteer activities among young people is one of the important tasks of the state's youth policy. New areas of volunteer participation are also emerging, creating a horizon of perspectives for the professional and personal development of young people. The relevance of the young people's opinion survey and their expectations, their readiness for active inclusion in the opening new areas of volunteering application is due to the need to consider the motivation of young people, their needs and self-assessment in order to create conditions for the development of this sphere. The purpose of the study is to determine the level of awareness and determine the priorities of young people in relation to areas of volunteering. Based on the analysis of secondary data and the results of sociological surveys, characteristics of the position of young people in relation to the importance of volunteering in all the diversity of this activity implemented today were obtained, a range of attractive forms and areas of volunteering was identified as a priority, and problem areas were identified. The study used sociological methods of online surveys conducted on a random sample of respondents from among young people; SPbPU students took an active part in the survey.*

The results obtained made it possible to determine that, along with traditional volunteer practices related to the provision of social assistance, young people are attracted by opportunities to develop their communication and management skills within the framework of event-based, cultural, environmental and digital volunteering. The motivational side is also undergoing a change; the pragmatic motive for acquiring relevant skills and competencies that are in demand

in modern economic relations and the requirements of the employment sector sounds more clearly in it. The conclusions obtained in the course of the study are important for improving the sociological study of young people, their new characteristics as a subject in the labor market, as well as in the development of volunteer practices in the process of training in educational organizations in order to obtain relevant professional and personal skills for young people within the framework of mastering educational programs and to strengthen the effectiveness and quality of training in accordance with the new criteria of professional selection.

Keywords: volunteer activities; the youth; professional skills; personal development; areas of volunteering; motivation; social practices

For citation: Pozdeeva, E.G. Modern Youth Volunteer Participation as an Extension of Professional and Personal Development. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 1. P. 78–94. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.5

© Pozdeeva, E.G., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Центральной темой современных публикаций, обращенных к анализу состояния и динамики социума, является исследование протекающих трансформационных процессов. Показателем того, как общество справляется с новыми вызовами, выступает развитие его социальной сферы и отношений, расширение гражданского участия и характеристика активности различных социальных групп. Волонтерство как социальная практика и движение охватывает широкий спектр поддерживающих его субъектов, среди которых ведущее место занимает молодежь. Вовлеченность молодежи в добровольчество и ориентация ее в разнообразных сферах приложения добровольческой помощи является актуальной проблематикой междисциплинарных исследований.

Понимание направленности интереса молодежи, уровня информированности, коммуникационной готовности и ожиданий позволяет проектировать и осуществлять системные процессы, способствующие дальнейшей институционализации волонтерства в современных условиях. Гуманистические и прагматические мотивы включения молодежи в добровольчество раскрывают трансформацию самих практик волонтерской помощи и ставят задачи поиска комплексных управленческих решений. Расширение набора предлагаемой волонтерской помощи на основе перевода коммуникаций и услуг населению в электронную среду актуализирует изучение ориентаций и потребности в

навыках волонтеров, определяет новые направления развития добровольчества. В условиях создания благоприятной среды – инфраструктурной и виртуальной – для формирования новых областей приложения добровольчества, важными аспектами исследования также являются возникающие возможности для профессионально-творческого и личностного развития самих добровольцев. Жесткие и динамичные требования рыночной конкуренции создают режим сжатого времени для молодежи в их практиках обретения опытных знаний и навыков. Именно участие в добровольческой деятельности предоставляет новые возможности компетентностного развития, которые сегодня используют образовательные организации, предлагая и вовлекая молодежь в добровольчество, поощряя их проектный подход и инициативу в различных сферах приложения.

Волонтерство рассматривается в контексте познавательных практик, способствующих развитию личности, приобретению новых навыков для профессиональной деятельности, коммуникационных компетенций и опыта решения организационно-управленческих задач. Ключевым содержанием понятия волонтерской деятельности является то, что она направлена на организацию и реализацию помощи, услуг, предполагает различные формы гражданского участия, направленного на благо широкой общественности на безвозмездной основе. Согласно Федеральному закону (№135-ФЗ), «добровольцы (волонтеры) – это граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в целях, указанных в Федеральном законе, или в иных общественно полезных целях» [1]. Волонтером является любое физическое лицо, в том числе иностранный гражданин и лицо без гражданства, которое вносит свой вклад в развитие волонтерства, основываясь на принципах волонтерской деятельности. Это человек, который, работая безвозмездно, стремится внести свой вклад в реализацию социально значимых проектов.

Волонтерская деятельность представлена в различных социальных практиках, предполагает как традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, так и другие формы гражданского участия. Отличительным признаком этой деятельности является ее добровольность и отсутствие стремления к денежному вознаграждению.

Основные материалы, методы, результаты и их обсуждение

Понятия добровольческой помощи и волонтерства стали активно использоваться и распространяться в русском языке только концу XIX века, хотя практики бескорыстной помощи и поддержки существовали задолго до этого. Институционализацию волонтерства связывают с процессом возникновения международных организаций в 1920-гг. (SCI, Международный Красный Крест, British Volunteer Programme, US Peace Corps, Deutsche Entwicklungsdienst) [2].

Сегодня среди активных волонтеров особое место занимает молодежь, которая отличается мобильностью, гибкостью, стремлением к получению широкого набора знаний и навыков и ожидающая в ближайшей перспективе существенных перемен. Студенческое волонтерство рассматривается не только как молодежное социальное движение, но и как эффективная социально-педагогическая практика, оказывающая образовательный и воспитательный эффект и влияющая на профессиональное становление обучающихся [3].

Участие молодежи в добровольчестве рассматривается самой молодежью как предпочтительное с позиций приобретения полезных навыков, контактов, выявления новых перспектив построения карьеры. Эксперты в сфере образования также подчеркивают положительный вклад студенческого волонтерства в образовательный процесс и профессиональное становление студентов, возникающую возможность с помощью развития практик студенческого волонтерства способствовать формированию социально ответственной личности. Именно активное участие студентов в волонтерской деятельности во время обучения способствует их профессиональной самореализации, обеспечивает их личностное развитие и рост профессиональных компетенций. Наличие опыта волонтерской работы часто помогает при трудоустройстве.

Согласно данным Росстата, за период с 2016 по 2021 годы заметен устойчивый рост численности населения в возрасте 15 лет и старше, участвующего в волонтерском движении [4]. К наиболее популярным и востребованным направлениям можно отнести эпизодическое волонтерство, социальное волонтерство в сфере сохранения исторического и культурного наследия. Как отмечают М.В. Певная и Г.В. Зборовский,

российские волонтеры сегодня представляют собой широкую социальную общность, но прежде всего, они ассоциируются с движением, которое обладает выраженными признаками динамичности [5].

Сегодня, по данным портала Добро.ru, на территории Российской Федерации зарегистрировано более 5 млн. человек в качестве добровольцев (волонтеров). Самым востребованным направлением волонтерства для молодежи является направление «дети и молодежь» [6]. Волонтерами являются, в основном, молодые юноши и девушки, которые учатся или заканчивают обучение в университетах и колледжах, а средний возраст волонтера составляет 24 года. За последние годы отмечался рост распространения волонтерских центров и направлений деятельности, а в количественном выражении этот рост составляет динамику от 3 до 16 % (с 2016 г.).

Изучение волонтерской деятельности как фактора социализации и развития личности характерно для развивающегося в отечественных исследованиях педагогического подхода [7]. Волонтерство в рамках этого подхода анализируется как система, действуя с помощью которой каждый субъект может развить социально значимые характеристики, навыки, компетенции, которые востребованы в профессиональной деятельности, в социальных отношениях, общении и коммуникациях. Важными социально значимыми навыками, развиваемые у волонтеров, являются навыки самоорганизации и самооценки, связанные со способностью постоянно учиться решать новые проблемы, помогать другим людям, искать новые возможности для окружающих и для себя, оценивать достижение цели и результативность действий.

Социологический подход к исследованию волонтерства обращен к анализу участия индивидов в волонтерских практиках, которые трактуются в контексте формальной и неформальной трудовой деятельности. Вовлеченность в добровольчество, реализуемое в различных формах, связано со стремлением индивида оказывать неформальную помощь. При этом не обязательно, что эта помощь трансформируется в закрепляемые регламентациями формальные практики, это могут быть единичные акции. Такие практики носят ценностный характер, а сама волонтерская деятельность трактуется как социальная деятельность,

которая способствует укреплению социальных связей, социального капитала, доверия и солидарности в обществе.

Педагогическая сторона волонтерства сопряжена с воспитательным аспектом, так как конечной целью поддержания различных форм добровольчества является благополучие и развитие гражданского общества, в котором каждый индивид находит свое место и вносит свой активный вклад. Учитывая это, волонтерство применяется как прикладная педагогическая практика на всех ступенях образовательной системы, от школы до университета.

Одним из перспективных подходов к волонтерству выступает управленческий подход [8], суть которого заключается в выявлении основ управляемости сферы взаимодействия волонтеров, в разработке регулятивных механизмов для различных типов социальных отношений между волонтерами и между волонтерами и другими агентами на всех уровнях управления в различных секторах экономики. В этой связи особенно важным является анализ развития спектра направлений волонтерства, определяющий разнообразие формирующихся отношений, структур и социальных ролей, что проблематизирует и постановку вопроса о подготовке волонтеров к меняющимся условиям деятельности.

В настоящее время студенческое волонтерство представлено в достаточно широком спектре направлений: социальное, событийное, спортивное, экологическое культурное и другие. Возникновение новых областей деятельности, сопровождающее современный динамичный этап развития общества, влечет за собой новые проблемы, уязвимости, отражающиеся на социуме, а также стремление с помощью горизонтальных связей и коммуникационных инструментов разрешать складывающиеся противоречия, оказывать помощь и поддержку тем, кто в них нуждается. Дадим краткую характеристику направлениям волонтерской деятельности, в которые активно включается молодежь:

– Социальное волонтерство заключается в помощи социально незащищенным категориям населения.

– Событийное волонтерство предполагает помощь в организации и проведении мероприятий в различных форматах, реализуемое в сферах активности и на разных уровнях управления.

– Культурное волонтерство – это участие молодежи в реставрации архитектурных памятников, работа в библиотеках и музеях, организация и проведение экскурсий, проведение культурных мероприятий и фестивалей.

– Экологическое волонтерство представляет собой просветительскую работу с общественностью по экологической проблематике. Эковолонтеры участвуют в организации различных акций, готовят и реализуют проекты, направленные на решение экологических проблем, проводят исследования. Они включаются в работу по поддержанию чистоты территорий, принимают участие в субботниках, способствуют развитию экологической культуры, в частности обращают особое внимание на отношение граждан к утилизации мусора.

– Медицинское волонтерство имеет дореволюционные традиции, заложенные еще в деятельности организации «Российский Красный Крест». В это направление сегодня включаются волонтеры как с медицинским образованием, так и без него. Круг задач первых охватывает просветительскую деятельность по профилактике заболеваний, оказание помощи медицинскому персоналу, уход за больными. Медицинские волонтеры заботятся о пациентах, организуют для них досуг, сопровождают во время медицинских манипуляций. Важность медицинского волонтерства стала особенно очевидна в период пандемии COVID-19 [9].

– Спортивное волонтерство связано с проведением физкультурных и спортивных мероприятий, с реализацией проектов и программ по популяризации спорта и пропаганде здорового образа жизни. В круг задач спортивных волонтеров входит общение с болельщиками и зрителями, сопровождение спортсменов на соревнованиях. Этот вид волонтерства особенно востребован молодежью, интересующейся и занимающейся спортом. Но для этого направления важно наличие знаний в области выбранного вида спорта, также динамичность мероприятий требует обладания организационными и управленческими навыками, включая умение общаться со спортсменами с инвалидностью. Это определяет важность обучения волонтеров перед каждым спортивным мероприятием

– Волонтерство в сфере общественной безопасности – это помощь службам экстренного реагирования в профилактике и ликвидации

последствий чрезвычайных ситуаций, в организации обеспечения безопасности на массовых событиях, в поиске пропавших людей.

– Медиаволонтерство включает деятельность журналистов, фотографов, операторов, блоггеров. В задачи медиаволонтеров входит информационная работа, освещение событий, мероприятий, а также информирование граждан о проектах и результатах самой волонтерской деятельности, привлечение граждан в ряды добровольческого движения.

– Цифровое волонтерство заметно развивается в последнее время в направлениях: создание программного обеспечения, переводы документов и статей, генерация учебных материалов, проектирование базы данных, сканирование документов, консалтинг, редактирование видеоматериалов, мониторинг новостей и др.

В столь широком контексте деятельности важно учитывать мотивы и факторы, оказывающие влияние на привлечение волонтеров. К числу наиболее эффективных способов вовлечения в волонтерство относят следующие [10]:

1. Социальные мероприятия: проведение встреч и праздников для волонтеров, участие в общественных мероприятиях, конференциях и семинарах.

2. Регулярное общение: создание сообщества волонтеров, общение с помощью социальных сетей и обмен опытом.

3. Награды и призы: вручение призов волонтерам, которые выполняют задачи наиболее успешно, а также дополнительных стимулов, таких как подарки и возможности путешествовать.

4. Обучение и развитие навыков: проведение специальных тренингов, курсов и семинаров для волонтеров.

5. Общественное признание волонтеров: благодарности от организаций и сообществ, публичное признание заслуг волонтеров.

По данным опросов ВЦИОМ, посвященных мотивам волонтерской деятельности среди студентов ссузов и вузов, которые были проведены в 2019 г. [11], для студентов наиболее актуальными являются следующие мотивы включения в добровольчество:

- социальное влияние и помощь нуждающимся,
- личностный рост и развитие,

- социальные связи и расширение сети контактов,
- профессиональное развитие и приобретение навыков,
- вклад в общественное благо и улучшение условий жизни.

Анализ данных исследований ВЦИОМ дает возможность выделить ряд наиболее действенных и распространенных мер поддержки волонтеров в образовательных организациях высшего образования [12], которые системно оказывают существенное влияние на активность студентов и их интерес к добровольчеству. Среди мер, согласно рейтингу важности, отмеченных волонтерами в ходе опросов, можно выделить следующие:

- вручение благодарностей / почетных грамот / наград (72% респондентов),
- повышенная стипендия за общественную деятельность (51%),
- публикации в корпоративных СМИ учебного заведения о волонтерах и их достижениях (25%),
- освобождение от занятий и предоставление дополнительного времени для досуга (25%),
- преимущества при переводе на бюджетную форму обучения (23%).

Анализ исследований позволяет заключить, что студенты, которые активно вовлечены в волонтерство, выражают уверенность в том, что таким образом они удовлетворяют свою потребность в самореализации, а также совершенствуют навыки, приобретают полезный опыт для будущей профессиональной деятельности. При этом обращает на себя внимание и еще одна выявленная позиция студентов, отражающая их запрос на систему мотивации и стимулирования. При адекватно сформированной системе мотивов и стимулов к деятельности у молодежи повышается уровень вовлеченности и активности в добровольчество.

Как показал опрос студентов СПбПУ (проведенный в 2022 г. количество респондентов 162), они не всегда владеют подробной информацией о возможностях участия в волонтерских мероприятиях, проводимых в вузе. Также была выявлена низкая информированность по ряду направлений, например, о цифровом волонтерстве. Из всех опрошенных 20 % студентов ответили, что уже пробовали себя в качестве цифровых волонтеров, но 47% вообще не знают об этом направлении и

подобной возможности. При этом треть студентов считают, что цифровое волонтерство как новое направление является сегодня востребованным и имеет большие перспективы в связи с развитием цифровых технологий и усложнением коммуникаций, требующих новых навыков от граждан в решении их жизненных проблем.

Несмотря на то, что большинство респондентов признались, что не вполне знают, чем и как занимаются цифровые волонтеры, они отмечают преимущества этого направления: отсутствие привязки к конкретной локации (65%), экономию временных ресурсов (62%), существенное упрощение коммуникации (39%), а также повышение уровня уверенности в своих силах и возможностях (23%).

С целью определить отношение к волонтерству и уровень информированности о различных направлениях и возможностях участия в добровольческой деятельности в период обучения в вузе был проведен опрос в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (март-апрель 2023, выборка случайная). В нем приняли представители молодежи в количестве 910 респондентов, среди которых 70% женщины и 30% мужчины. Информация об опросе была размещена в сети интернет (сообщества студентов СПбПУ в социальных сетях), а также передавалась на мероприятиях (например, на волонтерском форуме), посвященных волонтерству, в связи с чем среди участников опроса оказались люди, которые уже закончили обучение в университете, но продолжают участвовать и заниматься волонтерством.

По данным проведенного опроса, 84% респондентов воспринимают волонтерскую деятельность как актуальную в современном мире. 72,7% респондентов отмечают, что за последний год принимали участие в волонтерстве, а 62% - выступали в роли добровольца несколько раз в месяц. Всего 93% респондентов за последний год минимум один раз принимали участие в волонтерских мероприятиях. Обращает на себя внимание тот факт, что 36% респондентов отмечают, что основной причиной для участия в волонтерской деятельности для них является то, что в своей жизни они столкнулись с какой-либо проблемой, которую теперь готовы помочь решать другим людям. Такая мотивация свидетельствует о развитости чувства гражданского долга и стремления к развитию, не опасаясь новых вызовов.

Среди направлений, наиболее отмеченных активностью респондентов, можно выделить: образовательное волонтерство – (14,3%), волонтерство в сфере здоровья (11,2%), медиаволонтерство – 10,5%, организационное волонтерство – 10,3%. (см. рис. 1)

В каких направлениях добровольчества Вы принимаете участие?

 Копир

910 ответов

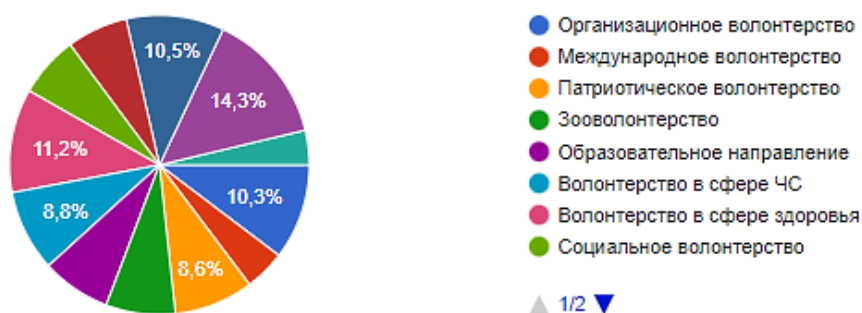

Рис.1. Спектр направлений волонтерства, отмеченный активностью респондентов (в%).

Также важно было понять позицию респондентов по поводу того, эффективно ли ведется волонтерская деятельность, что предполагает общую оценку – как усилий со стороны вузов, поддерживающих волонтерские практики, так и инициативной деятельности самих участников. Так, 92,8% респондентов согласны, что волонтерство сегодня является эффективной социальной практикой, что позволяет говорить о понимании ими важности и результативности волонтерских практик во всем спектре их реализации.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что у молодежи наблюдается интерес к волонтерству, готовность включаться в добровольческую деятельность, предоставляющую возможность как проявить себя, так и развивать свои компетенции в различных сферах. Молодежи характерно отношение к добровольчеству как традиционное, связанное с гражданской позицией и желанием оказывать помощь другим людям, так и прагматический – совершенствовать свои деятельностные навыки и приобретать новые компетенции в расширяющемся поле коммуникаций.

Среди основных проблем, которые являются барьерами на пути развития волонтерства на данном этапе, выделить те, которые

обусловлены протекающими трансформационными процессами [13]. Систему проблем можно сконструировать на основе ряда ключевых сторон:

– Социально-психологические проблемы связаны с изменением отношения населения к добровольчеству, признанием значимости и повышением уровня доверия волонтерам.

– В нормативно-правовом поле ключевыми являются задачи регламентации статуса волонтера и волонтерской деятельности, разработки регулирующих норм взаимодействия волонтерских организаций с государственными организациями, бизнес-структурами, НКО.

– В управленческом аспекте на первом месте стоит разработка новых мер государственной поддержки, создание поля тесного взаимодействия различных агентов, создание условий для новых волонтерских организаций, развитие инфраструктуры добровольческого движения.

– Технологическая сторона развития волонтерства связана с созданием центров информационной и технологической поддержки волонтерства, оказанием методической и информационной поддержки субъектам добровольческой деятельности.

Наряду с институциональными и нормативно-правовыми важными проблемами волонтерства следует подчеркнуть и такие аспекты, как несформированность традиции волонтерской деятельности в российском обществе [14], нечеткость статуса волонтера и размытость границ волонтерской социальной общности. Это те проблемы, которые требуют дальнейших исследований с опорой на анализ мнения молодежи как заинтересованного участника, готового к включению в новые направления активности.

Современный взгляд на волонтерство отражен в принципе отношения к взаимопомощи как «добровольчество через всю жизнь», он акцентирует важность создания условий для участия в добровольческой деятельности для всех возрастных групп населения: от детей и молодежи до лиц старшего возраста [15]. Участие в волонтерских проектах со стороны молодежи поддерживает ее мобильный статус, ориентированный

на краткосрочную и разнообразную занятость. В этой связи важно поддерживать интерес к добровольчеству в том числе и с помощью просветительской деятельности, обращаясь к традициям взаимопомощи, сформированным как в России, так и в зарубежных странах [16].

Комплексный подход к развитию направлений волонтерства и поддержке инициатив со стороны молодежи может стать основой нового этапа институционализации этой деятельности и открывает новые возможности эффективного формата активности в нашей стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 11.08.1995 №135-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»: [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-11081995-n-135-fz-o/> (дата обращения: 11.10.2023).
2. Габдрахманова Р.А. Волонтерская деятельность в России и за рубежом // Вестник КГЭУ. 2012. №4(15). [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskaya-deyatelnost-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 07.11.2023).
3. Абакумова М.М., Абакумов Р.Г. Волонтерское движение в контексте развития социума // Образование и проблемы развития общества. 2018. №1(5). [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volontyorskoe-dvizhenie-v-kontekste-razvitiya-sotsiuma> (дата обращения: 08.11.2023).
4. Доклад о развитии добровольчества в Российской Федерации в 2022 году // портал «Единая автоматизированная информационная система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» [сайт]. URL: <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/doklad-o-razvitii-dobrovolchestva-za-2022-god.pdf> (дата обращения: 23.10.2023).
5. Певная М.В., Зборовский Г.Е. Методология исследования перспективных практик, проблем и возможностей управления российским волонтерством // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22. № 4(156). [эл. доступ]. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43819/1/iurp-2016-156-25.pdf> (дата обращения: 03.11.2023).
6. Аналитика волонтерства: [сайт]. URL: <https://dobro.ru/analytics> (дата обращения: 02.11.2023).
7. Москвина И.В. Волонтерская деятельность как средство нравственного воспитания будущих педагогов // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 3. [эл. доступ]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/10PDMN322.pdf> (дата обращения: 03.11.2023).
8. Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2016. 434 с.
9. Паклина Е.А. Организация волонтерской деятельности в период пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 4(45). С. 130–135.

10. Более 70 тыс. студентов стали волонтерами штабов #МыВместе. 02.11.2022 // Официальный сайт министерства науки и высшего образования Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/60565/> (дата обращения: 08.10.2023).
11. Волонтеры – герои нашего времени. 05.12.2019 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-geroi-nashego-vremeni> (дата обращения: 08.10.2023).
12. Что вдохновляет волонтеров? 01.09.2017 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-vdokhnovlyaet-volonterov> (дата обращения: 08.10.2023).
13. Лихачева М.И. Проблемы и тенденции развития современных волонтерских движений в России // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. 2017. [эл. доступ]. URL: <https://elis.psu.ru/node/484524> (дата обращения: 11.10.2023).
14. Певная М.В. Развитие волонтерства в России: проблемы и противоречия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. №2(29). [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-volontyorstva-v-rossii-problemy-i-protivorechiya> (дата обращения: 09.10.2023).
15. Овсий В.В. Перспективные направления развития молодежного волонтерства в современной России // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8(37). № 3. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-razvitiya-molodezhnogo-volontyorstva-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 09.10.2023).
16. Поздеева Е.Г. Отношения взаимопомощи как фактор развития социального государства (на примере Великобритании и России) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1(167). С. 9–14.

REFERENCES

1. Federalnyy zakon ot 11.08.1995 №135-FZ (red. ot 21.11.2022) «O blagotvoritelnoy deyatel'nosti i dobrovolchestve (volonterstve)». [Federal Law of August 11, 1995 No. 135-FZ (as amended on November 21, 2022) “On charitable activities and volunteering (volunteering).”]. Available at <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-11081995-n-135-fz-o/> (accessed: 11.10.2023). (In Russian).
2. Gabdrakhmanova R.A. Volonterskaya deyatel'nost v Rossii i za rubezhom [Volunteer Activities in Russia and Abroad]. *Vestnik KGEHU*. 2012. №4 (15). Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskaya-deyatelnost-v-rossii-i-za-rubezhom> (accessed: 07.11.2023). (In Russian).
3. Abakumova M.M., Abakumov R.G. Volonterskoye dvizheniye v kontekste razvitiya sotsiuma [Volunteer Movement in the Context of Social Development]. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva*. 2018. №1(5). Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/volontyorskoe-dvizhenie-v-kontekste-razvitiya-sotsiuma> (accessed: 08.11.2023). (In Russian).
4. Doklad o razvitiy dobrovolchestva v Rossiyskoy Federatsii v 2022 godu. [Report on the Development of Volunteerism in the Russian Federation in 2022]. *Portal «Edinaja avtomatizirovannaya informacionnaya sistema podderzhki social'no orientirovannykh*

nekommercheskih organizacij» Available at <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/doklad-0-razviti-dobrovolchestva-za-2022-god.pdf> (accessed: 23.10.2023). (In Russian).

5. Pevnaya M.V., Zborovskiy G.Ye. Metodologiya issledovaniya perspektivnykh praktik, problem i vozmozhnostey upravleniya rossiyskim volonterstvom [Methodology for Researching Promising Practices, Problems and Opportunities for Managing Russian Volunteerism]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2016. Vol. 22. № 4(156). Available at <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43819/1/iurp-2016-156-25.pdf> (accessed: 03.11.2023). (In Russian).

6. Analitika volonterstva. [Volunteering Analytics]. Available at <https://dobro.ru/analytics> (accessed: 02.11.2023). (In Russian).

7. Moskvina I.V. Volonterskaya deyatelnost kak sredstvo npravstvennogo vospitaniya budushchikh pedagogov [Volunteer Activity as a Means of Moral Education of Future Teachers]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 2022. Vol. 10. № 3. Available at <https://mir-nauki.com/PDF/10PDMN322.pdf> (accessed: 03.11.2023). (In Russian).

8. Pevnaya M.V. Upravleniye volonterstvom: mezhdunarodnyy opyt i lokalnyye praktiki [Volunteerism Management: International Experience and Local Practices]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural, un-ta, 2016. 434 p. (In Russian).

9. Paklina Ye.A. Organizatsiya volonterskoy deyatelnosti v period pandemii COVID-19 [Organization of Volunteer Activities During the COVID-19 Pandemic]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2020. № 4(45). P. 130–135. (In Russian).

10. Boleye 70 tys. studentov stali volonterami shtabov #MyVmeste [More Than 70 Thousand Students Became Volunteers at #WeAreTogether Headquarters]. 02.11.2022. *Ofitsialnyy sayt ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii*. Available at <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/60565/> (accessed: 8.10.2023). (In Russian).

11. Volontery – geroi nashego vremeni [Volunteers are the Heroes of Our Time]. *VTsIOM* Available at <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-geroi-nashego-vremeni> (accessed: 08.10.2023). (In Russian).

12. Chto vdokhnovlyayet volonterov? [What Inspires Volunteers?]. *VTsIOM* Available at <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-vdokhnovlyayet-volonterov> (accessed: 08.10.2023). (In Russian).

13. Likhacheva M.I. Problemy i tendentsii razvitiya sovremennykh volonterskikh dvizheniy v Rossii [Problems and Trends in the Development of Modern Volunteer Movements in Russia]. *Aktual'nye problemy razvitiya chelovecheskogo potenciala v sovremennom obshchestve*. 2017 Available at <https://elis.psu.ru/node/484524> (accessed: 11.10.2023). (In Russian).

14. Pevnaya M.V. Razvitiye volonterstva v Rossii: problemy i protivorechiya. [Development of Volunteerism in Russia: Problems and Contradictions]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2014. №2(29). Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-volontyorstva-v-rossii-problemy-i-protivorechiya> (accessed: 09.10.2023). (In Russian).

15. Ovsiy V.V. Perspektivnyye napravleniya razvitiya molodezhnogo volonterstva v sovremennoy Rossii. [Promising Directions for the Development of Youth Volunteering in Modern Russia]. *Gumanitarij Yuga Rossii*. 2019. Vol. 8(37). № 3. Available at

<https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-razvitiya-molodezhnogo-volontyorstva-v-sovremennoy-rossii> (accessed: 09.10.2023). (In Russian).

16. Pozdeeva Ye.G. Otnosheniya vzaimopomoshchi kak faktor razvitiya sotsialnogo gosudarstva (na primere Velikobritanii i Rossii). [Mutual Assistance Relations as a Factor in the Development of a Social State (Using the Example of Great Britain and Russia)]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2013. № 1(167). P. 9–14. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Поздеева Елена Геннадиевна – кандидат социологических наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: pozdeeva_eg@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-7128-857X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Pozdeeva Elena G. – candidate of Sociology, associate professor. Higher School of Media Communications and Public Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: pozdeeva_eg@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-7128-857X

Author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2023. Одобрена после рецензирования 23.01.2024. Принята 25.01.2024.
Received 15.11.2023. Approved after reviewing 23.01.2024. Accepted 25.01.2024.*

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.6

Создание и развитие китайско-вьетнамских «зон фань гуаньси» (политико-исторический аспект)

Ван Минцзюнь ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ a1069910470@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6814-1078>

Калашникова Наталья Павловна
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
nerush50@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7667-0383>

***Аннотация.** Изучение современного этапа китайско-вьетнамских отношений предваряется сравнительным анализом исследовательской литературы об особом характере вассальных отношений, выявляющим различия позиций Китая и Вьетнама в оценке некоторых событий в истории. В предложенном исследовании отражены результаты изучения развития китайско-вьетнамских отношений в рамках принципа «зон фань гуаньси». Создание такой системы основано на выплатах дани Вьетнамом Китаю, утверждению руководства страны китайскими императорами. В исторической литературе нет единого мнения, когда начались китайско-вьетнамские отношения, приведшие к созданию и реализации этого принципа. Многие исследователи считают, что китайско-вьетнамские отношения сюзерена и вассала начались в 939 г., что предполагало лишение и провозглашение титула, выплату дани, которые приобрели новые формы и стали более разносторонними. Система «зон фань гуаньси» действовала между Китаем и Вьетнамом более тысячи лет и прекратила свое существование только после того, как Вьетнам превратился в 1885 г. в колонию Франции. При проведении исследования авторы использовали как первичные (в переводе), так и вторичные источники, относящиеся к изучаемым проблемам. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью и часто неточностью информации в международном научном пространстве, а также стремительными переходами политической позиции Вьетнама в сегодняшний день, в связи с развитием отношений между Китаем и Вьетнамом.*

Ключевые слова: Китай; Вьетнам; китайско-вьетнамские вассальные отношения; «зон фань гуаньси»; историография

Для цитирования: Ван Минцзюнь, Калашникова Н.П. Создание и развитие китайско-вьетнамских «зон фань гуаньси» (политико-исторический аспект) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 1. С. 95–107. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.6

© Ван Минцзюнь, Калашникова Н.П., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.6

Creation and Development of the Sino-Vietnamese «Fan Guangxi Zones» (Political and Historical Aspect)

Wang Mingjun ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ a1069910470@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6814-1078>

Nataliya P. Kalashnikova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan
nerush50@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7667-0383>

Abstract. *The study of the current stage of Sino-Vietnamese relations is preceded by a comparative analysis of research literature on the special nature of vassal relations, revealing the differences between the positions of China and Vietnam in assessing certain events in history. The proposed research reflects the results of studying the development of Sino-Vietnamese relations within the system of "Fan guanxi zones". The creation of the "Fan Guanxi zones" system was based on Vietnam's tribute payments to China and the approval of the country's leadership by Chinese emperors. There is no consensus in the historical literature when the Sino-Vietnamese relations began, which led to the creation of the system of "phan guanxi zones". Many researchers believe that the Sino-Vietnamese relations of suzerain and vassal began in 939, which implied deprivation and proclamation of title, payment of tribute, which acquired new forms and became more versatile. The system of "Fan guanxi zones" operated between China and Vietnam for more than a thousand years and ceased to exist only after Vietnam became a colony of France in 1885. In conducting the study, the authors used both primary and secondary sources related to the problems under study. The relevance of the study is due to the insufficient and often inaccurate information in the international scholarly space, as well as the rapid transitions of Vietnam's political position in the present day, which occur due to the development of relations between China and Vietnam.*

Keywords: China; Vietnam; Sino-Vietnamese vassal relations; "Zongfan guanxi zones"; historiography

For citation: Wang Mingjun, Kalashnikova, N.P. Creation and Development of the Sino-Vietnamese «Fan Guangxi Zones» (Political and Historical Aspect). *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 1. P. 95–107. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.6

© Wang Mingjun, Kalashnikova, N.P., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Китай и Вьетнам имеют давнюю и тесную историческую связь, которая особенно проявляется в сфере культуры, идеалов и экономики.

В древние времена, вплоть до династии Цинь, Вьетнам включал в себя только часть сегодняшнего северного и центрального Вьетнама и назывался в китайских учебниках истории «交趾 – Giao Chi» или «安南 – An Nam», когда он был переименован во «Вьетнам» [1].

После объединения Центральных равнин в 221 г. до н.э. император Цинь Шихуанди умиротворил Линьнань (кит. 岭南) в 214 г. до н.э. и создал три уезда – Гуйлинь (на кит. 桂林), Сяншань (кит. 象郡) и Наньхай (на кит. 象), которые включали современный северный и северо-центральный Вьетнам, и осуществлял прямую юрисдикцию над этими территориями. В конце правления династии Цинь вспыхнуло крестьянское восстание, и Чжао Туо, командир лончуаньского уезда Наньхай (кит. 南海郡龙川令), воспользовался возможностью управлять Линьнань, и в 207 г. до н.э. он провозгласил себя «Королем Южного Вьетнама» (кит. 南越武王) и основал «Государство Южный Вьетнам» (кит. 南越国). В 112 г. до н.э. император Ву из династии Хань послал генерала Лу Бодэ с армией в 100 000 человек для завоевания Южного Вьетнама. В 111 г. до н.э., после разрушения Южного Вьетнама императором Ву из династии Хань, бывший Южный Вьетнам был разделен на девять уездов, три из которых – 交趾、Nhat Nam (日南) и Cuu Chan(九真) – находились в северной и северо-центральной частях современного Вьетнама. В 679 г. н.э. император Гаоцзун из династии Тан изменил название «провинция Цзяочжо» (кит. 交州都护府) на «провинцию Анан» (кит. 安南都护府), и с этого момента Цзяочжо стала называться Анан, которая управляла 12 уездами в районе Гяо Чи. Начиная с династий Цинь и Хань и до начала правления династии Сун, части северного и центрального Вьетнама в течение длительного времени были уездами под юрисдикцией китайской династии – период, известный в истории Вьетнама как «Период северной принадлежности» или «Эпоха уездов» [2].

Начиная с 905 г. н.э., три поколения клана Цюй (Цюй Ченг Ю (曲承裕 – Khuc Thua Du, Цюй Хао (曲浩 – Khuc Hao) и Цюй Ченг Мей (曲承美 – Khuc Thua My), земельного дворянства Аннама, последовательно претендовали на титул секционных министров. В этих условиях китайской феодальной династии, оказавшейся перед свершившимся фактом, не

оставалось ничего другого, как признать его [3]. После поражения Цюй от Южной Хань аннамские повстанцы Дуонг Динь Нге (杨廷艺 – Duong Dinh Nghe), Кьеу Конг Тиен (矫公羨 – Kieu Cong Tien) и Нго Куиен (吴权 – Ngo Quyen) установили свои собственные феодальные режимы в Цзяочжоу, но Аннам находился под контролем китайской центральной феодальной династии [4].

В 968 г. н.э. Дин Булинь (кит. 丁部领) объединил Аннам и основал «Великий Древний Вьет» (大瞿越国 – Dai Co Viet). Это была первая феодальная династия в истории Вьетнама, и с этого момента Вьетнам начал выходить из-под власти китайской династии и стал независимым и автономным феодальным государством [5]. Однако после создания государства Вьетнам, он оставался вассалом Китая. Две страны всегда поддерживали принцип «зон фань гуаньси» (Кит. 宗藩关系) [6], основанные на дани, за исключением периода между 1406 и 1428 годами, когда эта территория была под контролем династия Мин [7]. Отношения китайского сюзерена с вассалами в китайском языке означает «зон фань гуаньси». И этот режим отношений существовал между двумя странами более 1000 лет и прекратились только после того, как Вьетнам стал колонией Франции в 1885 г. Целью работы является выяснение процесса развития отношений "зон фань гуаньси" между Китаем и Вьетнамом. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью и часто неточностью информации в международном научном пространстве, а также стремительными переходами политической позиции Вьетнама в сегодняшний день часто в связи с развитием отношений между Китаем и Вьетнамом. Объект исследования – Китайско-вьетнамские вассальские отношения. При проведении историографического анализа авторы использовали источники, относящиеся к изучаемым проблемам.

Материалы и их обсуждение

Нет единого мнения о том, когда начались китайско-вьетнамские отношения, построенные по принципу сюзерена с вассалом. По мнению Чена Шуаньяна, «В 939 г. н. э., когда Нго Куанг (кит. 吴权) утвердился в качестве короля, назначал чиновников, определил цвета национальной одежды и отделился от Южной Хань, чтобы установить более полный

государственный режим. Отношения между Китаем и Вьетнамом стали выстраиваться как отношения между государством и государством, и тогда сформировались китайско-вьетнамские отношения сюзерена с вассала» [8]. Исследователь Сон Бейлун также считают, что с 968 г. н.э. началось умиротворения посланников, объединения Аннама и создания «Великого Древнего Вьета» [9].

Вьетнамские ученые придерживаются различных точек зрения по этому вопросу. Но большинство считает, что китайско-вьетнамские отношения сюзерена и вассала действительно начались в 939 г. н.э., когда Нго Куйен провозгласил себя королем. Однако многие ученые полагают, что китайско-вьетнамские отношения сюзерена с вассалом сформировались только в 968 г., когда Дин Булинь объединили Аннам и создал независимое феодальное государство [10]. Формирование китайско-вьетнамских отношений сюзерена с вассалом началось с момента обретения Вьетнамом независимости. Система «зон фань гуаньси» возникла от желания вьетнамского короля постепенно перейти от институционализации дани, к определенно правовому отношению вассального государства к сюзеренному государству системы дани.

В 1368 г. н.э. Чжу Юаньчжан (кит. 朱元璋) основал династию Мин. Китайско-вьетнамские отношения сюзерена с вассалом ко времени правления династии Мин стали способом международного общения, разделяемым властями Китая и Вьетнама [11]. В 1407 г. династия Мин умиротворила Аннам (вьет. An Nam, кит. 安南, Ань нань, «умиротворенный юг»). По просьбе местных кланов в Аннаме были созданы уезды, они вошли в состав Центрального поднебесного государства. Однако для аннамского народа национальное сознание независимости и способ «зон фань гуаньси», основанный в основном на дани, не соизмерялись друг с другом. Поэтому народ Аннама предпринял много усилий для борьбы за свою национальную независимость. Сначала были восстания Чан Динь (кит. 簡定) и Дан Сы (кит. 邓悉), а затем восстания под руководством Ле Лой (кит. 黎利), что сделало правление династии Мин в Аннаме трудновыполнимым [12].

В 1427 г., в связи с поражениями армии Мин, военный начальник Ван Тон (кит. 王通) решил договориться о мире с Ле Лоем. После

переговоров о мире между двумя странами Ле Лой послал своих представителей: Ле Тьеу Динь (黎少穎 – Le Thieu Dinh), Ле Дык Хуэй (黎德辉 – Le Duc Huy) и Ле Кан Куанг (黎景光 – Le Canh Quang) к императору Мин. После переговоров китайско-вьетнамские отношения сузерена с вассала были вновь восстановлены [13].

Династии Цин унаследовала тип сложившихся вассальных отношений династии Мин с Аннамом [14]. Используя старую систему династии Мин – государство Аннам посылала дань три раз года. В 1666 г. правитель Ле Лой из Аннама, передал императору династии Цин королевскую печать, которая была дарована династией Мин, и попросил о своей новой интронизации [15].

В XVIII веке династия Цин переживала свой расцвет, известный с правлением императоров Канси и Цяньлун [16]. Ситуация в Аннаме была сложной. На престоле находилась династия Ле. Одновременно существовал клан Чжэн, который контролировал правительство. Ле был королем, а Чжэн – правителем. Они регулярно платили дань династии Цин от имени династии Ле. Приход нового императора из династии Цин, сопровождался поздравлениями и дарами, для поддержки хороших отношений [17].

В середине XVIII века социальная напряженность в провинции Куан Наме (广南 – Quang Nam) становилась взрывоопасной. В 1771 г. Нгуен Нхак (阮岳 – Nguyen Nhat), Нгуен Хуэ (阮惠 – Nguyen Hue) и Нгуен Лу (阮侶 – Nguyen Lu) возглавили первое крестьянское восстание в районе Тай Сон. Во время восстания Тай Сон, цинское правительство поддерживало официальные отношения только с королем Ле Дуй Ки, такое положение сохранялось до 1786 г., когда власть клана Чжэн была уничтожена Нгуен Хюэ [18].

Победа в восстании Тай Сон укрепила власть Нгуен Хюэ. Однако он не ладил со своими братьями Нгуен Нхаком и Нгуен Лу. Династия Цин обладала большой армией для нападения на восставших Тай Сон. Нгуен Хюэ неоднократно посылал послов к династии Цин с просьбой о присвоении ему титула императора, чтобы использовать его для стабилизации своего правления [19].

31 декабря 1789 г. династия Цин направила посланника из Гуанси, Чен Лина (кит. 成林), в качестве главы делегации в Аннам, тем самым официально утвердило Нгуен Хюэ в качестве короля Аннама и восстановило отношения между Китаем и Вьетнамом. Таким образом, династия Цин и власть Нгуен в Тай Сон Аннама установили отношения сюзерена с вассалами [20].

Во время правления Нгуен Хюэ с 1789 по 1792 г., отношения между Китаем и Вьетнамом были более развитыми, чем при власти Ле. Постепенно совершенствовались отношения, которые сводились к выплате дани и возведении на престол.

1792 г. Нгуен Хюэ внезапно умер. Династии Цин было отправлено послание с просьбой о возведении на престол его сына, Нгуен Куанг Тоана (阮光纘 – Nguyen Quang Toan). Посланник династии Цин, Чен Линя прибыл в Тханг Лонг (современный Ханой, Вьетнам). В 1793 г. Чен Линь провел церемонию возведения на престол Нгуен Куанг Тоана. Во время его правления политическая ситуация в стране была сложной. В июле 1802 г. армия Нгуен Фуок Аня убила Нгуен Куанг Тоана.

Политической ситуации династии Цин в это время тоже была не простой. В 1795 г. император Цяньлун [21] отрекся от престола, на трон взошел император Цзяцин. В 1796 г. произошло восстание Белого Лотоса, что династией Цин приходилось уделить больше сил на подавление восстания. Династия Цин проводила политику невмешательства в внутренние дела соседей, но все же позволила Нгуен Куанг Тоана иметь «официальный титул».

В июле 1802 г. Нгуен Фуок Ань вступил на престол под именем Гиа Лон (嘉隆 – Gia Long). В конце того же года Нгуен Фуок Ань отправил Трин Хоай Дыка (郑怀德 – Trinh Hoai Duc), своего министра, с государственным письмом и дарами: слоновая кость, ладан, деодар, шелк и ткани. Эта дань предназначалась императору династии Цин. В послании была просьба о получении титула и изменение названия страны на Южный Вьетнам [22]. Просьба Нгуен Фуок Аня о изменение название страны на «Южный Вьетнам», была встречена с подозрением и негодованием императором Цзяцина. По мнению, китайского императора название

«Южный Вьетнам» включает большую территорию, в том числе провинции Гуандун и Гуанси.

26 мая 1803 г. император Цзяцина приказал Нгуен Фуок Аню изменить название «Южный Вьетнам» на «Вьетнам». На китайском «Южный Вьетнам» – 南越, Вьетнам – 越南. С этой целью прислал императорский эдикт, «Слово «Вьет» (кит. 越) – значит старые территории предков; приставка «нам» (кит. 南) после «вьет» означает, что это новый титул. Территория на юге Вьетнама, и древнее название Южного Вьетнама не будут перепутаны, название правильное, оно может получить милость Поднебесной» [23].

В 1804 г. посланник императора Цзяцина, Ци Бушен, прибыл в Тханг Лонг, короновал Нгуен Фуок Аня как короля Вьетнама. Нгуен Фуок Ань объявил, о провозглашении названия «Вьетнам», против названия «Аннам», таким образом, название «Вьетнам» стало использоваться официально.

С этого момента отношения между китайской династией Цин и вьетнамской властью Нгуен были официально установлены [24]. После установления дипломатических отношений между Китаем и Вьетнамом официальные политические отношения между двумя странами стали углубляться. Наследуя первоначальные аспекты отношений сюзерена с вассалом, такие как лишение и провозглашение титула, выплата дани и ответных подарков, выражение соболезнований и жертвоприношений. Таким образом отношения государств приобрели новые формы и стали более разносторонними.

В январе 1820 г. Нгуен Фуок Ань умер, и на престол вступил его сын Нгуен Фук Дам (阮福膺 – Nguyen Phuc Dam), сменивший название власти на Минь Менх (明命 – Minh Menh). Династия Цин короновало Нгуен Фук Дама как короля Вьетнама. Количество подарков, которые династия Цин, как государство сюзерена, сделало Вьетнаму за присвоение имени, намного превысило количество и стоимость дани, которые Нгуен Фук Дам прислал китайскому императору. Династия Цин попросила Вьетнам выполнить общее требования этикета, а также посылать дань без особых требований к ее количеству. Императорский эдикт династии Цин для Вьетнама был следующий: «Стране предстоит долгий путь, не нужно посылать благовония, на празднование праздника, не нужно подавать; а

дани совпадающие с рутиной, можно посылать со следующей данью, которая должна быть подана Поднебесной» [23].

Заключение

Начиная с 968 г., после того как Дин Булин провозгласил себя "императором Дачэн Минь", было установлено государственное название "Великий Древний Вьет". Таким образом новое государство избавилось от китайского правления и создало независимое феодальное государство.

До подписания Второго вьетнамо-французского договора в июне 1884 г., когда вьетнамская династия Нгуен была вынуждена уничтожить печать титула династии Цин, «зон фань гуаньси» между Китаем и Вьетнамом существовала почти 1000 лет.

В современную эпоху власть Нгуен менялась пять раз в период с 1840 по 1844 г., причем все новые короли отправляли посланников с просьбой одобрения титула у династии Цин, а с 1853 по 1867 г. выплата дани была замедлена из-за вспыхнувшего в Китае восстания тайпинов, которое перекрыло пути доставки дани. Однако традиционные китайско-вьетнамские отношения сюзерена с вассалом начали распадаться после французского вторжения. С развитием капитализма, французские колонизаторы постепенно активизировали свою агрессивную деятельность во Вьетнаме. Во время Вьетнамо-Французской войны правительство Цин и китайский народ поддержали борьбу Вьетнама против французских захватчиков, и с этого момента китайско-вьетнамские отношения вступили в новый исторический период. Система «зон фань гуаньси» прекратила свое существование.

Историографический анализ работ ученых КНР и СРВ позволяет сделать следующий вывод: для Вьетнама, монархи различных династий проявляли инициативу, требуя установления и поддержания вассальных отношений с китайским императором, главным образом потому, что эта, казалось бы, неравноправная форма отношений не вредила их политическим интересам и интересам групп, которые они представляли, а напротив, была для них способом получить признание китайских правителей, тем самым утверждая единственный законный статус в своей стране и приобретая важный капитал для победы над своими политическими соперниками и стабилизации своего правления. Кроме

того, страна получила основу для развития двусторонних отношений с крупной державой. Именно по этой причине вассальные отношения между двумя странами не прерывались вплоть до французского вторжения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федорин А.Л. Как назывался Вьетнам в X–XI вв.? // Вьетнамские исследования. 2011. № 1. С. 310–319.
2. Деопик Д.В. Вьетнам: История. Традиции. Современность. Ин-т практ. востоковедения. М.: Вост. лит., 2002. 550 с.
3. Бао Вэньшу 鲍文树. Сянь цинь “менкэ” цзи ци цзиншэнь цзичжи яньцзю 先秦“门客”及其精神基质研究 [Исследование вассалов в период до эпохи Цинь и их духовной основы] // Хайнань шифань дасюе сюе кань 海南师范大学学报 [Журнал Хайнаньского педагогического университета]. 2010. № 5. С. 139–144.
4. Федорин А.Л. Некоторые вопросы вьетнамо-китайских отношений в X–XI вв. // Вьетнамские исследования. 2012. № 2. С. 160–183.
5. История Китая с древнейших времен до начала XXI в. Т. 4. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279). М.: Наука. Восточная литература, 2016. 942 с.
6. Ван Дань. Происхождение и определение традиционных китайских ритуалов и обычаев // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 2.А. С. 105–114.
7. Антикитайские отечественные войны // Современная студенческая энциклопедия: [сайт]. URL: <https://studentopedia.ru/istoriya/antikitajskih-otchestvennih-vojn---vneshnyaya-politika-vetnama-ot-drevnosti-do-nachala-xx-veka.html> (дата обращения: 03.01.2024).
8. Чэнь Шуаньянь 陈双燕. Чжуньюэ цзун фань гуаньси ди лиши фачжань шу лунь 中越宗藩关系的历史发展述论 [Дискуссия об историческом развитии китайско-вьетнамских сюзеренитетно-вассальных отношений] // Наньян вэньти яньцзю 南洋问题研究 [Исследования по проблемам Наньяна]. 2000. № 4. С. 66.
9. Сон Бейлун 宋北仑. Гуаньюй чжунюэ гуаньси де фэньци вэньти 关于中越关系的分期问题 [К вопросу о периодизации китайско-вьетнамских отношений] // Дуннанья цзунхэн 东南亚纵横 [Юго-Восточная Азия]. 1999. № 5. С. 12.
10. Нго Си Лиен Ngô Sĩ Liên. Đại Việt sử ký toàn thư [Полная история Дай Вьета] // Nhà xuất bản khoa học xã hội [Издательство социальных наук]. Việt Nam [Вьетнам]. 1998. 1263 с.
11. Baldanza, K. Ming China and Vietnam: Negotiating Borders in Early Modern Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 235 p.
12. Anderson, J.A. The Ming Dynasty Invasion of Vietnam, 1407–1427, in Kang, David K.; Haggard, Stefan (eds.), East Asia in the World: Twelve Events that Shaped the Modern International Order, Cambridge: Cambridge University Press. 2020. P. 97–107.
13. Федорин А.Л. Некоторые вопросы вьетнамо-китайских отношений в первой четверти XVI в. По материалам вьетнамских и китайских источников // Вьетнамские исследования. 2014. № 4. С. 252–264.
14. Мурашова Г.Ф. Вьетнамо-китайские отношения в начале первого правления Цинской династии по материалам вьетнамских и китайских хроник // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: вопросы истории и экономики. М., 1970. 318 с.

15. Ли Кэ 李可. Жао Куньшэн 饶昆生. Ши лунь чжунюе лян го де цзун фань гуаньси 试论中越两国的宗藩关系 [О сюзеренско-вассальных отношениях между Китаем и Вьетнамом] // Куньмин ши чжуань сюебао 昆明师专学报 [Журнал Куньминского педагогического университета]. 1988. № 3. С. 85.
16. Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин XVII – начало XX века. Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. Москва: Восточная литература, 2005. 712 с.
17. Тиморшина А.М. Внешнеполитические парадигмы империи Цин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2005. № 1. С. 225–235.
18. Кабанова Е.В. Отношения китайской империи с приграничными народами в конце XVII–XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2014. № 3. С. 114–124.
19. Дао Дуй Ань Đào Duy Anh. Lịch sử việt nam [История Вьетнама] // Nhà Xuất Bản Xây Dựng [Строительное издательство]. Việt Nam [Вьетнам]. 1955. С. 324.
20. Мурашева Г.Ф. Вьетнамо-китайские отношения XVII–XIX вв. М., Наука, 1973. 159 с.
21. Kahn, H.L. Monarchy in the Eyes of the Emperor: Image and Reality in the Reign of Jialong. Harvard University East Asia Series. Volume 59. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 314 p.
22. Дай Нам Тхук Люк Чинь Бьен Quốc sử quán triều Nguyễn. Đại Nam thực lục chính biên [Заведение национальной истории династии Нгуен] // Nhà xuất bản Giáo dục [Издательство «Образование»]. Việt Nam [Вьетнам]. 1988. 584 с.
23. Забровская Л.В. Традиционная китайская система управления «Восточными варварами» при династии Цин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2015. Т. 14. С. 58–66.

REFERENES

1. Fedorin A.L. Kak nazyvalsja V'etnam v X–XI vv.? [What was the Name of Vietnam in the X–XI centuries?]. *V'etnamskie issledovanija [Vietnamese studies]*. 2011. № 1. P. 310–319. (In Russian).
2. Deopik D.V. V'etnam: Istorija. Tradicii. Sovremennost' [Vietnam: A History. Traditions. Modernity]. In-t prakt. vostokovedenija. M.: Vost. lit., 2002. 550 p. (In Russian).
3. Bao Wenshu 鲍文树. Xianqin “menke” ji qi jingshen jizhi yanjiu 先秦“门客”及其精神基质研究 [A Study of Vassals in the Period before the Qin Era and Their Spiritual Basis]. *Hainan shifan daxue xue kan 海南师范大学学刊 [Journal of Hainan Pedagogical University]*. 2010. № 5. P. 139–144. (In Chinese).
4. Fedorin A.L. Nekotorye voprosy v'etnamo-kitajskih otnoshenij v X–XI vv. [Some issues of Vietnamese-Chinese relations in the 10th–11th centuries]. *V'etnamskie issledovanija [Vietnamese Studies]*. 2012. № 2. P. 160–183. (In Russian).
5. Istorija Kitaja s drevnejshih vremen do nachala XXI v. T. 4. Period Pjati dinastij, imperija Sun, gosudarstva Ljao, Czin', Si Sja (907–1279) [The History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century. Vol. 4. The Period of the Five Dynasties, the Song Empire, the States of Liao, Jin, Xi Xia (907–1279)]. M.: Nauka. Vostochnaja literatura, 2016. 942 p. (In Russian).

6. Van Dan'. Proishozhdenie i opredelenie tradicionnyh kitajskih ritualov i obychaev [The Origin and Definition of Traditional Chinese Rituals and Customs]. *Kul'tura i civilizacija* [Culture and Civilization]. 2019. Volume 9. № 2.A. P. 105–114. (In Russian).
7. Antikitajskie otechestvennye vojny [Anti-Chinese Patriotic Wars]. *Sovremennaja studentcheskaja jenciklopedija* Available at <https://studentopedia.ru/istoriya/antikitajskih-otchestvennih-vojn---vneshnyaya-politika-vietnama-ot-drevnosti-do-nachala-xx-veka.html> (accessed: 03.01.2024). (In Russian).
8. Chen Shuangyan 陈双燕. Zhongyue zong fan guanxi de Lishi fazhan Shulun 中越宗藩关系的历史发展述论 [A Discussion on the Historical Development of Sino-Vietnamese Suzerainty-Vassal Relations] // Nanyang wenti yanju 南洋问题研究 [Studies on the Problems of Nanyang]. 2000. № 4. P. 66. (In Chinese).
9. Song Beilun 宋北仑. Guanyu zhongyue guanxi de fenqi wenti 关于中越关系的分期问题 [Regarding the Periodization of China-Vietnam Relations]. *Dongnanya zongheng* 东南亚纵横 [Southeast Asia]. 1999. № 5. P. 12. (In Chinese).
10. Ngo Si Lien Ngô sĩ Liên. Đai Việt sử ký toàn thư [The Full Story of Dai Viet]. *Nhà xuất bản khoa học xã hội* [Publishing House of Social Sciences]. Việt Nam [Vietnam]. 1998. 1263 p. (In Vietnamese).
11. Baldanza, K. Ming China and Vietnam: Negotiating Borders in Early Modern Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 235 p.
12. Anderson, J.A. The Ming Dynasty Invasion of Vietnam, 1407–1427, in Kang, David K.; Haggard, Stefan (eds.), East Asia in the World: Twelve Events that Shaped the Modern International Order, Cambridge: Cambridge University Press. 2020. P. 97–107.
13. Fedorin A.L. Nekotorye voprosy v'etnamo-kitajskih otnoshenij v pervoj chetverti XVI v. Po materialam v'etnamskih i kitajskih istochnikov [Some Issues of Vietnamese-Chinese Relations in the First Quarter of the XVI Century. Based on the Materials of Vietnamese and Chinese Sources]. *V'etnamskie issledovaniya* [Vietnamese Studies]. 2014. № 4. P. 252–264. (In Russian).
14. Murashova G.F. V'etnamo-kitajskie otnosheniya v nachale pervogo pravleniya Cinskoj dinastii po materialam v'etnamskih i kitajskih hronik [Vietnamese-Chinese Relations at the Beginning of the First Reign of the Qing Dynasty Based on the Materials of Vietnamese and Chinese Chronicles]. *Strany Dal'nego Vostoka i Jugo-Vostochnoj Azii: voprosy istorii i jekonomiki*. M., 1970. 318 p. (In Russian).
15. Li Ke 李可. Rao Kunsheng 饶昆生. Shi Lun Zhong Yue Liang Guo de Zong Fan Guan Xi 试论中越两国的宗藩关系 [On Suzerain-Vassal Relations between China and Vietnam]. *Kunming shi zhuan xuebao* 昆明师专学报 [Journal of Kunming Pedagogical University]. 1988. № 3. P. 85. (in Chinese).
16. Nepomnin O.E. Istorija Kitaja: jepoha Cin XVII – nachalo XX veka [The History of China: the Qing Epoch of the XVII – Early XX Century]. Ros. akad. nauk, In-t vostokovedeniya. Moskva: Vostochnaja literatura, 2005. 712 p. (In Russian).
17. Timorshina A.M. Vneshnepoliticheskie paradigmy imperii Cin [Foreign Policy Paradigms of the Qing Empire]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2005. № 1. P. 225–235. (In Russian).
18. Kabanova E.V. Otnosheniya kitajskoj imperii s prigranichnymi narodami v konce XVII–XVIII vv. [Relations of the Chinese Empire with the Border Peoples at the end of XVII–XVIII vv.].

- the XVII–XVIII Centuries]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Vseobshhaja istorija*. 2014. № 3. P. 114–124. (In Russian).
19. Dao Duy Anh Đào Duy Anh. lịch sử việt nam [The History of Vietnam]. *Nhà Xuất Bản Xây Dựng* [Construction Publishing House]. Việt Nam [Vietnam]. 1955. P. 324. (In Vietnamese).
20. Murasheva G.F. V'etnamo-kitajskie otnoshenija XVII–XIX vv. [Vietnamese-Chinese Relations of the XVII–XIX Centuries]. M., Nauka, 1973. 159 p. (In Russian).
21. Kahn H.L. Monarchy in the Eyes of the Emperor: Image and Reality in the Reign of Jinlong. Harvard University East Asia Series. Volume 59. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 314 p.
22. Dynasty Quốc sử quán triều Nguyễn [The institution of the national history of the Nguyen]. Đại Nam thực lục chính biên [Veritable Records of the Great South] // Nhà xuất bản Giáo dục [Education Publishing House]. Việt Nam [Vietnam]. 1988. 584 p. (In Vietnamese).
23. Zabrovskaja L.V. Tradicionnaja kitajskaja sistema upravlenija «Vostochnymi varvarami» pri dinastii Cin [The Traditional Chinese Management system of "Eastern Barbarians" under the Qing Dynasty]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija*. 2015. Vol. 14. P. 58–66. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Ван Минцзюнь – аспирант Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: a1069910470@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6814-1078.

Калашникова Наталья Павловна – заведующая кафедрой Ассамблеи народа Казахстана, доктор политических наук, профессор. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева.

E-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7667-0383

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Wang Mingjun – Postgraduate student of the Higher School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: a1069910470@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6814-1078.

Kalashnikova Natalia P. – head of the Department of the Assembly of people of Kazakhstan, Doctor of Political Sciences, Professor. L.N. Gumilyov Eurasian National University.

E-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7667-0383

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.01.2024. Одобрена после рецензирования 04.02.2024. Принята 27.02.2024.
Received 09.01.2024. Approved after reviewing 04.02.2024. Accepted 27.02.2024.*

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ EURASIAN INTEGRATION

научная статья

УДК: 327.57

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.1.7

Переформатирование итальянской внешней политики в XXI веке: выход из китайской инициативы «Один пояс – один путь» и присоединение к ИМЕС

Пьянникова Дарья Евгеньевна ✉

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

✉ pyannikova_daria@mail.ru

***Аннотация.** В современном мире возрастает роль международных экономических объединений, которые часто становятся средством борьбы за политическое влияние на мировой арене. Следовательно, необходимо понимать, как различные государства используют экономические отношения в конкуренции за мировое господство. В статье рассматриваются китайская инициатива BRI¹ и американо-индийская инициатива ИМЕС² и их взаимодействие с другими странами, на примере Италии. В ходе работы были рассмотрены итало-китайские отношения в рамках китайской инициативы "Один пояс – один путь", выявлены причины выхода Италии из BRI. Предложена краткая сравнительная характеристика между данными инициативами, а также проанализированы итало-американские и итало-индийские отношения и их взаимодействие в рамках ИМЕС. В результате были сделаны выводы: американо-индийская инициатива в будущем может стать противовесом Китайской инициативе «Один пояс – один путь»; Италия руководствуется не экономическими, а политическими реалиями, следуя стратегии западных соседей. Позиция Италии по реализации нового проекта ИМЕС, каковы экономическая и стратегическая роль на текущий момент остается предметом обсуждения.*

Ключевые слова: Итало-китайские отношения; итало-американские отношения; итальянская внешняя политика; меморандум о взаимопонимании; G20

Для цитирования: Пьянникова Д.Е. Переформатирование итальянской внешней политики в XXI веке: выход из китайской инициативы «Один пояс – один путь» и

¹ Belt and Road Initiative

² India-Middle East Europe Economic Corridor

присоединение к ИМЕС // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 1. С. 108–122.
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.7

© Пьянникова Д.Е., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327.57

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.1.7

Reformatting the Italian Foreign Policy in the XXI Century: Withdrawal from the Chinese Initiative (BRI) and Joining IMEC

Daria E. Pyannikova ✉

Ural Federal University named after first president of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

✉ pyannikova_daria@mail.ru

Abstract. *The modern world is witnessing an increasing role of international economic associations, which often become a means of fighting for political influence on the world stage. Consequently, it is necessary to realize how different states use the economic relations in rivalry for world domination. The article examines the Chinese BRI initiative and the American-Indian IMEC initiative and their interaction with other countries, using the example of Italy. The paper examined Italian-Chinese relations under China's "One Belt, One Road" Initiative, and revealed the reasons for Italy's withdrawal from BRI. A brief comparative profile between these initiatives is offered, and the Italian-American and Italian-Indian relations and their interaction within IMEC are analyzed. As a result, the following conclusions were drawn: the American-Indian initiative in future may become a counterweight to the Chinese initiative "One Belt, One Road". Italy is guided by political rather than economic realities, pursuing the strategy of its Western neighbors. Italy's stance on implementation of the IMEC new project, its economic and strategic role at the moment is currently under discussion.*

Keywords: Italian-Chinese relations; Italian-American relations; Italian foreign policy; memorandum of understanding; G20

For citation: Pyannikova, D.E. Reformatting the Italian foreign policy in the XXI century: Withdrawal from the Chinese initiative (BRI) and joining IMEC. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 1. P. 108–122. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.7

© Pyannikova, D.E., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В 2010-х годах председателем КНР Си Цзиньпином была выдвинута инициатива Belt and Road Initiative (BRI), которая предусматривала объединение проектов «Экономического пояса Шёлкового пути» и

«Морского Шёлкового пути XXI века». Инициатива направлена на создание и реализацию транспортных, логистических, торговых проектов.

Нарастающее противостояние между Китаем и США становится все более заметным, борьба за сферы влияния побуждает государства активно сотрудничать со странами АСЕАН, находить новых союзников и партнеров.

В сентябре 2023 г. в Индии прошел саммит G20, на котором была выдвинута инициатива «Хлопкового пути». Инициатива India-Middle East Europe Economic Corridor (ИМЕС) представляет собой инфраструктурный проект «Экономический коридор», который соединит Индию с Ближним Востоком и Европой. Потенциально подорвать китайский Шелковый путь (известный как инициатива «Пояс и путь»). Новый проект является частью Партнерства для глобальной инфраструктуры (PGII).

Меморандум подписали США, Индия, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Германия, Франция, Италия и Евросоюз. Италия некоторое время являлась участницей BRI, а в настоящее время присоединилась к новообразованной инициативе ИМЕС.

Материалы, результаты исследования и их обсуждение

Роль Италии в китайской инициативе «Один пояс – один путь»

В 2019 г. председатель Госкомитета КНР по развитию и реформам Хэ Лифэн и вице-премьер Италии Луиджи Ди Майо подписали меморандум [1] о взаимопонимании в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь». Италия стала первой страной Большой семерки (G7), которая присоединилась к китайскому проекту.

Было подписано 29 соглашений, среди которых одним из самых важных являлся договор о сотрудничестве между Китайской компанией коммуникаций и строительства (англ. сокр. CCCC) и морскими портами городов Триест и Генуя. Данные порты стратегически важны, т.к. они предоставляют возможность сотрудничества со странами Европы (Австрия, Венгрия, Швейцария, Чехия и т.д.), которые не имеют выхода к Средиземному морю.

Меморандум о взаимопонимании предусматривал сотрудничество в строительстве и развитии портов, в банковской и инвестиционной сферах, развитие экспорта сельскохозяйственной продукции, сотрудничество в рамках средств массовой информации и др.

В рамках инициативы правительство Китая стремилось войти на рынки таких европейских стран, как Австрия, Венгрия, Чешская Республика, Словакия и Сербия. Выход на рынки западных стран позволил бы расширить торгово-экономические отношения и укрепиться в Средиземном море. Другие соглашения охватывали электронную торговлю, сельское хозяйство, средства массовой информации, банковское дело и др. Обе стороны также договорились о сотрудничестве в области инноваций и науки, о расширении двусторонней торговли.

В рамках инициативы «Один пояс – один путь» правительство Китая намеревалось создать глобальную инфраструктуру, связывающую КНР с основными партнерами в Евразии. Китай обычно договаривается с позиции экономического превосходства. В 2018 г. на саммите FOCAC³ в Пекине к проекту «Нового шелкового пути» присоединились 28 африканских стран [2]. Что касается Европы, то после Италии заключить соответствующий договор с Китаем намеревалась Греция.

Меморандум о взаимопонимании был в значительной степени символическим жестом по укреплению глобального имиджа Китая как поставщика общественных благ. В Италии считали, что соглашение расширит экспортные возможности Италии, а также произойдет значительное увеличение китайских инвестиций в экономику Италии. Как и все меморандумы о взаимопонимании, подписанные Китаем с другими странами, это соглашение не было структурировано как экономическое или торговое соглашение, а скорее заявляло об общей готовности сотрудничать в рамках BRI [3].

Часть политической элиты считала, что это позволит Китаю получить контроль над чувствительными технологиями и инфраструктурой, поэтому впоследствии и Италия предприняла ряд шагов, чтобы наложить вето на поглощения или ограничить влияние китайских компаний на их итальянских коллег.

Позиция правительства Италии

Правительство премьер-министра Джузеппе Конте (2019) надеялось извлечь выгоду из быстро растущих международных инвестиций Китая и растущего внутреннего рынка. Правительство Италии считало, что

³ Forum on China-Africa Cooperation

двусторонние соглашения с Китаем обеспечат итальянским компаниям более широкий доступ на внутренний рынок КНР, а итальянские порты Триест и Генуя станут важнейшими точками в торговле с Востоком. Благодаря своему стратегическому положению итальянские порты чрезвычайно важны для доставки китайских товаров в Европу через Индийский океан и Суэцкий канал.

Укрепление внешних экономических связей с Китаем было связано с назревающим итальянским экономическим кризисом и экономической рецессией. Премьер-министр Италии Джузеппе Конте надеялся, что сделка придаст импульс отстающей экономике Италии, но за последние четыре года она принесла мало пользы.

Из-за давления со стороны ЕС и США Италия исключила ряд соглашений из первоначального проекта, например, соглашение об обмене данными и о развитии телекоммуникационных сетей 5G.

Вице-премьер Италии и один из лидеров Лиги Севера Маттео Сальвини, критикуя инициативу заключения соглашения с Китаем, говорил, что необходимо контролировать, кто приходит с инвестициями в Италию, куда вкладываются денежные средства и не затрагивают ли они стратегические сектора: «ключи от дома должны оставаться в руках итальянцев» [4].

*Позиция Евросоюза и США в отношении
меморандума о взаимопонимании Италия–КНР*

Подписание меморандума итальянским правительством вызвало глубокие опасения в Евросоюзе и США. Правительство США опасалось, что Италия станет «колонией Китая» и будет ключом китайских торговых интересов в Европе. Активное торгово-экономическое вмешательство КНР могло бы стать основанием распространения его гегемонии на территорию Евросоюза. В Вашингтоне официально предупредили, что участие Италии в китайском проекте подвергнет серьезному испытанию американо-итальянские отношения. Гаррет Маркиз, представитель советника по национальной безопасности США Джона Р. Болтона, резко раскритиковал сделку⁴.

⁴ Horowitz, J. A Forgotten Italian Port Could Become a Chinese Gateway to Europe. 18.03.2019. *The New York Times*. Available at <https://www.nytimes.com/2019/03/18/world/europe/italy-trieste-china-belt-road.html> (accessed: 23.12.2023).

Еврокомиссия высказала аналогичные сомнения в отношении характера торгово-экономических отношений Италии с Пекином. Еврокомиссия пыталась разработать программу в отношении Китая, чтобы снизить вмешательство китайской экономики в Европу и устранить барьеры, которые Китай выстраивает перед европейскими компаниями на своем внутреннем рынке.

Еще одним камнем преткновения между Италией и Евросоюзом являлось то, что финансирование «Нового шелкового пути» в Италии будет осуществлять «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций», который рассматривается как китайская альтернатива «Всемирному банку» и другим западным кредитным институтам.

Итальянская сделка откроет двери для китайских инвестиций в инфраструктуру итальянских портов, одновременно помогая Пекину обрести влияние и торговать товарами в Западной Европе. Европейские страны открыто критиковали китайскую инвестиционную активность в Италии, т.к. опасались, что порты могут быть использованы в качестве стратегически важных объектов для развертывания военных сил КНР.

Выход Италии из BRI

В рамках форума G20 (9–10 сентября 2023 г.) премьер-министр Италии Джорджия Мелони объявила о выходе Италии из BRI премьеру Государственного совета Ли Цяну. Активное давление со стороны правительства США заставило Италию выйти из данной инициативы. 27–28 июля 2023 г. состоялся официальный визит премьер-министра Джорджа Мелони в США [5]. Для Мелони переговоры с Байденом явились возможностью упрочить свое положение в кругу руководителей ведущих стран западного мира. В совместной итоговой декларации Мелони и Байден «подтвердили нерушимый союз, стратегическое партнерство и глубокую дружбу между Соединенными штатами и Италией». На встрече также обсуждалось продолжение сотрудничества с Китаем в инициативе «Один пояс – один путь». Джорджи Мелони заверила, что сотрудничество с Китаем в 2024 г. не будет продлено.

7 декабря 2023 г. правительство Италии официально вышло из китайской инициативы «Один пояс – один путь». Джорджи Мелони заявила, что проект не принес ожидаемых результатов, но КНР и Италия должны продолжать улучшать торгово-экономические отношения.

Официальный представитель МИД Китая Ван Вэнь-Пин официально не прокомментировал данную ситуацию.

Стоит отметить, что внешняя политика Италии согласуется с планами Брюсселя, который придерживается осторожной политики в отношении КНР. Кроме этого, в последние несколько лет американо-китайские отношения являются враждебными: Китай стремится стать мировой державой, а США удержать данный статус. В связи с Украинским кризисом ЕС ввели торговые санкции в отношении России, которая является стратегическим и торговым партнером КНР. Торговые санкции стали инструментом серьезного геополитического соперничества между США и ЕС с одной стороны и Россией и Китаем с другой. Эти обстоятельства подтолкнули Италию пересмотреть Меморандума о взаимопонимании.

Не стоит отрицать, что Китай является страной с мировой экономикой и важным торгово-экономическим партнером. По информации агентства CNN, в 2022 г. объем экспорта товаров из Китая в Италию составил 50,5 млрд долл. США в сравнении с 33,5 млрд в 2019 г. (+51 %). При этом импорт в Китай итальянских товаров увеличился до 26,9 млрд долл. США с 21,4 млрд в 2019 г. (+26 %)⁵.

Согласно информации Corriere della Sera [6], нота о выходе Италии из инициативы «Один пояс – один путь» была подготовлена «после недель конфиденциальных переговоров». Corriere della Sera отмечает, что за время участия в китайском проекте Италия «не получила крупной экономической выгоды, а, наоборот, столкнулась с нежелательными политическими последствиями».

Во внешнеторговых отношениях с Китаем у Италии большой торговый дефицит. Одной из целей, лежащих в основе Меморандума о взаимопонимании, было восстановление баланса в торговых отношениях, но по прошествии 4 лет почти ничего не изменилось.

Тем не менее, данные показывают, что у Италии не сложилось привилегированного партнерства с КНР после подписания BRI. Китайские инвестиции в Европе остаются высококонцентрированными: Германия, Франция и страны Бенилюкса, не являющиеся членами BRI, являются

⁵ McCarthy. S. Italy Quits Belt and Road Plan as Europe Rethinks China Relations. 08.12.2023. Available at <https://edition.cnn.com/2023/12/08/china/italy-belt-and-road-eu-china-summit-intl-hnk/index.html> (accessed: 21.12.2023).

ведущими направлениями для китайских прямых иностранных инвестиций в регионе.

В 2019 г. Италия рассматривала ОПОП⁶ как возможность увеличить экспорт итальянских товаров в Китай, и все же экспорт Италии в Китай остается очень небольшой долей в общем объеме итальянского экспорта по сравнению с другими крупными европейскими экономиками, такими как Германия и Франция [7].

Решение Италии выйти из соглашения еще больше ослабит доводы Китая о том, что инициатива пользуется широкой глобальной поддержкой, и подчеркнет ее растущие проблемы.

Китайские СМИ подчеркивают роль Соединенных Штатов в подталкивании Италии к расторжению соглашения, недооценивая напряженные политические дебаты, разыгравшиеся внутри страны.

Другой риск заключается в том, что растущая консолидация китайских финансовых субъектов в Италии, потенциально усиленная Меморандумами о взаимопонимании, может способствовать китайским инвестициям в чувствительные / стратегические активы в стране, что позволит КНР получить определенную степень контроля над такими активами. Тем не менее, как в качестве члена ЕС, так и самостоятельно, Италия имеет правовую базу, которая снижает такие риски. Национальная дисциплина, регулирующая иностранные слияния и поглощения в стратегических секторах, дает итальянскому правительству большую свободу действий для блокирования “нежелательных” шагов иностранных компаний. Механизм проверки инвестиций в стране на самом деле является одним из самых строгих в ЕС⁷.

Стремясь сохранить стратегические связи, министр иностранных дел Италии Антонио Таяни посетил Пекин в сентябре, а президент Италии Серджо Маттарелла должен посетить Китай на каком-то этапе в следующем году [7].

Выход Италии добавил еще одну серьезную брешь в прогноз Си Цзиньпина о том, что ОПОП является беспроблемным для стран-

⁶ Один пояс – один путь.

⁷ Bilotta, N. China's Belt and Road Initiative in Italy: An Analysis of Financial Cooperation. 13.12.2021. Available at <https://research.hktdc.com/en/article/ODQ3ODc2Nzkx> (accessed: 21.12.2023).

партнеров. Даже экономически небольшие страны пересматривают проекты в рамках ОПОП [8].

Саммит G20, создание ИМЕС

9–10 сентября 2023 г. в Нью-Дели прошел саммит G20, на котором было принято несколько важных стратегических договоров. В рамках форума была выдвинута инициатива «Хлопкового пути».

Инициатива представляет собой инфраструктурный проект «Экономический коридор», который соединит Индию с Ближним Востоком и Европой. Этот проект является семенем нового экономического альянса, целью которого является уничтожить БРИКС, маргинализировать Суэцкий канал как глобальный торговый маршрут между Востоком и Западом и потенциально подорвать китайский Шелковый путь (известный как инициатива «Пояс и путь»). Новый проект является частью Партнерства для глобальной инфраструктуры (PGII)⁸. Меморандум подписали США, Индия, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Германия, Франция, Италия и Евросоюз.

В меморандуме о взаимопонимании ИМЕС говорится: "Участники намерены, что коридор повысит эффективность, сократит затраты, укрепит экономическое единство, создаст рабочие места и снизит выбросы парниковых газов, что приведет к преобразующей интеграции Азии, Европы и Ближнего Востока".

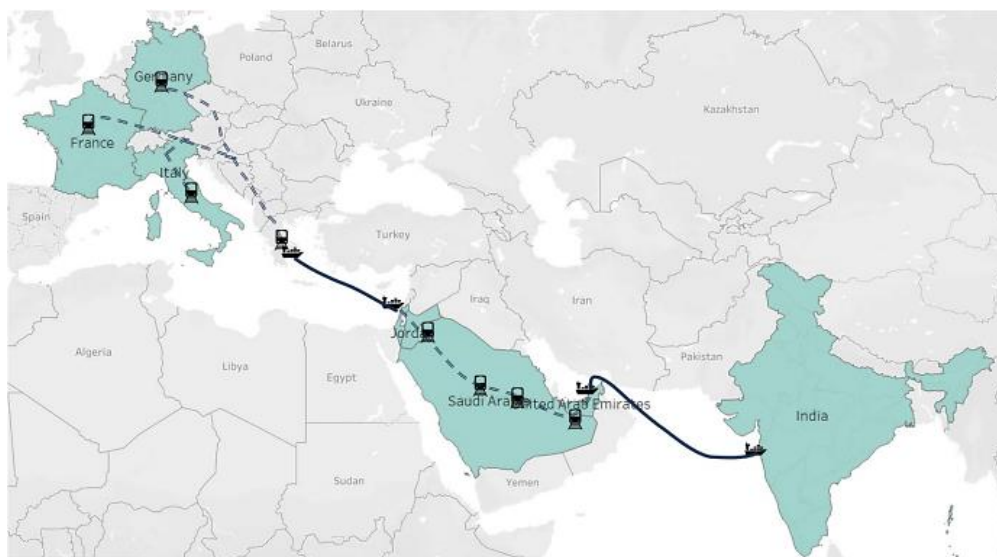

Рис. Экономический коридор Индия-Ближний Восток-Европа [9]

⁸ Partnership for Global Infrastructure and Investment

В частности, в рамках проекта будет реализовано несколько направлений: интеграция железнодорожных линий и портовых соединений из Индии в Европу, через ОАЭ, Саудовскую Аравию, Иорданию и Израиль, что приведет к более быстрому транзиту грузов; развитие энергетической инфраструктуры и обеспечения производства и транспортировки зеленого водорода для всех партнеров; укрепление телекоммуникации и передачи данных. "Он будет включать железную дорогу, которая после завершения строительства обеспечит надежную и экономически эффективную трансграничную сеть морских и железнодорожных перевозок в дополнение к существующим морским и автомобильным транспортным маршрутам, что позволит осуществлять транзит товаров и услуг в Индию, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Иорданию, Израиль и Европу, из них и между ними", – говорится в документе.

Стоит отметить, что проект поддержала Индия, которая в этом году обогнала Китай как самую густонаселенную страну мира⁹. Премьер-министр Индии Нарендра Моди сравнил ИМЕС с древним торговым путем, который вдохновил BRI. "Сотни лет назад Шелковый путь дал толчок мировой торговле", – сказал он на недавнем саммите Global Maritime India в Мумбаи. "Теперь этот исторический коридор [ИМЕС] также изменит картину региональной и глобальной торговли" [10]

Роль Италии в ИМЕС

По мнению премьер-министра, Италия и ее компании смогут играть ведущую роль в разработке проектов инфраструктуры и цифровых связей. По словам премьер-министра, эта инициатива «позволит нам раскрыть огромный потенциал для нашей торговли и нашего бизнеса» в рамках «значительного итальянского протагонизма в сети энергетических, физических и цифровых связей, над которыми мы работаем¹⁰». Итальянские компании активно принимают участие в важных стратегических программах: в частности, компания Italferr выполняет важные инфраструктурные работы, и компания Webuild, которая в Мумбаи строит подвесной мост и третью линию метро.

⁹ World Population Review (2024). Available at <https://worldpopulationreview.com/> (accessed: 10.01.2024).

¹⁰ Victor De Crunari. Corridoio economico India Medio Oriente Europa, Italia protagonista. 11.09.2023. Available at <https://www.economymagazine.it/corridoio-Economico-india-medio-oriente-europa/> (accessed: 21.12.2023).

Среди проектов, упомянутых премьер-министром, также Blue-Raman, волоконно-оптическая кабельная система связи, которая соединит Италию и Индию (проходя через Оман, Иорданию и Израиль).

Лигурийская инфраструктура может принимать крупнейшие грузовые суда, обеспечивая при этом удобное железнодорожное сообщение.

Винчецо Де Лука (посол Италии в Индии и Непале) утверждает, что Италия стремится играть заметную роль в Индо-Тихоокеанском регионе и играть ключевую роль в экономическом коридоре Индия-Ближний Восток-Европа (ИМЕС)¹¹.

BRI и ИМЕС

Если проводить сравнительную характеристику между данными инициативами, то можно говорить о начале противостояния блоков между США и Китаем. Проекты похожи по целям, и по способу реализации. Оба проекта планируют объединить рынки Азии, Европы и т.д. Нацелены на реализацию инфраструктурных проектов по всему маршруту.

Китайская инициатива охватывает Европу, Ближний Восток, страны Африканского континента, Азию, в то время как ИМЕС сосредотачивается на Европе – Ближнем Востоке – Индии, тем самым ограничивая региональных игроков. ИМЕС исключает участие геополитических противников США – Китая, Ирана и России [11].

Данные транспортные коридоры имеют свои интересы и перспективы, но их общая цель – это развитие рынков сбыта, налаживание коммуникаций между востоком и западом.

BRI имеет более прочную основу, т.к. действует в течение 10 лет, включает в свою инициативу более 150 стран, охватывая при этом многие регионы.

Следует отметить, что ИМЕС становится главным конкурентом китайской инициативы BRI. С геополитической точки зрения оба проекта представляют собой два конкурирующих видения глобального развития XXI века. ИМЕС и BRI представляют собой не только экономические

¹¹ Vincenzo De Luca. Italian Ambassador Writes: India, a Partner in an Uncertain World. 07.12.2023 The Indian Express. Available at <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/italian-ambassador-writes-india-a-partner-in-an-uncertain-world-9057487/> (accessed: 23.12.2023).

проекты, но также политические и стратегические, отражающие устремления и ценности их партнеров.

Если рассматривать данные маршруты с учетом меняющихся геополитических тенденций, то следует рассмотреть влияние войны на Ближнем Востоке на BRI и IMEC.

Касательно инициативы IMEC израильский порт Хайфа рассматривается как связующее звено между восточным маршрутом IMEC из Индии в Персидский залив и северным маршрутом в Европу [12].

Кроме того, есть опасения, что разрастающаяся по спирали смертоносная война на Ближнем Востоке может подорвать нормализацию отношений между Израилем и другим участником IMEC, Саудовской Аравией, которая считается ключевым шагом для того, чтобы соглашение заработало.

И наоборот, IMEC все еще находится на концептуальной стадии, не имея обязательных финансовых обязательств. IMEC амбициозен; его маршрут превосходит СПЕС¹², включая страны Персидского залива и Израиль. У этого включения есть множество плюсов и минусов. Размещение еврейского государства в эпицентре транзитного коридора дает ряд преимуществ, включая поддержку западных стран. Однако сохраняющаяся напряженность в регионе и обострение израильско-палестинского конфликта являются серьезными недостатками [13].

Возобновившийся конфликт в Газе уже оказывает влияние на IMEC. В плане действий был установлен двухмесячный срок для выполнения Меморандума о взаимопонимании, крайний срок, который уже был пропущен.

Рассматривая ситуацию с точки зрения безопасности, нынешняя эскалация в Газе и на оккупированных территориях является фактором риска, влияющим на перспективы IMEC. Риск распространения конфликта на весь регион вызывает реальную озабоченность.

Таким образом, оба коридора предоставляют стратегические возможности для достижения множества целей. В конечном счете, любой затяжной конфликт на Ближнем Востоке нанесет ущерб перспективам как BRI, так и IMEC и, как следствие, интересам их участников.

¹² China-Pakistan Economic Corridor.

Заклучение

Италия руководствуется не экономическими, а политическими реалиями. Историческими союзниками Италии являются США и Евросоюз, поэтому она обязана выстраивать внешнюю политику не в соответствии со своими национальными интересами, а с интересами союзников. Пока непонятно, как будет реализовываться новый проект ИМЕС и какую экономическую и стратегическую роль займет в нем Италия.

В целом, выход Италии из BRI посылает символический сигнал Китаю и G7 в период высокой геополитической напряженности. Это решение подтверждает приверженность Италии трансатлантической позиции в отношении Китая и продвигает некоторые ключевые цели повестки дня правительства. Это укрепляет более широкие аргументы Вашингтона в области экономической безопасности, одновременно бросая вызов имиджу BRI на мировой арене. Теперь итальянскому правительству необходимо перестроить свои отношения с Китаем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Memorandum of Understanding Between the Government of the Italian Republic and the Government of the People's Republic of China on Cooperation Within the Framework of The Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road Initiative // Официальный сайт правительства Итальянской Республики Governo.it. [сайт]. URL: http://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_ItaliaCina_EN.pdf?fbclid=IwAR1lxtB4gkPpSoKfrcghm5zBuTNXrb91vAN6pBYNbG83s7DeW5bnQ71QKTc (accessed: 20.12.2023).
2. Дейч Т.Л. Саммит Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) в Пекине 3–4 сентября 2018 г. [эл. доступ]. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/comment/2018/Africa/24102018.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).
3. Mazzoccoand, I., Palazzi, A.L. Italy Withdraws from China's Belt and Road Initiative. 14.12.2023. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*. Available at <https://www.csis.org/analysis/italy-withdraws-chinas-belt-and-road-initiative> (accessed: 20.12.2023).
4. Salvini: Le chiavi di casa agli Italiani e non ai Cinesi. Ma Di Maio è sorpreso dalla Lega. 16.03.2019. *La notizia*. Available at <https://www.la-notizia.net/2019/03/16/salvini-le-chiavi-di-casa-agli-italiani/> (accessed: 20.12.2023).
5. Joint Statement from President Biden and Prime Minister Meloni. 27.07.2023. *The White House*. Available at <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/07/27/joint-statement-from-president-biden-and-prime-minister-meloni/> (accessed: 20.12.2023).
6. Galluzzo, M. L'Italia è uscita dalla Via della Seta: la nota d'addio consegnata a Pechino. *Corriere della sera*. Available at https://www.corriere.it/politica/23_dicembre_06/italia-uscita-via-seta-caed5644-9423-11ee-bf17-27011c9bfd8d.shtml (accessed: 21.12.2023).

7. Tondo, L. Italy to withdraw from China's belt and road initiative, say sources. 06.12.2023. *The Guardian*. Available at <https://www.theguardian.com/world/2023/dec/06/italy-to-withdraw-from-chinas-belt-and-road-initiative-say-sources> (accessed: 21.12.2023).
8. Singh, G. Italy exits China's BRI. Is it advantage India? 11.12.2023. *Deccan Herald (DH)*. Available at <https://www.deccanherald.com/opinion/italy-exits-chinas-bri-is-it-advantage-india-2805466> (accessed: 21.12.2023).
9. Bhatt, Ya., Roychoudhury J. India-Middle East Europe Economic Corridor (IMEC): Bridging Economic and Digital Aspirations. 02.10.2023. *King Abdullah Petroleum Studies and Research Center (KAPSARC)*. Available at <https://www.kapsarc.org/wp-content/uploads/2023/10/KS-2023-II11-India-Middle-East-Europe-Economic-Corridor-IMEC-Bridging-Economic-and-Digital-Aspirations.pdf> (accessed: 25.12.2023).
10. English rendering of PM's address at the Global Maritime India Summit 2023. 17.10.2023. *Press Information Bureau. Government of India*. Available at <https://pib.gov.in/PressReleaseDetailm.aspx?PRID=1968335> (accessed: 21.12.2023).
11. Левашенко А. С одной целью: будут ли конкурировать транспортный коридор ИМЕС и «Один пояс – один путь». 22.09.2023 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/opinions/18817749> (дата обращения: 23.12.2023).
12. Italy's Belt and Road Blues Highlight Hopes for Rival India–Europe Corridor. New Route Runs into Questions over China's Port Footholds and Middle East War. 31.10.2023. *Nikkei Asia*. Available at <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/Italy-s-Belt-and-Road-blues-highlight-hopes-for-India-Europe-corridor> (accessed: 23.12.2023).
13. Elmali, B. Unrest in the Middle East Is Bad for Both CPEC and IMEC. As Uncertainties Deepen, what Lies Ahead for these Dueling Connectivity Projects? 24.11.2023. *The Diplomat*. Available at <https://thediplomat.com/2023/11/unrest-in-the-middle-east-is-bad-for-both-cpec-and-imec/> (accessed: 25.12.2023).

REFERENCES

1. Memorandum of Understanding Between the Government of The Italian Republic and The Government of The People's Republic of China on Cooperation Within the Framework of The Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road Initiative. Ofitsialnyy sayt pravitelstva Italyanskoy Respubliki Governo.it. Available at http://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_ItaliaCina_EN.pdf?fbclid=IwAR1lxtB4gkPpSoKfrcghm5zBuTNXrb91vAN6pBYNbG83s7DeW5bnQ71QKTc (accessed: 20.12.2023).
2. Deych T.L. Sammit Foruma kitaysko-afrikanskogo sotrudnichestva (FOCAC) v Pekine 3-4 sentyabrya 2018 g. [Summit of the Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC) in Beijing on September 3–4, 2018.]. Available at <https://www.imemo.ru/files/File/ru/comment/2018/Africa/24102018.pdf> (accessed: 20.12.2023). (In Russian).
3. Mazzoccoand, I., Palazzi, A.L. Italy Withdraws from China's Belt and Road Initiative. 14.12.2023. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*. Available at <https://www.csis.org/analysis/italy-withdraws-chinas-belt-and-road-initiative> (accessed: 20.12.2023).
4. Salvini M. Le chiavi di casa agli Italiani e non ai Cinesi. Ma Di Maio è sorpreso dalla Lega [The Keys to the House to the Italians and not to the Chinese. But Di Maio is Surprised by the LEAGUE]. 16.03.2019. *La notizia*. Available at <https://www.lanotizia.net/2019/03/16/salvini-le-chiavi-di-casa-agli-italiani/> (accessed: 20.12.2023). (In Italian).
5. Joint Statement from President Biden and Prime Minister Meloni. 27.07.2023. *The White House*. Available at <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/07/27/joint-statement-from-president-biden-and-prime-minister-meloni/> (accessed: 20.12.2023).

6. Galluzzo, M. L'Italia è uscita dalla Via della Seta: la nota d'addio consegnata a Pechino [Italy has Left the Silk Road: the Farewell note delivered to Beijing]. *Corriere della sera*. Available at https://www.corriere.it/politica/23_dicembre_06/italia-uscita-via-seta-caed5644-9423-11ee-bf17-27011c9bfd8d.shtml (accessed: 21.12.2023). (In Italian).
7. Tondo, L. Italy to withdraw from China's belt and road initiative, say sources. 06.12.2023. *The Guardian*. Available at <https://www.theguardian.com/world/2023/dec/06/italy-to-withdraw-from-chinas-belt-and-road-initiative-say-sources> (accessed: 21.12.2023).
8. Singh, G. Italy exits China's BRI. Is it advantage India? 11.12.2023. *Deccan Herald (DH)*. Available at <https://www.deccanherald.com/opinion/italy-exits-chinas-bri-is-it-advantage-india-2805466> (accessed: 21.12.2023).
9. Bhatt, Ya., Roychoudhury J. India-Middle East Europe Economic Corridor (IMEC): Bridging Economic and Digital Aspirations. 02.10.2023. *King Abdullah Petroleum Studies and Research Center (KAPSARC)*. Available at <https://www.kapsarc.org/wp-content/uploads/2023/10/KS-2023-III11-India-Middle-East-Europe-Economic-Corridor-IMEC-Bridging-Economic-and-Digital-Aspirations.pdf> (accessed: 25.12.2023).
10. English rendering of PM's address at the Global Maritime India Summit 2023. 17.10.2023. *Press Information Bureau. Government of India*. Available at <https://pib.gov.in/PressReleaseDetailm.aspx?PRID=1968335> (accessed: 21.12.2023).
11. Levashenko A. S odnoy tselyu: budut li konkurirovat transportnyy koridor IMEC i "Odin poyas – odin put". [With One Goal: will the IMEC Transport Corridor and the "ONE Belt, One Road" Compete]. 22.09.2023. *Informacionnoe agentstvo TASS*. Available at <https://tass.ru/opinions/18817749> (accessed: 23.12.2023). (In Russian).
12. Italy's Belt and Road Blues Highlight Hopes for Rival India–Europe Corridor. New Route Runs into Questions over China's Port Footholds and Middle East War. 31.10.2023. *Nikkei Asia*. Available at <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/Italy-s-Belt-and-Road-blues-highlight-hopes-for-India-Europe-corridor> (accessed: 23.12.2023).
13. Elmali, B. Unrest in the Middle East Is Bad for Both CPEC and IMEC. As Uncertainties Deepen, what Lies Ahead for these Dueling Connectivity Projects? 24.11.2023. *The Diplomat*. Available at <https://thediplomat.com/2023/11/unrest-in-the-middle-east-is-bad-for-both-cpec-and-imec/> (accessed: 25.12.2023).

Сведения об авторах / Information about authors

Пьянникова Дарья Евгеньевна – студент Кафедры теории и истории международных отношений, Уральский Федеральный Университет.

E-mail: pyannikova_daria@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Pyannikova Daria E. – student, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University.

E-mail: pyannikova_daria@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.01.2024. Одобрена после рецензирования 01.02.2024. Принята 01.02.2024.
Received 16.01.2024. Approved after reviewing 01.02.2024. Accepted 01.02.2024.*

Научная статья
УДК: 327.3
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.8

Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА): трудности развития и пути реформ

Го Шаньшань ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ shanshan.go@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1109-4180>

***Аннотация.** Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), созданное по инициативе президента Казахстана Назарбаева Н.А. в 1992 г. за свою более чем 30-летнюю историю существования, стало платформой для диалога и многостороннего сотрудничества для государств из всех регионов Азиатского континента. На встречах глав и членов правительств стран-участников (Саммит), министров иностранных дел (Министерский совет), Комитета старших должностных лиц (КСДЛ), а также экспертов и рабочих групп обсуждается широкий круг вопросов, касающихся укрепления экономического, социального и культурного сотрудничества, обеспечения мира, безопасности и стабильности в Азиатском регионе. основополагающие документы организации: Декларация принципов, регулирующих отношения между государствами-членами СВМДА; Алма-Атинский акт; устав стали важной ступенью на пути к будущей эволюции СВМДА. Пройдя путь от неизвестного форума до важной платформы для сотрудничества и диалога в области безопасности в Азиатском регионе, организация продемонстрировала большой потенциал и широкие перспективы развития. В условиях существующей обстановки в области региональной безопасности, обеспечение длительного и стабильного развития СВМДА возможно только благодаря разумному пути реформ, соответствующей корректировке системы целей Конференции и более разумному стратегическому позиционированию форума.*

Ключевые слова: Азия; международное сотрудничество; принципы и механизмы совершенствования системы; форум

Для цитирования: Го Шаньшань. Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА): трудности развития и пути реформ // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 1. С. 123–139. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.8

© Го Шаньшань, 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327.3

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.8

Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (CICA): Development Challenges and Pathways to Reforms

Guo Shanshan ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ shanshan.go@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1109-4180>

Abstract. *The Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA) was established in 1992 on the initiative of President Nazarbayev N.A. Over its 30-year history, CICA has provided a platform for dialogue and multilateral cooperation among states from all regions of Asia. During the Summit, Ministerial Council, CSO meetings, as well as expert and working group sessions, participating countries' Heads and government members discuss a broad range of topics related to enhancing economic, social, and cultural cooperation, and promoting peace, security, and stability in the Asian region. The founding documents of CICA, namely the Declaration of Principles Governing Relations between CICA Member States and the Alma-Ata Act, as well as the CICA Charter, have been crucial in the evolution of CICA from an unknown forum to a significant platform for security cooperation and dialogue in the Asian region. CICA has demonstrated great potential and broad development prospects. In the current regional security environment, it is necessary to implement a reasonable reform path, make appropriate adjustments to the Conference's objectives, and position the forum more strategically to ensure the long-term and stable development of CICA.*

Keywords: Asia; international cooperation; principles and mechanisms for system improvement; forum

For citation: Guo Shanshan. Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (CICA): Development Challenges and Pathways to Reforms. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 1. P. 123–139. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.8

© Guo Shanshan, 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В настоящее время управление безопасностью в Азии – это тема, волнующая многие страны, которые пришли к консенсусу относительно поддержания стабильного регионального порядка, совместного преодоления рисков и решения проблем, возникающих в ходе

экономического и социального развития, на основе национального и межрегионального сотрудничества. Являясь новым полюсом глобального экономического роста, Азиатско-Тихоокеанский регион испытывает на себе влияние двух основных тенденций. С одной стороны, после окончания холодной войны азиатские страны создали «азиатское чудо», благодаря благоприятной обстановке всеобщего мира и стабильности, заложив прочный фундамент для собственного устойчивого развития. С другой стороны, условия развития Азии страдают от воздействия все более сложной ситуации в сфере безопасности, когда сталкиваются между собой проблемы «горячих точек», локальные конфликты, историческое наследие, а также переплетаются традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности [1]. На этом фоне СВМДА, созданное по инициативе Президента Казахстана Н.А. Назарбаева, постепенно привлекает внимание многих стран.

Ученые в области международных отношений провели глубокие исследования азиатских механизмов регионального диалога по безопасности, которые включают в себя развитие АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество) и Региональный форум АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии). Однако исследований, посвященных СВМДА, относительно мало. В Китае практически нет работ, посвященных этой проблеме. Следует отметить статьи Цао Цзяханя «СВМДА: возможности и вызовы для сотрудничества» (2014 г.), в которой утверждается, что сотрудничество в области безопасности является основной темой СВМДА и работу российского автора К.Н. Макашева «СВМДА как платформа азиатского диалога и безопасности» (2013 г.). Автор подчеркивает роль СВМДА как площадки для поиска консенсуса между странами-участниками Сопредседательства по самым широким вопросам взаимодействия.

В качестве цели исследования в предлагаемой публикации мы обозначили выявление особенностей этапов развития СВМДА, определение и анализ проблем дальнейшей эволюции форума, а также формирование рациональных предложений по реформированию СВМДА, исходя из текущей ситуации безопасности в Азии.

Материалы и основные результаты исследования

1992–2001 гг. – начальный этап развития СВМДА

В октябре 1992 г. на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Казахстана Назарбаев Н.А. выступил с инициативой создания СВМДА, которое должно стать международным форумом для укрепления сотрудничества в целях обеспечения мира, безопасности и стабильности в Азии [2]. Государства-члены этого форума подтверждают приверженность Уставу ООН и считают, что мира и безопасности в Азии можно достичь путем диалога и сотрудничества, ведущих к созданию общего неделимого пространства безопасности в Азии, где все государства мирно сосуществуют, а их народы живут в мире, свободе и процветании [3]. Предпосылкой для этой инициативы стало обострение проблем региональной безопасности после окончания холодной войны. В то же время, нетрадиционные проблемы безопасности, такие как международный терроризм, этнический сепаратизм и религиозный экстремизм, стали очень серьезными. Эти сложные политические проблемы и условия безопасности в мире побудили политиков задуматься о том, как способствовать формированию концепции международной безопасности нового типа и восстановить систему доверия к региональной и глобальной безопасности. В то же время, с окончанием холодной войны и широким распространением идеи «конца истории» многие азиатские страны продемонстрировали твердую уверенность в универсальности западной модели многостороннего сотрудничества. В этой оптимистичной атмосфере Казахстан надеется, что создание новых механизмов сотрудничества в области безопасности поставит его в более выгодное положение в новой системе региональной безопасности, обеспечив тем самым более стабильную среду безопасности и международный статус Казахстана.

В 1993 г. президент Казахстана развил идею создания Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Назарбаев отметил, что Азиатский регион с его внушающим населением, многочисленными этническими группами, большими религиозными и культурными различиями также является одним из регионов, где часто происходят различного рода конфликты. Эта сложная ситуация с региональной

безопасностью серьезно влияет на мир и стабильность в Азиатском регионе, значительно препятствуя экономическому развитию стран Азиатского региона. Но с существующими проблемами с безопасностью, азиатские страны не создали свой эффективный механизм сотрудничества для решения этой проблемы. Напротив, после начала двух мировых войн, в Европе в послевоенный период произошло быстрое создание эффективного политического, экономического, военного механизма сотрудничества в области безопасности – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее ОБСЕ) [4], с помощью которого европейские страны могут своевременно вступать в диалог и общаться перед лицом крупных региональных проблем, предотвращая переход к конфронтации, что играет неопределимую роль в обеспечении мира и стабильности в Европе. Таким образом, в качестве образца для создания СВМДА Назарбаев Н.А. выбрал не что иное, как авторитетное, на тот момент ОБСЕ, надеясь запустить азиатскую версию Хельсинкского процесса через создание СВМДА, что, очевидно, было сложной задачей, далеко выходящей за рамки возможностей Казахстана.

Основываясь на модели ОБСЕ, глава государства Казахстана предложил предварительный проект СВМДА с точки зрения повестки начала 1990-х годов. Хотя страны СВМДА признали необходимость создания механизма паназиатского диалога по безопасности, они разошлись во мнениях по таким ключевым вопросам, как общие угрозы для азиатских стран и конкретные условия сотрудничества в сфере безопасности. С 1992 по 2001 гг. шел длительный процесс согласования базовой концепции и институциональных рамок СВМДА.

После длительного десятилетнего периода неустанные усилия президента Казахстана Н. Назарбаева привели к успешной организации конференции в 1999 г., по итогам которой была принята первый основополагающий документ о руководящих принципах взаимоотношений между государствами-членами «Декларация о руководящих принципах отношений между государствами-членами СВМДА» [5]. В результате десятилетней кропотливой работы Декларация не имела иного выбора, кроме как приуменьшить недостаток предметного сотрудничества в области безопасности с помощью дипломатической риторики. Тем не

менее, построение СВМДА в этот период еще не получило большого внимания со стороны СМИ и ученых в азиатских странах.

2002–2013 гг. – этап создания механизма СВМДА

Из-за террористических актов 11 сентября 2001 г. первый саммит СВМДА, который первоначально планировалось провести в 2001 г., был перенесен на 2002 г. В нем приняли участие лидеры 16 азиатских стран, включая Китай, Россию, Индию, Египет, Иран, Турцию, Израиль и т.д., а представители 9 стран, таких как США, Япония, Австралия и Республика Корея и др., присутствовали в качестве наблюдателей. Большое количество стран-членов форума было высокой отправной точкой для новой международной организации, в которой доминируют страны среднего региона. Это результат многолетней напряженной работы руководства Казахстана и важное дипломатическое достижение малых и средних стран Евразийского региона в эпоху после холодной войны.

Прорыв, достигнутый СВМДА в институциональном строительстве, неразрывно связан с изменениями в ситуации с безопасностью в Азии в конце 1990-х годов и начале XX века. Инцидент «9.11», и последовавшее за ним начало войны с терроризмом во многом изменили порядок значимости вопросов безопасности в азиатском регионе, и терроризм стал важным вопросом в повестке дня безопасности азиатских стран в этот период.

Распространение терроризма представляло общую и прямую угрозу для азиатских стран, а также открывало новые возможности для продвижения азиатских механизмов сотрудничества в области безопасности. В июне 2002 г. на первом саммите СВМДА были приняты «Алма-Атинский документ» и «Декларация СВМДА об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями» [6], которые стали важными шагами для создания СВМДА. В Декларации государства-члены единодушно осудили терроризм в любой форме, обязались бороться с ним в соответствии с положениями Уставом ООН и укреплять двустороннее, многостороннее и международное сотрудничество в области безопасности для решения проблем, порождаемых терроризмом [7]. Этот первый документ о сотрудничестве в области безопасности с содержательным наполнением в рамках СВМДА, значимый не только с

точки зрения антитеррористического сотрудничества как такового, но и с точки зрения предоставления новых идей для развития форума, которому не хватало первоначального импульса.

С тех пор СВМДА сделал важный шаг на пути к созданию механизма для борьбы с терроризмом во всех его формах и проявлениях, а также для предотвращения деятельности сепаратистских и экстремистских организаций с целью обеспечения безопасности и стабильности государств-участников.

17 июня 2006 г. в Алматы состоялся второй саммит лидеров СВМДА, в котором приняли участие представители 17 стран-членов, включая Китай, Россию и Израиль, и 9 наблюдателей из США, Японии, Вьетнама, других стран и международных организаций, а также 3 приглашенные страны, включая Сингапур и Саудовскую Аравию.

На саммите была принята Декларация Второго саммита СВМДА, в которой говорится, что государства-члены СВМДА удвоят свои усилия по превращению СВМДА в форум для политического диалога путем выработки общих мер безопасности и сотрудничества на основе консенсуса. Государства-члены решительно осуждают терроризм во всех его формах и проявлениях и активизируют свои усилия по борьбе с ним на постоянной основе [8].

Еще одним важным итогом саммита стало Соглашение о Секретариате СВМДА, в соответствии с которым учреждается особая структура, что превращает первоначальное видение в реальность. Ряд положений Соглашения, таких как создание Секретариата в Алматы, бывшей столице Казахстана, и назначение Исполнительного директора сроком на четыре года по рекомендации страны-председателя Форума из числа своих граждан и на основе консенсуса министров иностранных дел стран-членов Форума, внесли большой вклад в институциональное развитие Форума [9].

Следует отметить, что Второй саммит лидеров закрепил предыдущие достижения и укрепил обмены и сотрудничество между странами-членами, а также пошел дальше в плане совершенствования институциональной структуры Конференции, расширения общих

интересов, укрепления взаимного доверия, повышения осведомленности и мотивации к сотрудничеству в области безопасности среди стран-членов.

Третий саммит СВМДА под председательством г-на Абдуллы Гюля, Президента Турецкой Республики, состоялся в Стамбуле 8 июня 2010 г. На саммите была принята Декларация «Построение совместного подхода к взаимодействию и безопасности в Азии», в которой говорится, что государства-члены будут продолжать укреплять сотрудничество в борьбе с терроризмом, продолжать сотрудничество в усилиях по денуклеаризации, а также сотрудничать в борьбе и ликвидации глобальной проблемы наркотиков во всех ее формах [10].

На саммите также была принята Конвенция о привилегиях и иммунитетах Секретариата, его персонала и представителей государств-членов Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, которая стала еще одним достижением СВМДА в области институционального строительства после подписания в 2006 г. Соглашения о Секретариате СВМДА и которая способствует более эффективному проведению работы встречи и продвигает ее дальше по пути к полноценной международной организации.

В целом, три саммита укрепили консенсус между странами-членами относительно культурного разнообразия азиатских стран, важности многостороннего подхода к решению международных проблем и актуальности таких вопросов, как терроризм и ядерная безопасность, и позволили СВМДА продолжить развитие в направлении более высокого уровня сложности и более широкого представительства.

2014 г. – настоящее время

В 2014 году в г. Шанхае (Китай) успешно прошел четвертый саммит СВМДА, который стал крупнейшим среди всех саммитов. На встрече делегаты провели углубленные дискуссии по таким темам, как доверие и сотрудничество, укрепление диалога и построение мира и стабильности в Азии, а также было достигнуто сотрудничество между странами-членами в области экономической, политической и энергетической безопасности. На встрече была принята «Шанхайская декларация», которая еще больше расширила влияние СВМДА и подтолкнула конференцию к новой вехе.

К концу 2017 г. в период своего председательства Китай учредил в рамках СВМДА «Молодежный комитет СВМДА», «Комитет бизнесменов СВМДА», и организовал масштабное тематическое мероприятие под названием «День СВМДА», в рамках которого были проведены два инаугурационных ежегодных заседания Неправительственного форума СВМДА в Пекине и организованы шесть международных круглых столов в Шанхае. Также Китай оказал поддержку странам-членам СВМДА в организации ряда учебных и экспертных форумов [11]. Вышеперечисленные мероприятия расширили содержание встреч СВМДА и предоставили странам больше платформ для диалога.

Посол Кайрат Сарибхай, генеральный секретарь СВМДА, на 3-м Форуме международного сотрудничества «Пояс и путь» в Пекине 17–18 октября 2023 г. представил текущую деятельность в рамках Делового совета СВМДА, где обсуждались вопросы развития цифровизации бизнес-процессов МСП (Малые и средние предприятия), продовольственной безопасности, «зеленых» финансов, возобновляемой энергетики, внедрения искусственного интеллекта, развития электронной коммерции, решения вопросов логистики и инфраструктуры с помощью инноваций и т.д. Подчеркнув важность обеспечения безопасной цифровой среды, Генеральный секретарь отметил, что область безопасности ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) и ее использование были включены в каталог мер укрепления доверия СВМДА и в тематические заявления глав государств и правительств [12].

За последние 30 лет СВМДА достигло быстрых и серьезных результатов: расширена сфера сотрудничества, приняты новые меры по укреплению доверия, сформирована эффективная многосторонняя международная платформа, которая играет беспрецедентную роль в продвижении взаимного доверия и сотрудничества между азиатскими странами и в поддержании региональной безопасности и стабильности. В то же время, следует отметить, что развитие СВМДА сталкивается с проблемами, такими как плюрализм и разнообразие азиатского региона, наличие исторического наследия и рыхлая организационная форма СВМДА.

Дискуссия

Проблемы развития механизма СВМДА

Неоднократно подчеркивалось, что СВМДА имеет очевидные сходства и общие ценности с ОБСЕ, среди которых, например, термин "меры доверия", который используется непосредственно в названии форума СВМДА, заимствуя концепцию "мер по укреплению доверия и безопасности" из Хельсинкского заключительного акта ОБСЕ 1975 г. Также в 2014 г. Президент Казахстана Назарбаев Н.А., отмечая общие цели организаций, выступил с предложением создать на базе СВМДА Организации по безопасности и развитию Азии (ОБРА), которая смогла бы стать своего рода аналогом ОБСЕ в Азии. Безусловно, существуют потенциал сотрудничества между двумя организациями.

Однако существуют и различия, обусловленные временем и пространством: в СВМДА отсутствуют базовые условия для развития модели ОБСЕ. Данная проблема не была учтена организаторами СВМДА, что стало основной причиной трудностей в продвижении предконсультационного процесса СВМДА в 1990-е годы.

Модель ОБСЕ основана на биполярной модели, ее рамки охватывают две параллельные системы с твердой идентичностью и равномерным распределением сил, а также четко определены угрозы безопасности, которые необходимо устранять. Однако в азиатском пространстве после холодной войны, где биполярная структура полностью распалась, целостные угрозы безопасности исчезли, а старые модели идентичности распались. На новый многовариантный механизм безопасности возложена более сложная задача – не только постепенно формировать общую идентичность в процессе общения и диалога, но и обеспечивать условия для укрепления межрегиональных учений и добиваться установления нового регионального порядка. Поэтому, хотя и СВМДА, и ОБСЕ формально нацелены на создание многостороннего механизма безопасности, их внутренние механизмы и цели сильно отличаются.

В то же время СВМДА сталкивается с рядом проблем и препятствий в процессе продвижения, как международной организации форумного типа. Страны-члены и страны-наблюдатели СВМДА охватывают весь

азиатский континент – от Восточной Азии до Западной Азии, от Дальнего Востока России до Юго-Восточной Азии и Южной Азии, и между ними существуют большие различия в истории, культуре, обычаях, идеологии, политических системах, уровнях социального развития и геополитическом окружении. Такое разнообразие позволяет странам СВМДА не только иметь различные интересы в сфере безопасности, но и расходиться в приоритетах в области сотрудничества СВМДА в сфере безопасности [13]. Например, страны Ближнего Востока рассматривают израильско-палестинскую проблему как основу регионального мира, страны Центральной Азии обеспокоены побочным эффектом ситуации в Афганистане на региональную безопасность и стабильность, а некоторые страны Восточной Азии больше озабочены проблемами безопасности, возникающими из-за споров о морских правах и интересах, страны Ближнего Востока больше обеспокоены распространением терроризма и религиозного экстремизма, страны Центральной Азии – незаконным оборотом наркотиков, транснациональной преступностью и использованием водных ресурсов, а страны Юго-Восточной Азии – предотвращением и смягчением последствий стихийных бедствий и изменением климата [14].

Таким образом, очевидно, что страны СВМДА, сталкиваясь с общими проблемами безопасности, должны также решать проблемы локального характера. Реализация всех инициатив форума основана на добровольном участии стран-членов и стран-наблюдателей, и фрагментация вопросов безопасности легко приведет к тому, что цели и задачи форума будут прагматичными, а меры по укреплению доверия будут лишены конкретного содержания, что, в свою очередь, приведет к значительному сокращению реализации многосторонних мер по укреплению доверия и медленному продвижению прагматичного сотрудничества. Поиск общих и всеобъемлющих требований к безопасности среди разнообразных потребностей в области безопасности и обеспечение максимальной инклюзивности – задачи, которые СВМДА, по нашему мнению, должны решить в ближайшем будущем.

Следует отметить, что на протяжении более чем 30 лет в рамках СВМДА действует ряд механизмов сотрудничества в области

безопасности, включая механизм принятия решений, состоящий из саммитов глав государств и правительств, встреч министров иностранных дел и заседаний Комитета старших должностных лиц один или несколько раз в год каждые четыре года; рабочий механизм, состоящий из заседаний специальных рабочих групп и встреч экспертов. Однако существующие институциональные механизмы не в полной мере гарантируют практическое достижение целей сотрудничества в области безопасности, что заставляет усомниться в эффективности СВМДА и даже в необходимости его существования. Кроме того, в процессе развития СВМДА Казахстан внес большой вклад, также, как и Турция приложила значительные усилия для СВМДА во время своего председательства, но этот эффект «маленькой тележки, запряженной лошадей» постепенно ослабевает спустя 30 лет, поэтому главной задачей для СВМДА стало реализовать роль основных стран и способствовать наращиванию их потенциала.

Путь реформ механизма СВМДА

После более чем 30 лет развития СВМДА сталкивается с двойными вызовами, связанными со строительством механизма и трансформационным развитием. Будучи одним из немногих паназиатских механизмов безопасности, все еще действующих в Азиатском регионе, развитие СВМДА вряд ли было гладким. Шаблон, по которому оно создавалось, не мог быть адаптирован к испытаниям азиатской среды безопасности, и с момента создания форума пришлось столкнуться с различными проблемами. Благодаря усилиям, сменявших друг друга председателей, удалось воспользоваться благоприятной возможностью изменений в повестке дня азиатской безопасности, чтобы совершить прорыв в вопросах нетрадиционной безопасности, создать базовые рамки механизма СВМДА и добиться значительных прорывов в истории развития Конференции. Однако, поскольку такой подход к созданию механизма позволил эффективно обойти основные противоречия в сфере безопасности на азиатском пространстве, он также серьезно ограничил пространство для развития механизма СВМДА. Поэтому поиск подходящего пути реформирования механизма СВМДА приобрел

решающее значение для определения перспектив его дальнейшего развития.

Для укрепления механизмов СВМДА, по нашему мнению, необходимо начать со следующих аспектов: во-первых, реализовать меры по укреплению доверия и планы действий в области безопасности, и добиться более конкретных результатов; во-вторых, сосредоточиться на вопросах, представляющих общий интерес для государств-членов, и как можно скорее определить приоритетные области сотрудничества; в-третьих, в полной мере использовать особую руководящую роль Действующего председателя СВМДА и синергию основных государств-членов.

Судя по развитию СВМДА, лидерство Действующего председателя играет особую роль в продвижении сотрудничества в области безопасности, а активное участие основных государств-членов также имеет положительное значение для реализации многостороннего сотрудничества. В то же время, региональное сотрудничество в рамках СВМДА должно осуществляться под руководством крупных держав, но при этом необходимо поддерживать взаимодействие с другими региональными механизмами, особенно с ШОС (Шанхайской организацией сотрудничества), ОДКБ (Организацией Договора о коллективной безопасности) и Региональным форумом АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), а также укреплять связь с крупными экстерриториальными силами, такими как США и Европейский Союз, чтобы добиться большего признания.

Заключение

За более чем 30 лет своего развития СВМДА подписала и опубликовала ряд документов и деклараций, изучение которых показывает, что СВМДА провело ряд мероприятий, сосредоточенных на темах безопасности, мира и развития, и сыграло уникальную роль в укреплении взаимопонимания и доверия между ее государствами-членами и в содействии безопасности и стабильности в Азии. В новый исторический период ситуация с безопасностью в Азии стала более сложной, и государства-члены форума предъявляют более высокие требования к сотрудничеству в области безопасности. Однако необходимо

учитывать и ту объективную реальность, что страны-члены и страны-наблюдатели СВМДА охватывают подавляющее большинство азиатских стран, а страны и регионы по-разному воспринимают конкретные вызовы безопасности и сильно различаются в интересах безопасности, что приводит к ограничению возможностей по принятию и реализации решений, к ограниченному прогрессу в прагматическом сотрудничестве, укреплению связи и сотрудничества между государствами-членами в области безопасности.

Поэтому необходимо укреплять связь и сотрудничество между государствами-членами в области безопасности, соответствующим образом корректировать систему целей для развития СВМДА, придать СВМДА более разумное стратегическое позиционирование и ускорить наращивание институционального потенциала СВМДА. Ожидается, что благодаря этим мерам будут укреплены обмены и сотрудничество в области безопасности между государствами-членами СВМДА, чтобы они могли совместно решать проблемы безопасности в Азиатском регионе и вносить вклад в построение мирной, стабильной и процветающей Азии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ячжоу сян ху сецзо юй синьжэнь цоши хуэйи ди сы цы фэнхуэй шанхай сюаньянь 亚洲相互协作与信任措施会议第四次峰会上海宣言 [Шанхайская декларация четвертого саммита Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии] // Чжунго вайцзяо бу ванчжань 中国外交部网站 [Сайт Министерства иностранных дел Китая]: [сайт]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/ziliao_611306/zt_611380/dnzt_611382/yxhy667356/zxxx/t1158307.shtml (дата обращения: 12.11.2023).
2. Доклад Президента Республики Казахстан на 47 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 5 октября 1992 года. Нью-Йорк: [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30006963 (дата обращения: 20.11.2023).
3. О СВМДА // CICA: [сайт]. URL: <https://www.s-cica.org/ru/index.php?view=about> (дата обращения: 12.11.2023).
4. Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-148. [эл. доступ]. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/226/1/fukujama.pdf> (дата обращения: 20.11.2023).
5. Ясинь хуэйи гуаньфан ванчжань 亚信会议官方网站 [Официальный сайт СВМДА]: [сайт]. URL: <https://www.s-cica.org/ru/> (дата обращения: 09.01.2024).
6. Ячжоу сян ху сецзо юй синьжэнь цоши хуэйи лицзе фэнхуэй хэ вайчжан хуэйи 亚洲相互协作与信任措施会议,历届峰会和外交会议 [Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, саммиты и встречи министров иностранных дел] // Чжунго вайцзяо бу ванчжань 中国外交部网站 [Сайт Министерства иностранных дел Китая]: [сайт]. URL:

- https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/dozys_673577/dqzzyoys_673581/yzxhxz_673597/gk_673599 (дата обращения: 12.11.2023).
7. Декларация СВМДА об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями [эл. доступ]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sovesanie-rovzaimodejstviu-i-meram-doveria-v-azii-svmda-/1678276/ (дата обращения: 22.11.2023).
8. Декларация Второго саммита Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. 19.06.2006 // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1679419/ (дата обращения: 25.12.2023).
9. Соглашение о Секретариате Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (подписано Министрами иностранных дел в ходе 2-го саммита СВМДА в Алма-Ате 17 июня 2006 г.) // Информационно-правовой портал Гарант.ру: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70201670/> (дата обращения: 23.12.2023).
10. Третий Саммит СВМДА // СІСА: [сайт]. URL: <https://www.s-cica.org/ru/index.php?view=page&t=third-summit> (дата обращения: 23.12.2023).
11. Вайцзяо бучан вань и цзешао ясинь вайчжан хуэйи гунши хэ чэнго 外交部长王毅介绍亚信外长会议共识和成果 [Ван И представил консенсус и итоги встречи министров иностранных дел стран СВМДА] // Чжунго вайцзяо бу ванчжань 中国外交部网站 [Сайт Министерства иностранных дел Китая]: [сайт]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbz_673089/xghd_673097/201604/t20160428_7475361.shtml (дата обращения: 12.12.2023).
12. Генеральный секретарь СВМДА принял участие в третьем Форуме международного сотрудничества «Один пояс, один путь» в г. Пекин // СІСА: [сайт]. URL: https://www.s-cica.org/ru/index.php?view=page&t=press_releases&id=1851 (дата обращения: 12.11.2023).
13. Цян Сяюнь 强晓云, Цуньань цюань линянь дэ яньбянь кань ясинь хуэйи куанцзя ся дэ аньцюань хэцзо 从安全理念的演变看亚信会议框架下的安全合作 [Взгляд на сотрудничество в сфере безопасности в рамках Конференции СВМДА с точки зрения эволюции концепций безопасности] // Гоцзи Чжаньван 国际展望 [Международные перспективы]. 2015. №. 4. С. 48–49.
14. Ячжоу сян ху сецзо юй синьжэнь цоши хуэйи хуэйгу юй цянчжань 亚洲相互协作与信任措施会议:回顾与前瞻 [Конференция по взаимодействию и мерам доверия в Азии: обзор и перспективы]. 16.01.2014 // Шанхай гоцзи вэньти янь цзю юань 上海国际问题研究院 [Шанхайский институт международных исследований]: [сайт]. URL: <https://www.siiis.org.cn/yjbg/1571.jhtml> (дата обращения: 13.01.2024).

REFERENCES

1. Yazhou xiang hu xiezuo yu xinren cuoshi huiyi di si ci fenghui shanghai xuanyan 亚洲相互协作与信任措施会议第四次峰会上海宣言 [Shanghai Declaration of the Fourth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia]. *Zhongguo waijiao bu wangzhan* 中国外交部网站 [Chinese Ministry of Foreign Affairs Website]. Available at http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/ziliao_611306/zt_611380/dnzt_611382/yxhy667356/zxxx/t1158307.shtml (accessed: 12.11.2023). (In Chinese).
2. Doklad Prezidenta Respubliki Kazakhstan na 47 sessii Generalnoy Assamblei OON [Report of the President of the Republic of Kazakhstan at the 47th session of the UN General Assembly].

- 05.10.1992. New York. Available at https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30006963 (accessed: 20.11.2023). (In Russian).
3. O SVMDA. CICA. Available at <https://www.s-cica.org/ru/index.php?view=about> (accessed: 12.11.2023). (In Russian).
4. Fukujama F. Konec istorii [The End of History]. *Voprosy filosofii*. 1990. № 3. P. 134–148. Available at <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/226/1/fukujama.pdf> (accessed: 20.11.2023). (In Russian).
5. Yaxin huiyi guanfang wangzhan 亚信会议官方网站 [Official website of CICA]. Available at <https://www.s-cica.org/ru/> (accessed: 09.01.2024). (In Chinese).
6. Yazhou xiang hu xiezuoyu xinren cuoshi huiyi, lijie fenghui he waizhang huiyi 亚洲相互协作与信任措施会议, 历届峰会和外长会议 [Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia, Previous Summits and Foreign Ministers' Meetings]. *Zhongguo waijiao bu wangzhan* 中国外交部网站 [Chinese Ministry of Foreign Affairs Website]. Available at https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/dozys_673577/dqzzyos_673581/yzx_hxz_673597/gk_673599 (accessed: 12.11.2023). (In Chinese).
7. Deklaratsiya SVMDA ob ustraneniiterrorizma i sodeystvii dialogu mezhdutsivilizatsiyami». [CICA Declaration on the Elimination of Terrorism and the Promotion of Dialogue among Civilizations]. Available at https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sovesanie-po-vzaimodejstviu-i-meram-doveria-v-azii-svmda-/1678276/ (accessed: 22.11.2023). (In Russian).
8. Deklaratsiya Vtorogo sammita Soveshchaniya po vzaimodeystviyu i meram doveriya v Azii [Declaration of the Second Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia]. *Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii*. Available at https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1679419/ (accessed: 23.11.2023). (In Russian).
9. Soglasheniye o Sekretariate Soveshchaniya po vzaimodeystviyu i meram doveriya v Azii. [Agreement on the Secretariat of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia]. *Informaciono-pravovoj protal Garant.ru*. Available at <https://base.garant.ru/70201670/> (accessed: 26.11.2023). (In Russian).
10. Tretiy Sammit SVMDA [Third CICA Summit]. CICA. Available at <https://www.s-cica.org/ru/index.php?view=page&t=third-summit> (accessed: 26.11.2023). (In Russian).
11. Waijiao buzhang wang yi jieshao yaxin waizhang huiyi gongsho he chengguo 外交部长王毅介绍亚信外长会议共识和成果 [Foreign Minister Wang Yi introduced the consensus and outcomes of the CICA Foreign Ministers' Meeting]. *Zhongguo waijiao bu wangzhan* 中国外交部网站 [Chinese Ministry of Foreign Affairs Website]. Available at https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbz_673089/xghd_673097/201604/t20160428_7475361.shtml (accessed: 12.12.2023). (In Chinese).
12. General'nyj sekretar' SVMDA prinjal uchastie v tret'em Forume mezhdunarodnogo sotrudnichestva «Odin pojas, odin put'» v g. Pekin [CICA Secretary General took part in the third Forum of International Cooperation “One Belt, One Road” in Beijing]. CICA. Available at https://www.s-cica.org/ru/index.php?view=page&t=press_releases&id=1851 (accessed: 12.11.2023) (In Russian).
13. Qiang Xiaoyun 强晓云. Cong anquan linian de yanbian kan yaxin huiyi kuangjia xia de anquan hezuo 从安全理念的演变看亚信会议框架下的安全合作 [Security

Cooperation within the Framework of CICA Conference from the Point of View of the Evolution of Security Concepts]. *Guoji zhanwang* 国际展望 [*International Perspectives*]. 2015. №. 4. P. 48–49. (In Chinese).

14. Yazhou xiang hu xiezuozuo yu xinren cuoshi huiyi: Huigu yu qianzhan 亚洲相互协作与信任措施会议:回顾与前瞻 [Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia: Review and Outlook]. 16.01.2014. *Shanghai guoji wenti yan jiu yuan* 上海国际问题研究院 [*Shanghai Institute of International Studies*]. Available at <https://www.siiis.org.cn/yjbg/1571.jhtml> (accessed: 13.01.2024). (In Chinese).

Сведения об авторах / Information about authors

Го Шаньшань – аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: shanshan.go@bk.ru; ORCID: 0000-0003-1109-4180

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Guo Shanshan – Postgraduate student, Higher School of International Relations, Humanitarian Institute, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: shanshan.go@bk.ru; ORCID: 0000-0003-1109-4180

Author declares no conflict interests.

*Статья поступила в редакцию 16.02.2024. Одобрена после рецензирования 02.03.2024. Принята 04.03.2024.
Received 16.02.2024. Approved after reviewing 02.03.2024. Accepted 04.03.2024.*

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

научная статья
УДК: 913
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.9

Исследование Арктики китайскими учеными (исторический аспект)

Цуй Лун ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

✉ tsuj_1@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5342-8495>

***Аннотация.** Внимание Китая к изучению Арктики возникло в 1925 г., когда страна присоединилась к «Шпицбергенскому трактату». Участие в исследовании Арктики для Китая определялось второй и третьей статьёй договора, по ним страна могла вести научную деятельность в прилегающих водах Шпицбергена. Первые исследования Нового Китая начались с 1950-х годов, первые научные проекты по исследованию Арктики с 1980-х годов. В это время был создан «Национальный комитет КНР по экспедициям в Арктику», «Институт полярных исследований» в Шанхае. Начало политики открытости и реформ, провозглашенной Дэн Сяопином, открыла новую страницу научных исследований Китаем севера Азии. Начиная с 1990-х годов, разрабатываются первые китайские научные программы с участием иностранных партнеров. Активно в научную деятельность включается Китайская академия наук и подчиненные ей научные учреждения: Институт аэрофизики, Институт географических наук и природных ресурсов, Институт океанологии и др. Важным событием для развития научных исследований в Арктике стало вхождение Китая в 2013 г. в Арктический Совет на правах наблюдателя. К 2018 г. Китаем было проведено девять арктических экспедиций, их целью было изучение таяния льдов и их последствия для климатической системы мира, а также влияние арктического климата на Китай. Был проведен мониторинг наличия пластиковых отходов в Арктике. В начале нового тысячелетия КНР рассматривает Арктику как важнейший регион геополитического и геостратегического характера, для своего дальнейшего логистического и экономического развития.*

Ключевые слова: Арктика; Китай; история арктических исследований; арктическая наука; китайские научные исследования в Арктике; научные экспедиции

Для цитирования: Цуй Лун. Исследование Арктики китайскими учеными (исторический аспект) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 1. С. 140–153. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.9

© Цуй Лун, 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 913

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.9

Chinese Research on the Arctic (Historical Aspect)

Cui Long ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ tsuj_1@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5342-8495>

Abstract. *China's commitment to Arctic exploration began in 1925, when the country joined the Svalbard Treaty. China's participation in Arctic exploration was defined by the second and third articles of the treaty, which allowed the country to conduct scientific activities in the adjacent waters of Svalbard. The first New China investigations began from the 1950s, the first scientific projects to explore the Arctic from the 1980s. At that time, the "National Committee of the People's Republic of China for Expeditions to the Arctic" and the "Institute of Polar Research" were created in Shanghai. The reforms and the advanced stance proclaimed by Deng Xiaoping established a new era in China's scientific research of northern Asia. Since the 1990s, the first Chinese scientific programs have been developed with the foreign partners' participation. The Chinese Academy of Sciences and its subordinate scientific institutions are actively involved in scientific activities: the Institute of Aerophysics, the Institute of Geographical Sciences and Natural Resources, the Institute of Oceanology, etc. An important event for the development of scientific research in the Arctic was the entry of China in 2013 into the Arctic Council as an observer. By 2018, China has conducted nine Arctic expeditions, their purpose was to study the ice melting and its consequences for the world's climate system, as well as the impact of the Arctic climate on China. The presence of plastic waste in the Arctic was monitored. Since the beginning of the new millennium, the PRC has considered the Arctic as the most important geopolitical and geostrategic region for its further logistical and economic development.*

Keywords: Arctic; China; history of arctic exploration; Chinese scientific research in the Arctic; scientific expeditions

For citation: Cui Long. Chinese Research on the Arctic (Historical Aspect). *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 1. P. 140–153. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.9

© Cui Long, 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В Париже 9 февраля 1920 г. был подписан «Шпицбергенский трактат», главной задачей которого стало определение международно-правового статуса архипелага [1]. По данному документу полный суверенитет устанавливался Норвегией над островом Шпицберген. Страны, подписавшие трактат, получали полное право на использование

естественных ресурсов, а также территориальных вод Шпицбергена. Договор подписали 9 стран, и 6 сентября 1924 г. он вступил в силу.

В 1925 г. к договору присоединился Китай, что позволяло ему вести коммерческую деятельность на архипелаге. Страна получила равные права, наряду с подписавшими ранее договор государствами, а именно к торговой деятельности, горнодобывающей промышленности, а также к определенным исследовательским видам деятельности в водах Шпицбергена. Для участия Китая в исследованиях Арктики большое значение имел «Договор о Шпицбергене» (ст. 2 и 3) [2]. В указанных статьях предусматривалась реализация научной деятельности в прилегающих водах архипелага.

Однако научные права на изучение и разработку опытно-конструкторских исследований ограничивались определенными условиями. Такое положение сформировало основу для создания станции «Хуанхэ», которая стала первой исследовательской станцией Китая в Арктике с основания Нового Китая [3].

Российская историография изучения деятельности Китая в Арктике представлена большим количеством публикаций. Среди последних исследований следует назвать работы: В.С. Ягья, Н.К. Харламповеой, М.Л. Лагутиной [4], А.И. Лабюка [5], М.Ю. Гутенева [6], А.А. Забеллы [7], Е.В. Киенко [8], Цуй Луна [9]. В этих работах рассматривается общая картина политики Китая в Арктическом регионе. Задачей данной статьи является анализ истории политики Китая в Арктике, начиная с 1980-х годов до 2018 г., года выпуска «Белой книги по арктической политике».

Материалы и результаты исследования

Первые серьезные исследования Арктики начались в Китае в 1950-х годах. Гао Шилю, научный сотрудник Уханьского института геодезии и картографии, стал первым из китайцев, достигшим Северного полюса земли. Его задачей было проведение геомагнитной съемки [10, с. 36].

Первыми научными изучениями стало заниматься государственное учреждение – «Национальный комитет КНР по экспедициям в Арктику», созданный в 1981 г. [11]. После начала политики открытости и реформ Дэн Сяопина завязалось активное сотрудничество КНР с другими странами в Арктической зоне. Важным событием для плодотворного сотрудничества

явились «Мурманские инициативы», озвученные М.С. Горбачевым в 1987 г., которые и определили вектор улучшения между Западом и Востоком на Севере.

Первым исследовательским институтом по изучению Арктики стал созданный в 1989 г. «Институт полярных исследований», вошедший в подчинение Министерства природных ресурсов КНР, созданный в Шанхае. Институт получил право на проведение крупных комплексных исследований по Арктическому региону. Перед институтом была поставлена задача – осуществлять координацию национальных исследований в полярных широтах, а также их финансирование. Важным направлением института стала проверка функционирования важнейших объектов инфраструктуры, задействованных в научно-исследовательской деятельности, а именно ледоколы, научные полярные станции и др.

Институт организует полярные экспедиции CHINARE (Chinese National Arctic Research Expedition), их материалы и результаты поступают в «Китайский информационный центр арктических и антарктических исследований», в котором проходит систематизация, а также хранение полученных материалов [11, с. 283]. Институт выступает как объединяющее звено государственных организаций и научно-исследовательских учреждений Китая [12]. Таким образом, задачи института сводятся к следующему: «всеобъемлющие исследования Арктики и Антарктики: политика, право, безопасность, общество, окружающая среда, экономика, полярная стратегия и полярная политика КНР» [13].

С немецкими университетами г. Бремена и г. Киля, Китай в 1992 г. разработал первую программу научных исследований, в Северо-Ледовитом океане, рассчитанную на пять лет. По этой программе была проведена первая арктическая экспедиция в 1999 г. Ее целью стало изучение атмосферы, биологии, ледяного покрова, океанографии. Для проведения данной научной экспедиции, китайское правительство в 1994 г. купило ледокол «Снежный дракон», самый большой неатомный ледокол в мире [14, с. 81–82]. Китайской Народной Республикой был разработан свой проект «Арктическая экспедиция», целью которого стало проведение

научной экспедиции в Арктике, на собственном ледоколе для постоянной работы китайской действующей полярной станции [15].

Научно-исследовательские работы в Арктике ведут институты, относящиеся к Китайской Академии Наук, а сама Академия имеет статус министерства: Институт аэрофизики, Институт географических наук и природных ресурсов, Институт океанологии и др. Исследованиями в социальной сфере занимаются институты, входящие в Китайскую Академию Общественных Наук, которая в свою очередь подчиняется Государственному совету Китайской Народной Республики. Главным институтом в этом направлении выступает Шанхайский институт международных исследований [16]. Основное направление исследований института – проблемы международного управления Арктикой – долгое время курировал профессор Ян Цзянь [17].

Китайский институт морских исследований, созданный в 1987 г., входящий в структуру Государственной океанической администрации Китайской Народной Республики, главное внимание уделяет изучению социальных вопросов и правовых аспектов региона.

Большой вклад в исследование Арктики вносят китайские университеты, находящиеся в прибрежных городах. В городе Циндао расположен Океанический университет, главной научной задачей которого является изучение океанографии и рыболовства. В составе университета в 2010 г. открылся «Научный центр полярного права и политики». В центре внимания Даляньского университета морских исследований анализируются актуальные вопросы в области океанологии и судоходства. Вопросы, связанные с общественными науками, находятся в центре внимания Нанкинского и Уханьского университетов. Арктические исследования получили детализацию и конкретизацию в университетах г. Шанхая: Фуданьский университет, Университет Тунцзи, Университет политологии и права, Университет транспорта и др. [18].

В 1996 г. в Оттаве восемь арктических стран подписали Оттавскую декларацию [18]. Подписание декларации стало основой для создания Арктического Совета [19]. Целью организации стала координация, разработка правовых отношений между членами организации в Арктике. Желание войти в эту организацию изъявили и неарктические страны,

одной из таких стран была и Китайская Народная Республика. Свое желание Китай обнаружил в 2007 г., через Государственную администрацию по вопросам океанов КНР: «Китай – великая нация, и он готов, в интересах человечества и всего мира, внести свой вклад в исследование, развитие и использование Арктики» [20].

Первый раз Китайская Народная Республика подала заявку о приеме в Арктический Совет в качестве наблюдателя в 2009 г. [21]. Однако заявка не получила положительного отклика, поскольку против участия Китая выступила Норвегия, а требовалось единогласное голосование всех членов Арктического Совета [4, с. 45]. Китай продолжил попытки войти в Арктический Совет, главным аргументом было реальное участие страны в изучении Арктики.

Два подразделения: Управление Арктики и Антарктики [22] и Институт по изучению полярных территорий [23], начали несколько научно-исследовательских проектов, связанных с Арктикой [24, с. 5]. Следует отметить методы, к которым прибегал Китай для своего принятия в Арктический Совет. Во-первых, Китай принимал активное участие в работе конференций, проводимых министерствами стран Арктического Совета [25]. Во-вторых, была организована серия визитов представителей КНР в Арктический Совет по вопросам международных отношений [26, с. 12]. Во время своего визита в Скандинавские страны в 2012 г. премьер государственного Совета Вэнь Цзябао принял самое активное участие в вопросе членства Китая в Арктическом Совете [27].

Вся эта активная и разносторонняя деятельность Китая способствовала тому, что в 2013 г., в принятой Декларации саммита Арктического Совета страна была принята в число наблюдателей [28]. Статус наблюдателя неарктического государства позволяет участвовать в заседаниях Арктического Совета, быть членом рабочих групп, выступать с проектами.

На основании Договора 1920 г. о Шпицбергене, КНР открыла в 2004 г. на правах аренды у Норвегии в Нью-Олессун, научную станцию. Это была первая китайская арктическая станция – «Хуанхэ». В ее деятельность входил анализ метеоусловий арктического региона, в частности состояние

ледников, проведение подводных исследований с использованием китайского робота «Арктика» [29, с. 41–42].

Правительство Китая в 2006 г. выделило 70 млн. долларов Институту полярных исследований КНР и Управлению Арктики и Антарктики для исследований Арктического региона [30, с. 556]. Этими институтами в период с 1985 по 2012 гг. было организовано 28 арктических научных экспедиций [14, с. 82].

В 2008 г. Китай провел третью национальную полярную экспедицию (CHINARE). Главной задачей экспедиции было изучение изменения климата в Арктике и его влияние на климат в Китае. Китайские исследователи в течение трех месяцев зимой 2007–2008 гг. участвовали в канадской экспедиции на ледоколе «Амундсен». Совместно с американскими исследователями китайские ученые изучали Баренцево море в 2007, 2008, 2009 годах [30, с. 560].

Запланированная на 2009 г., четвертая экспедиция в Арктику, состоялась только в 2010 г., целью которой было изучение таяния льдов и их влияние на мировой климат. Было установлено, что образующиеся воздушные потоки в Арктике, влияют на климат в Китае [31]. На китайском ледоколе «Снежный дракон» была организована научная станция с целью изучения биологических существ, находящихся ниже 3 тысяч метров [30, с. 557].

В 2011 г. китайским правительством было выделено 5 млн. евро для строительства ледокола и одновременно научно-исследовательского судна «Сюэлун-2». Судно было введено в 2019 г. в эксплуатацию. Это был совместный проект, в котором участвовали китайская государственная судостроительная корпорация и частная финская компания «Acer Arctic». Судно предназначалось для исследования магнитной и сейсмической обстановки, мониторинга климата, морской геологии и гравитации [32, с. 25].

В 2012 г. состоялась пятая научно-исследовательская экспедиция Китая. В ней принял участие ледокол «Сюэлун», достигший Баренцева моря, пройдя по Северному морскому пути. Это был первый в истории проход китайского судна [11, с. 286]. Средства массовой информации Китая назвали его: «открытием морского пути из Азии в Европу» [29, с. 25]. Китайская контейнеровозная компания COSCO Group совершила в

2018 г. через Арктику восемь транзитных маршрутов между Китаем и Европой.

Восьмая арктическая экспедиция Китая, прошедшая в 2017 г., позволила впервые провести мониторинг пластиковых отходов в Арктике. Мониторинг позволил получить данные о загрязненности Арктического региона и разработать методы борьбы с загрязнением [33]. Результаты экспедиции позволили китайскому правительству объявить о ежегодном проведении аналогичных научно-исследовательских мероприятий [29, с. 44].

В 2018 г. совместно с Исландией Китай открыл научную обсерваторию CIARO (China Iceland Arctic Research Observatory). Перед обсерваторией стояла задача по исследованию дистанционного спутникового зондирования изменения климата [34, с. 34].

Стартовавшая летом 2018 г. девятая китайская арктическая экспедиция ставила задачу тестирования станции беспилотников. Это тестирование стало необходимым для проведения научных исследований Арктического региона. Для проведения длительных онлайн наблюдений за атмосферой, морскими льдами, верхним водным слоем Ледовитого океана [35].

Заключение

Можно выделить два основополагающих этапа в развитии китайских исследований в Арктике:

Первый период: 1980–90-е годы, который характеризовался началом исследований Арктики: были проведены первые научные экспедиции, организованы первые научно-исследовательские институты по изучению Арктики.

Второй период: 2000–2018 гг. В это время появляются первые самостоятельные научные арктические проекты. Китай входит в научные международные центры по изучению Арктики. Формируется кадровый и технологический потенциал для разработки высокотехнологических научных проектов.

За последние десятилетия XX века страна превратилась, в активно развивающую научную державу по освоению Арктического региона. В начале нового тысячелетия КНР рассматривает Арктику как важнейший регион геополитического и геостратегического характера для своего дальнейшего логистического и экономического развития. Китай за

короткий срок создал собственную инфраструктуру в Арктике, провел научные исследования на базе своих морских судов – «Сюэлун» и «Сюэлун-2», создал полярную станцию «Хуанхэ».

Китайская Народная Республика активно инвестирует в научные арктические программы, что позволяет осуществить десятки исследовательских экспедиций и способствует росту геополитических и экономических амбиций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Договор о Шпицбергене от 9 февраля 1920 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038168> (дата обращения: 03.01.2024).
2. Договор о Шпицбергене от 9 февраля 1920 г. // Гарант.ру. Информационно-правовой портал: [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/2540212/> (дата обращения: 05.01.2024)
3. Харлампьева Н.К. Эволюция понятия «Арктика» // Наука и образование. 2014. № 3. С. 5–8.
4. Ягья В.С., Харлампьева Н.К., Лагутина М.Л. Арктика – новый регион внешней политики Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 43–52.
5. Лабюк А.И. Политика КНР в Арктическом регионе: государственные и коммерческие проекты // Россия и АТР. 2016. № 1(91). С. 96–106.
6. Гутенев М.Ю. «Мягкие механизмы» реализации арктической стратегии Китая // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 4. С. 147–154.
7. Забелла А.А. Цели и интересы Китая в Арктике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 166–175.
8. Киенко Е.В. Международно-правовые основы сотрудничества Китая с арктическими государствами // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 64–68.
9. Лун Цуй. Китайско-российское сотрудничество в Арктике (по материалам российской печати) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 43–57.
10. Ван Чуаньсин 王传兴. Чжунго дэ бэйцзи шиу цаньюй юй бэйцзи чжаньлюэ чжидин 中国的北极事务参与与北极战略制定 [Участие Китая в арктических делах и формирование арктической стратегии] // Жэньминь луньтань сюэшу цянъянь 人民论坛学术前沿 [Народный форум «Академические рубежи»]. 2017. С. 30–37.
11. Филиппова Л.В. Научный потенциал Китая в Арктике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24. № 24. С. 279–295.
12. Петровский В.Е. Политика Китая в Арктике // Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад № 26/2016. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. С. 17–30.
13. Tongji University. (n.d.) Center for Polar and Oceanic Studies. [Online] Available at <https://spsir.tongji.edu.cn/spsiren/f5/be/c18866a193982/page.htm> (accessed: 24.06.2022).

14. Alexeeva, O.V., Lasserre, F. China and the Arctic // Arctic Yearbook. 2012. P. 80–90. Available at https://www.researchgate.net/publication/259042084_China_and_the_Arctic (accessed: 10.01.2024).
15. Карлусов В.В. Арктический вектор глобализации Китая. 15.03.2012 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkticheskiy-vektor-globalizatsii-kitaya/> (дата обращения: 15.01.2024).
16. Журбей Е.В. «Мозговые центры» и внешняя политика Китайской Народной Республики: история вопроса // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2 (17). С. 164–173.
17. Авхадеев В.Р. Механизм международного сотрудничества по проблемам Арктики: развитие на современном этапе и в перспективе // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 332–353.
18. Declaration on the Establishment of the Arctic Council. Joint Communique of the Governments of the Arctic Countries on the Establishment of the Arctic Council. September 19, 1996. Ottawa, Canada. Available at chrome-extension://efaidnbnmnibpcajpcglclefindmkaj/http://library.arcticportal.org/1270/1/ottawa_decl_1996-3.pdf (accessed: 07.01.2024).
19. Барамидзе Д.Д. Международное экологическое сотрудничество в Арктике // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и Право». 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 98–101.
20. Гоцзя хайян цзюй цзиди каоча баньгунши юй югуань гоцзя цзиди цзигуо цяншун шуанбянь хэцзо лянцзе бэйванлу 国家海洋局极地考察办公室与有关国家极地机构签署双边合作谅解备忘录 [Управлением полярных экспедиций Государственной океанической администрации подписан меморандум о взаимопонимании по двустороннему сотрудничеству с полярными ведомствами соответствующих стран]. 25.05.2017 // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуньян жэньминь чжэнфу 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]: [сайт]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-05/25/content_5196866.htm (дата обращения: 12.01.2024).
21. Муратшина К.Г., Иванова А.Е. Политика Китая в Арктическом Совете // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 120–128.
22. Chinese Arctic and Antarctic Administration (CAA), China. Available at <https://nyalesundresearch.no/members/chinese-arctic-and-antarctic-administration-caa-china/> (accessed: 13.01.2024).
23. Polar Research Institute of China. Available at <https://en.pric.org.cn/> (accessed: 07.01.2024).
24. Jakobson, L. China Prepares for an Ice-Free Arctic // SIPRI Insights on Peace and Security. 2010. № 2. Available at <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/insight/SIPRIInsight1002.pdf> (accessed: 08.01.2024).
25. Arctic Council 7th Ministerial Meeting. Nuuk, Greenland. 12 May 2011. List of Participants // Arctic Council official website. 2011. Available at https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1608/list_of_participants_web.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 01.05.2022).

26. Arctic Council Secretariat Annual Report 2013 // Arctic Council Secretariat Available at <https://oaarchive.arctic-council.org/items/b88aebab-6b46-4312-925e-d1d37f7f4567> P. 10-12. (accessed: 01.05.2022).
27. More Chinese pressure on Arctic Council. 17.04.2012 // Barents Observer. Available at <http://barentsobserver.com/en/arctic/more-chinese-pressure-arctic-council>. (accessed: 19.03.2022).
28. Kiruna Declaration. Kiruna, Sweden. 15.05.2013 // Arctic Council official website. Available at https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/93/MM08_Kiruna_Declaration_final_formatted.pdf?sequence=5&isAllowed=y. (accessed: 1.05.2022).
29. Медведев Д.А., Полончук Р.А., Шашок Л.А. Арктическая политика Китая в первой четверти XXI века / Под ред. С. Н. Гриняева. М.: АНО ЦСОиП, 2020. 84 с.
30. Krupnik, I., et al., Editors. 2011. Understanding Earth's Polar Challenges: International Polar Year 2007–2008. University of the Arctic. Rovaniemi, Finland / CCI Press (Printed Version), Edmonton, Alberta, Canada and ICSU/WMO Joint Committee for International Polar Year 2007–2008, 2011. 695 p.
31. У Цзяньшу 吴建树. Лунь чжунго цзай бэйцидэ чжань люэ сюаньцзэ 论中国在北极的战略选择 [О стратегическом выборе Китая в Арктике] // Гунгун вайцзяо цзикань 公共外交季刊 [Издание Народной дипломатии]. 2021. С. 33–35.
32. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы: Доклад № 26/2016 / Т. А. Махмутов и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. 56 с.
33. Sang Yarong. Praise for China's Xuelong icebreaker 8th Arctic expedition. 02.11.2017 Available at <http://chinaplus.cri.cn/news/china/9/20171102/47130.html> (accessed: 15.10.2021).
34. Schreiber, M. A new China-Iceland Arctic science observatory is already expanding its focus // News source «ArcticToday», 2018. Available at <https://www.arctictoday.com/new-china-iceland-arctic-scienceobservatory-already-expanding-focus/> (accessed: 15.10.2021).
- Китайский ледокол "Сюэлун" завершил 9-ую арктическую экспедицию и вернулся в Шанхай. 28.09.2018 // Жэньминь Жибао онлайн: [сайт]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0928/c31517-9504394.html> (дата обращения 15.10.2021).

REFERENCES

1. Dogovor o Shpitsbergene ot 9 fevralya 1920 goda [Spitsbergen Treaty of February 9, 1920]. *Jelektronnyj fond pravovyh i normativno-tehnicheskikh dokumentov* available at <https://docs.cntd.ru/document/902038168> (accessed: 03.01.2024) (In Russian).
2. Dogovor o Shpitsbergene ot 9 fevralya 1920 goda [Spitsbergen Treaty of February 9, 1920]. *Garant.ru. Informacionno-pravovoj portal* available at <http://base.garant.ru/2540212/> (accessed: 15.10.2021) (In Russian).
3. Kharlampyeva N.K. Evolyutsiya ponyatiya «Arktika» [Evolution of the Concept “Arctic”]. *Nauka i obrazovaniye*. 2014. № 3. P. 5–8. (In Russian).
4. Yagiya V.S., Kharlampieva N.K., Lagutina M.L. Arktika –novyy region vneshney politiki Kitaya [The Arctic – a New Region for the China's Foreign Policy]. *Vestnik*

- Rossiyskogo universiteta družbu narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2015. № 1. P. 43–52. (In Russian).
5. Labyuk A.I. Politika KNR v Arkticheskom regione: gosudarstvennyye i kommercheskiye proyekty [China's Policy in the Arctic Region: Government and Commercial Projects]. *Rossiya i ATR*. 2016. № 1(91). P. 96–106. (In Russian).
 6. Gutenev M.Yu. «Miagkie mekhanizmy» realizatsii arkticheskoi strategii Kitaya [“Soft” Mechanisms for Realizing Arctic Strategy of China]. *Sravnitel'naya politika*. 2018. Vol. 9. № 4. P. 147–153. (In Russian).
 7. Zabella A.A. Tseli i interesy Kitaya v Arktike [China's Goals and Interests in the Arctic]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki*. 2019. № 4. P.166–175. (In Russian).
 8. Kiyenko E.V. Mezhdunarodno-pravovyye osnovy sotrudnichestva Kitaya s arkticheskimi gosudarstvami [International Legal Framework for Cooperation of China with Arctic States]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 2019. № 2. P. 64–68. (In Russian).
 9. Lun Tsuy. Kitaysko-rossiyskoye sotrudnichestvo v Arktike (po materialam rossiyskoy pechati) [Sino-Russian Cooperation in the Arctic (Based on the Materials of the Russian Press)]. *Rossiya v globalnom mire*. 2023. Vol. 26. Iss. 3. P. 43–57. (In Russian).
 10. Wang Chuanxing 王传兴. Zhongguo de beiji shiwu canyu yu beiji zhanlue zhiding 中国的北极事务参与与北极战略制定 [China's Participation in Arctic Affairs and the Formulation of Arctic Strategy]. *Renmin luntan xueshu qianyan 人民论坛 学术前沿 [People's Forum Academic Frontiers]*. 2017. P. 30–37. (In Chinese).
 11. Filippova L.V. Nauchnyy potentsial Kitaya v Arktike [China's Arctic Research Potential]. *Kitay v mirovoy i regionalnoy politike. Istoriya i sovremennost*. 2019. Vol. 24. № 24. P. 279–295. (In Russian).
 12. Petrovskiy V.Ye. Politika Kitaya v Arktike [China's Arctic Policy]. *Aziatskiye igroki v Arktike: interesy, vozmozhnosti, perspektivy. Doklad № 26/2016. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*. M.: NP RSMD, 2016. P. 17–30. (In Russian).
 13. Tongji University. (n.d.) Center for Polar and Oceanic Studies. [Online] Available at http://cpos.tongji.edu.cn/en/content.aspx?in-fo_lb=1&flag=1 (accessed: 24.06.2022).
 14. Alexeeva, O.V., Lasserre, F. China and the Arctic. *Arctic Yearbook*. 2012. P. 80–90. Available at https://www.researchgate.net/publication/259042084_China_and_the_Arctic (accessed: 10.01.2024).
 15. Karlusov V.V. Arkticheskiy vektor globalizatsii Kitaya [Arctic vector of China's globalization]. 15.03.2012. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*. Available at <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkticheskiy-vektor-globalizatsii-kitaya/> (accessed: 15.01.2024). (In Russian).
 16. Zhurbey Ye.V. «Mozgovyye tsenry» i vneshnyaya politika Kitayskoy Narodnoy Respubliki: istoriya voprosa [«Think Tanks» and Foreign Policy of the People's Republic of China: Background]. *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*. 2011. № 2 (17). P. 164–173. (In Russian).
 17. Avkhadeyev V.R. Mekhanizm mezhdunarodnogo sotrudnichestva po problemam Arktiki: razvitiye na sovremennom etape i v perspective [Mechanism of International Cooperation in Arctic: Development and Prospects]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2018. № 4. P. 332–353. (In Russian).

- 18.** Declaration on the Establishment of the Arctic Council. Joint Communiqué of the Governments of the Arctic Countries on the Establishment of the Arctic Council. September 19, 1996. Ottawa, Canada. Available at chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://library.arcticportal.org/1270/1/ottawa_a_decl_1996-3.pdf (accessed: 07.01.2024).
- 19.** Baramidze D.D. Mezhdunarodnoye ekologicheskoye sotrudnichestvo v Arktike [International Environmental Cooperation in Arctic]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i Pravo*. 2016. Vol. 26. Iss. 4. P. 98–101. (In Russian).
- 20.** Guojia haiyang ju jidi kaocha bangongshi yu youguan guojia jidi jigou qianshu shuangbian hezuo liangjie beiwanglu 国家海洋局极地考察办公室与有关国家极地机构签署双边合作谅解备忘录 [The Polar Expedition Office of the State Oceanic Administration Signed a Memorandum of Understanding on Bilateral Cooperation with Polar Agencies of Relevant Countries]. *Zhonghua renmin gongheguo zhongyang renmin zhengfu* 中华人民共和国中央人民政府 [Central People's Government of the People's Republic of China]. Available at https://www.gov.cn/xinwen/2017-05/25/content_5196866.htm (accessed: 12.01.2024). (In Chinese).
- 21.** Muratshina K.G., Ivanova A.Ye. Politika Kitaya v Arkticheskom Sovete [China's Policy in the Arctic Council]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 423. P. 120–128. (In Russian).
- 35.** Chinese Arctic and Antarctic Administration (CAA), China. Available at <https://nyalesundresearch.no/members/chinese-arctic-and-antarctic-administration-cao-china/> (accessed: 13.01.2024).
- 21.23.** Polar Research Institute of China. Available at <https://en.pric.org.cn/> (accessed: 07.01.2024).
- 22.** Jakobson, L. China Prepares for an Ice-Free Arctic. *SIPRI Insights on Peace and Security*. 2010. № 2. Available at <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/insight/SIPRIInsight1002.pdf> (accessed: 08.01.2024).
- 23.** Arctic Council 7th Ministerial Meeting. Nuuk, Greenland. 12 May 2011. List of Participants. *Arctic Council Official Website*. Available at https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1608/list_of_participants_web.pdf?sequence=1&isallowed=y (accessed: 01.05.2022)
- 24.** Arctic Council Secretariat Annual Report 2013. *Arctic Council Secretariat*. Available at <https://oaarchive.arctic-council.org/items/b88aebab-6b46-4312-925e-d1d37f7f4567> P. 10–12. (accessed: 01.05.2022).
- 25.** More Chinese Pressure on Arctic Council. 17.04.2012. *Barents Observer*. Available at <http://barentsobserver.com/en/arctic/more-chinese-pressure-arctic-council>. (accessed: 19.03.2022).
- 26.** Kiruna Declaration. Kiruna, Sweden. 15.05.2013. *Arctic Council Official Website*. Available at https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/93/mm08_kiruna_declaration_final_formatted.pdf?sequence=5&isallowed=y. (accessed: 1.05.2022).
- 27.** Medvedev D.A., Polonchuk R.A., Shashok L.A. Arkticheskaya politika Kitaya v pervoy chetverti XXI veka [Arctic Policy of China in the First Quarter of the 21st Century] / Pod red. S. N. Grinyayeva. M.: ANO TsSOiP, 2020. 84 p. (In Russian).
- 28.** Krupnik, I., et al., Editors. 2011. Understanding Earth's Polar Challenges: International Polar Year 2007–2008. University of the Arctic. Rovaniemi, Finland / CCI

Press (Printed Version), Edmonton, Alberta, Canada and ICSU/WMO Joint Committee for International Polar Year 2007–2008, 2011. 695 p.

29. Wu Jianshu 吴建树. Lun zhongguo zai bei ji de zhanlue xuanze 论中国在北极的战略选择 [On China's Strategic Choices in the Arctic]. *Gonggong waijiao jikan* 公共外交季刊 [*Public Diplomacy Quarterly*]. 2021. P. 33–35. (In Chinese).

30. Aziatskiye igroki v Arktike: interesy, vozmozhnosti, perspektivy [Asian Players in the Arctic: Interests, Opportunities, Prospects]: Doklad № 26/2016 / T. A. Mahmutov i dr.; gl. red. I.S. Ivanov; Ros. sovet po mezhdunar. delam (RSMD). M.: NP RSMD, 2016. 56 p. (In Russian).

31. Sang Yarong. Praise for China's Xuelong Icebreaker 8th Arctic Expedition. 02.11.2017. Available at <http://chinaplus.cri.cn/news/china/9/20171102/47130.html> (accessed: 15.10.2021).

32. Schreiber, M. A New China-Iceland Arctic Science Observatory is Already Expanding its Focus. *News Source «Arctictoday»*, 2018. Available at <https://www.arctictoday.com/new-china-iceland-arctic-scienceobservatory-already-expanding-focus/> (accessed: 15.10.2021).

33. Kitayskiy ledokol "Syuelun" zavershil 9-uyu arkticheskuyu ekspeditsiyu i vernulsya v Shankhay [Chinese Icebreaker Xuelong Completed the 9th Arctic Expedition and Returned to Shanghai]. 28.09.2018. *Zhjen'min' Zhibao* onlajn. Available at <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0928/c31517-9504394.html> (accessed: 15.10.2021). (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Лун Цуй – аспирант Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: luntsui@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5342-8495

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Long Cui – Postgraduate student of the Higher School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: luntsui@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5342-8495

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2024. Одобрена после рецензирования 15.02.2024. Принята 20.02.2024.
Received 11.01.2024. Approved after reviewing 15.02.2024. Accepted 20.02.2024.*

«Россия в глобальном мире»

Том 27. Выпуск 1

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Лицензия зарегистрированного сетевого издания СМИ Эл № ФС77-84167 от 09.11.22

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор
Погодин С.Н. – ответственный редактор
Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала
Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать	Печать цифровая	Формат 60x84/16
Усл. печ.	Тираж	Заказ

*Отпечатано с готового оригинал-макета
В Издательско-типографическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29*

«Russia in the Global World»

Volume 27. Issue 1

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

License of the registered online media outlet El No. ΦC77-84167 dated 09.11.22

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief
Pogodin S.N. – Executive Editor
Sidorchuk I.V. – Scientific Secretary of the Journal
Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing	Format 60x84/16	
Conventional Printed Sheet	Circulation	Order

*Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегией руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики <https://russiaglobal.spbstu.ru/>. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить краткий обзор по тематике, при необходимости включая описание исследовательских методов и фактических материалов изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию материалов исследования в практике. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8–10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – **не менее десяти**.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть

(постановка и описание задачи, изложение материалов и суть основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,7 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,7 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,3 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке) не должны повторять название статьи;
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, в соответствии с техническими требованиями;
- **список источников** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Примеры оформления источников и транслитерации

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.

1. Borisov O.B., Koloskov B.T. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1945–1980. [Soviet-chinese relations. 1945–1980] 3-e izd., dop. M.: Mysl', 1980. 638 s. (In Russ.).

2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23.

2. Aleskerova N.Je. Nekotorye svedeniya ob istorii i mirovozzrenii srednevekovogo sufijskogo bratstva Halvatija. [Some information about the history and worldview of the medieval Sufi brotherhood Khalwatiyya]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija 13. Vostokovedenie i afrikanistika. 2011. Vyp. 4. S. 13–23. (In Russ.).

3. Президент России. Официальный сайт президента Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 24.07.2021).

3. Prezident Rossii. [President of Russia]. *Oficial'nyj sajt prezidenta Rossijskoj Federacii*. Available at <http://kremlin.ru> (accessed: 24.07.2021). (In Russ.).

4. Сысоева С.В. Использование цвета в рекламе // Сибирский торгово-экономический журнал. 2011. № 12. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (дата обращения: 25.07.2021).

4. Sysoeva S.V. Ispol'zovanie cveta v reklame [The use of color in advertising]. *Sibirskij trgovoj ekonomicheskij zhurnal*. 2011. № 12. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (accessed: 25.07.2021). (In Russ.).

Текст статьи должен содержать ссылки *на все источники* из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции <https://russiaglobal.spbstu.ru/>, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия
Телефон: 8 (812) 606-62-42; e-mail: russiaglobal@spbstu.ru